

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

«ПОЛЯРНОЕ
СИЯНИЕ»

2006

ЛС

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

«ПОЛЯРНОЕ
СИЯНИЕ»

2006

ЛС

**Комитет культуры, молодежной политики и спорта
Администрации города Дудинки**

**Муниципальное учреждение культуры
«Дудинская централизованная библиотечная система»
Центральная библиотека**

Издание альманаха ставит своей целью популяризацию творчества прозаиков и поэтов, драматургов и литературных критиков, проживающих на полуострове Таймыр или пишущих о нем.

Ответственный за выпуск: Т.Е. Жиганова

Редактор: В.Г. Заварзина

Составитель: М.В. Ширяева

Компьютерный набор: О.Н. Лукина, М.В. Ширяева

© МУК «Дудинская ЦБС»,
Центральная библиотека, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

БЕРЛИЗОВА Алена	«Мир за темною стеной» 14	О плодovitом сочинителе... 24
Письмо..... 5	КАРТАШОВА Галина	НАЗУЛЛАЕВА Жанна
«Хочешь, приду к тебе...» 5	Сказочный порт..... 15	«Огонь любви еще
«Минуты повторяют бег...» 5	Волочанка..... 15	горит...»..... 25
«Я не скучаю...»..... 5	Мастерица Лариса 16	«Я иду к тебе
БЛОХИНА Наталья	Я – колдунья..... 16	преждевременно...»..... 25
«Давай зажжем...»..... 6	Мои стихи..... 16	Любви уходящей..... 25
«Притяжение звездного...» 6	КУЗЬМИЧЕВ Владимир	Любви будущей..... 25
«Не дав мне тихий свет...»..... 6	«Я от жизни поблажек	РУКОСУЕВ Максим
ГАЛИЦКАЯ Анна	не жду...»..... 17	«Спрошу я у ветра...» 26
«Сыплет снежинки	«Я обнять тебя хочу...»..... 17	«Эти ели вскарабкались
на мокрые лужи...» 7	«Голубые дали мне откроет	к небу...»..... 26
«Ранним утром в саду...» 7	небо...» 17	«Яростно, гневно, дико» 26
«В замерзшей луже погасли	«Аромат душистых роз...» .. 17	САГАН Елена
звезды...» 7	«Горький запах	Бабушка Мактал..... 27
«И снова ночь...»..... 7	миндальный»..... 17	Метизация – благо
ГРИЦАЕНКО Ольга	ЛАРИН Александр	для всех 27
«Последний лист, осенний	«Вот овраг – а вот	«Огонь свечи зажгу
лист...» 8	тропа...» 18	слезой»..... 27
«Никто из вас не соблюдает	«Помнишь, под одним	«В огне дорог я путь
правил...» 8	брзентом...»..... 18	найду»..... 27
«Незнакомец, меня прости...»	«Прости меня, но больше	Ледоход на Енисее 27
..... 8	не могу...» 18	САЛАЙКИНА Светлана
«Я бы дорого дала...» 8	«Белый задник пред глазами»	«Если хмурый, тоскующий
«Мне казалось, мой друг...» .. 8 18	час...»..... 28
«Пока я есть и быть хочу...» .. 8	«Стылый вечер. Стучит...» .. 18	«Во мне живет желание
ЗАВАРЗИНА Валентина	«Синим, ярким покрывалом»	свободы...» 28
Сердце Таймыра 9 19	«Да, есть блаженный свет» .. 28
Ветер..... 9	«Неба сумрак с поволокой» . 19	СТАХИВ Марина
Первая любовь 9	«Даль затянута легкою...» 19	Родина 29
Я жду тебя 9	«От тебя не слышу ответа» .. 19	Берегись!..... 29
Притяжение 10	«Разумянилась природа»..... 19	ЩЕРБАКОВА Алевтина
Мы – братья..... 10	«Хочется быть маленьким».. 19	«По краю взгляда твоего» 30
Сын Таймыра 10	ЛЕБЕДЕВА Александра	«Чтоб петь тобой придуман-
ЗНАЕВА Людмила	«Заварила кашу круто...»..... 20	ную песню» 30
«Розданы судьбы...»..... 11	«Господи, избави	«Где-то гром
«Таял снег, и плакала душа» 11	от лукавых» 20	ворочал горы» 30
Дочери 11	ЛЕВЕНКО Анатолий	ЯГУМОВА Елена
Стужа января..... 11	«Ущелье судьбы, где	«Одолела последний поток» 31
Осенний этюд..... 12	проблемы...» 21	«Колочий терновник,
«Тебя я знала так давно»..... 12	Ожидающей..... 21	пролески» 31
Ностальгическое..... 12	Присвоение..... 21	«Вечерний свет так
«Не думай горько бо мне» ... 12	Сонет надежды..... 21	распылен»..... 31
Закат..... 12	ЛЕВЕНКО Вера	«Тихо ели молятся...» 31
КАНТАРИЯ Владимир	«Руки сплетая в венок...» 22	ПРОЗА
«Полу-сонно, полу-вяло...» .. 13	Таис Афинской..... 22	АПЛЕСНЕВА Ирина
«Налей мне белого вина...» .. 13	«Мерцание свечей...»..... 22	Собственники. <i>Рассказ</i> 32
«Бессонниц светлые	«Я с каждым	БАРСУКОВА Елизавета
тона...» 13	километром...»..... 22	Бескорыстная помощь.
«Свободы царственная	ЛУЗАН Сергей	<i>Рассказ</i> 35
ложь...» 13	Напряженность тишины 23	БОТНАРЮК Петр
«Среди выцветших дам...» .. 13	Необходимое 23	Чья шкура крепче? <i>Рассказ</i> .. 39
Шу-чу-я 14	Ночная акварель..... 23	БОЯРСКАЯ Маргарита
«Печаль – надуманная ложь»	Состояние 23	Старые вещи. <i>Рассказ</i> 42
..... 14	Мгла Бырранга 24	Неоконченный рассказ 42
«Докурю свой бычок...» 14	И снова пурга 24	
«Вдруг покажется глупым» . 14	О сердце и памяти 24	
	Зимовка..... 24	

ГУЛЯЕВ Юрий Крещенская нагайка. <i>Мистический рассказ</i>	46
ДУБОВИЦКАЯ Ирина Декабрьский сплин. <i>Рассказ</i> 49	
ЗВЕРЕВ Илья Игрушка. <i>Рассказ</i>	51
КАЛИНИН Виктор Иуда. <i>Военная быль</i>	53
КОНОВАЛОВ Кирилл Моррэдэ. <i>Сказка</i>	55
НАДЕЖДИН Николай Что было бы, если.... <i>Рассказ</i>	58
Колыбельная.....	60
САКТОБЕРГЕНОВА Анна Бабушкины пирожки. <i>Рассказ-воспоминание</i>	61
СОЛДАКОВ Владимир Жмеринский скрипач. <i>Рассказ</i>	63
Ангел мой! <i>Художественно-документальная повесть</i>	66
СОТНИКОВА Ирина Ах, осень тундры вековой! ..	72
Странная дружба. <i>Рассказ</i> ...	83
ФОМИНА Наталья Мужская доля. <i>Рассказ</i>	75
Мишкина ангина. <i>Рассказ</i> ...	77
ФАЛЬКОВА Ольга Мертвое стойбище. <i>Мистическая повесть</i>	80
ШАЙБУЛАТОВА Татьяна И поскакали всадники. <i>Рассказ</i>	111
ДЛЯ САМЫХ МАЛЕНЬКИХ	
ШАЙБУЛАТОВА Татьяна Снежные зайцы. <i>Зимняя сказка</i>	113
Откуда я взялся?	114
«Если звезды в небе светят»	114
«У нас в шкафу живет пальто».....	114
КУХТА Елена Чудесная страна	115
Пары.....	115
Мой подарок.....	115

МЕДВЕДЕВ Геннадий Приключения Персика. <i>Рассказ</i>	116
Новый друг. <i>Рассказ</i>	118
МЫСЛИНА Ольга Барабан	121
Сон	121
Что вкуснее?.....	121
Концерт.....	121
НОНИН Эдуард Про насекомых.....	122
Нападение.....	122
Как говорит жираф	122
В магазине «Мясо-рыба» ...	122
ТВОРЧЕСТВО ЮНЫХ	
СЕМЕНОВ Максим «Я лежу, а ветер ходит...» ..	124
ТИТОВСКАЯ Екатерина Кто?	124
Что такое «СОЛНЦЕ»?.....	124
Небо	124
Рисунок.....	125
КОНДРАТЕНКО Инна Весна.....	125
Мой Север	125
ПЕЛИПЧУК Дарья Грешный Ангел.....	126
Я мечтаю о тебе	126
Снег.....	126
ЛАУЭР Мария Золотой водоем	127
Т.В. Фадеевой.....	127
РОМАНИЮТА Мария Хозяин Севера.....	127
ЛИМАНЕЦ Екатерина Что шепчет ветер в Тундре?	128
После бури.....	128
ГУСЕВЫ Арина и Полина Сказка о Белом Медведе	128
СЕНАТОР Иван Сказка о дружбе лемминга Евки и песца Моньки	129
ДАНИЛОВА Анна Приключения медвежонка Фимки.	130
БАБЕНКО Екатерина Как пуночка спасла Мак	130
ВАХРУШЕВ Стас Первый дождь	131

НАДИНА Даша Что такое «активировка»?	131
КАЗМИНА Вероника Диксон поэтический	131

ПУБЛИЦИСТИКА

ЗАБЕЛКИНА Галина <i>Из блокнота журналиста</i> Мечта о синей птице.....	133
Две судьбы.....	134
ЯПТУНЭ Раиса Где ты, невеста оленевода? ..	136

ПАМЯТЬ

КОСТЕРКИНА Надежда «Уже давно растут здесь внуки»	139
«Где народ мой, который веками»	139
«Солдатом был мой родич на войне»	139
«Абсолютно тебе доверяю».....	139
«Мы сами судьбу сотворяли»	139
«Я по тем пройду просторам»	139
ХАСДАН Марк Открытие сезона охоты	140
«Мы славим убитых, которым плевать...».....	140
«Узко нахмурились смуглые нивхи...».....	140
ЗНАМЕНСКАЯ Светлана Сеятель.....	141
Лесное озеро.....	141
Молитва	141

ФОЛЬКЛОР

История о Вэнго Ламчике <i>Ненецкая быль</i>	142
Сказка про мышку. <i>Ненецкая сказка</i>	142
Ядна Хасава. <i>Ненецкая легенда</i>	142
Лыбракан. <i>Долганская сказка</i>	144
Эр Соготох – богатырь одино- кий. <i>Долганская сказка</i>	145
Боскондой. <i>Долганский героический эпос</i>	146
БЕТТУ Лариса Фольклорные традиции в твор- честве Огдо Аксеновой	150

Алена Берлизова

Родилась 1974 году в г. Кривой Рог. В Норильске с 1989 года. Стихи пишет с 15 лет. С 1994 года занималась в литературном объединении «Водолей». С 2001 года член городского литературного объединения (Центра развития литературного творчества). Автор поэтического сборника «Страницы забытой любви», публиковалась на страницах норильских газет, в альманахах «Водолей», «Аквариум», на сайтах «ПРОЗА» и «ПОЭЗИЯ».

Письмо

Слеза скатилась по моей щеке,
Наверно, первая за два последних года.
Как ты живёшь, любимый, вдалеке?
Какая в твоём городе погода?
Какие фильмы смотришь, что читаешь?
И по утрам пьёшь кофе или чай?
Я знаю – ты меня не вспоминаешь.
А если вспоминаешь – невзначай.
А у меня всё хорошо, поверь.
Есть человек, с которым мне не трудно...
Но вечерами открываю дверь
И чутко жду, а вдруг придёшь под утро.
Наверно, зря пишу письмо тебе.
Я написала штук, наверно, тридцать.
Но все они лежат в моём столе.
Мне наша встреча даже и не снится.
Зачем тревожить письмами тебя?
Я отпустила – будь свободен, милый.
Тебя всё также трепетно любя,
Я письма свои бережно хранила.

Хочешь, приду к тебе ночью
Ласковою волчицей?
Вроде бы хищник, всё же
Буду с тобой нежна.
Не от тебя моя дочка...
Может, пора лечиться?
Знаешь, опять мне снится
Что я с тобой до утра.
Что же, мечты мечтами?
Всё же я знаю – хочешь,
Чтобы в груди было пламя.
Чтоб я пришла к тебе ночью.

Минуты повторяют бег
Секундной стрелки.
Стою у двери, где успех
Похож на сделку.
Тебя искала как могла
Ждала, кричала...
Да, эта сказка без конца.
И без начала.
Я марафонец. Много лет
Бегу по трассе.
Как пёс вынюхиваю след,
Но всё напрасно.
И вот заветная та дверь
И близок финиш.
А ты мне говоришь «Не верь
Тому, что видишь».
И гонишь снова в темноту –
Бежать по трассе.
И не уверена – найду ль
Своё я счастье.

Я не скучаю –
Живу тобой.
В походе. Знамя
Над головой.
Поход мой вечен –
И в дождь, и в снег.
Я обеспечу
Тебе успех.
Несу я знамя
На белом синим –
«ЛЮБОВЬ». А значит
я всё осилю.

Наталья Блохина

По профессии психолог-консультант. Печаталась в норильской периодике, в альманахах «Полярное сияние», «Рукопись», в поэтическом сборнике «Стихотворящая лоза». В 2003 г. в Красноярске вышел сборник ее стихов «Негромкое пение».

Давай зажжем с тобой свечу,
чтобы услышать сердца звуки.
Я от того сейчас молчу,
что все сказали мои руки.
Такой огромной тишины
два наших сердца не слышали,
и чистоты, и глубины
такой еще не открывали.
И все пророческие сны
не зря нам в памяти всплывали,
но лишь теперь они ясны –
мы – там с тобою повстречались.
Еще мне верится с трудом,
что вечер наш не сновиденье,
что этот стол, свеча и дом
не растворятся во мгновенье.
Здесь только руки и глаза,
два сердца в пламени волненья,
моя соленая слеза
да растворит твои сомненья.

Притяжение звездного неба,
да ночные рулады сверчка,
и потребность насущного хлеба
отступает, коль рядом рука –
дар твоей бесконечной свободы,
за нее удержаться хочу.
И ночные потоки, как воды,
мне тепло свое льют по плечу.

Тишина спящих улиц, дороги,
свет луны, танец звезд, ветерка.
Отступают заботы, тревоги,
когда слышу рулады сверчка.

Не дав мне тихий свет своей любви,
ты подари мне сладкое забвенье,
вползая в сон мой мудростью змеи
и исчезая в пятом измереньи.
Дом и окно, в котором две звезды
лучами, как руками обнимались...
Там наши одинокие следы,
как на снегу нетающем остались.
Тетрадка со стихами, где рукой,
твоей рукой мое забыто имя...
Но, если не забвенье, так покой,
даруй покой и забывай с другими.
О, пусть наполнит душу мне покой.
Весенний запах есть в морозном утре,
Он протекает струйкою сквозной
в небесном застывая перламутре.
Последней отступает суета,
смирясь перед силою апреля.
Пространство, где дышала пустота
наполнится весеннею капелью.
Не дав любви, забвенье подари,
как сладкий дым, как ровное дыханье.
Потом тихонько двери затвори
и уходи без слез и без прощанья...

Анна Галицкая

Родилась в 1986 году в поселке Усть-Порт. В 2002 году стала призером литературного конкурса «Есть Таймыр единственный». Стихи пишет с 13 лет. Окончила Таймырский колледж в 2005 году. Живет в Дудинке. Публиковалась в газете «Таймыр», в альманахе «Полярное сияние-2004».

Сыплет снежинки на мокрые лужи
Старый Сентябрь;
Ветер хрипит, он снегами простужен
Грозный, как мавр.
Солнце потухло, и небо остыло,
Дни холоднее.
Кровь в моих жилах и венах застыла...
Холод роднее.

2002 г.

Ранним утром в саду
По тропинке бреду,
И туман-молоко
Растворился легко
В золотистых лучах.
У меня на плечах
Шаль июльского зноя
И иголки сосны
У меня в волосах.
Шум морского прибора
И забытые сны
В это раннее утро
Вспоминать не хочу –
Просто птицы запели,
Я их песни учу.

2003 г.

В замерзшей луже
Погасли звезды,
И наклонился вбок
Небосклон.
Не спится мне,
Хоть и очень поздно,
Меня не хочет
Тревожить сон.
Быть может где-то,

За этой гранью

Есть мир, похожий
На лес чудес.
Быть может, в мире
Я этом стану
Счастливей всех.
Ну, а пока
Надо быть сильнее.
Простить врагов –
Мне не надо зла.
Я оттого становлюсь добрее,
Что в этом мире
Я не одна.

И снова ночь.
И жизнь кружит устало.
И город за окном
Так сладостно зевнул.
Назло невзгодам,
Я любить не перестала,
Мне этот миг
Всю жизнь перевернул.
Все хорошо,
И жизнь восстановилась.
В душе и для любви,
Как будто место есть.
Простившись с прошлым,
Я переменялась
И все улыбки, как благая весть.
Мне так легко,
Что поднимаюсь в небо.
И крылья распустились
За спиной!
Как жаль, что ты
Со мною раньше не был,
Когда мне приходилось быть одной.

2003 г.

Ольга Грицаенко

Живет в Талнахе. По профессии – врач. Ее стихи публиковались в местной печати, на страницах альманахов «Полярное сияние», «Рукопись», «День и ночь». Автор поэтических сборников «Обнародованные стихи», «Дикая власть», «Спасибо за любовь».

Последний лист, осенний лист
кружит мелодию стиха,
кровь в жилках мертвенно-суха,
всей жизни в нем – под ветра свист
зависнуть в воздухе на миг
и существа продлить движенье,
смирясь, – назад нельзя уже мне,
мне ввысь нельзя, где птичий крик
сулит безвыходность зимы
и безысходность умиранья.
Здесь воздух весь – живая рана –
изрезан выдохом немым.

Никто из вас не соблюдает правил,
написанных и сказанных с трибун.
Несется ваш испуганный табун
из края в край, куда вожак направил.
В любом из вас присутствие порока
рождает искривление зеркал.
И кто из вас из милости не лгал,
приличествуясь манией пророка?
И я, как вы, не следую канонам,
скольжу по искривлению стекла.
Но суть моя, пока не истекла,
цепляется за трещинки закона.
Но суть моя, что городская площадь,
исхожена и вдоль, и поперек.
Ей спотыканья не идут в урок.
Хрипит она, как загнанная лошадь,
упрямится и из последних сил
отыскивает новую дорогу,
противясь стаду.
Верит только Богу,
приемля все, что Он ей подносил.

Незнакомец, меня прости
и грехи мои отпусти.
Мне до Бога уже не дойти,
все по кругу мои пути.
Незнакомец, перед тобой

я – как лист перед травой,
мотылек за стеклом в ночи.
Не молчи, прошу, не молчи!
...И прощай. И меня забудь.
...Мне по кругу начертан путь.

Я бы дорого дала,
десять лет не пожалела,
если б кто-то мне сказал,
кто же я на самом деле.

Мне казалось, мой друг,
мы из разных миров,
из различных вселенских конфессий,
что различны хлеба
наших горьких пиров
и слова наших радостных песен.
Оказалось, мой друг,
ты, как я, одинок,
и с ресниц наших капельки грусти,
обращая в стихи,
поглощает листок.
Мы различия в души не впустим.
Имя Бога, мой друг,
оказалось одним,
бесфамильного Бога земного.
Он, как мы, беззащитен
и ложью раним,
и в любви возрождается снова.

Быть или не быть?..

В. Шекспир

Пока я есть и быть хочу,
меня не жжет альтернатива.
Иду, покорная лучу,
от сущей к пущей перспективе.
Вопрос простой для мудрецов,
а я теряюсь, как девчонка:
– Иду на собственный я зов,
или чужой диктует четко?

Валентина Заварзина

Родилась в 1947 году на Алтае. Профессиональный журналист, двадцать пять лет работала в различных изданиях, пятнадцать из них в газете «Советский Таймыр». Стихи и проза опубликованы в сборниках «Белый олень Сэреко», «Город белых ромашек», «Поэтессы Енисея», в журнале «Северные просторы». В 2002 году вышла первая книга стихов «Полуостров любви» (Красноярск). С 2002 года является редактором альманаха «Полярное сияние».

Сердце Таймыра

Дудинка... Северная лира
 Названье городу дала.
 Столица Арктики, Таймыра,
 Приют доверья и тепла.
 Оазис разума и света
 На широте полных зим.
 Добром и щедростью согрета,
 Запасом дружбы золотым,
 Любовью к северному краю,
 Гостеприимством для судов,
 Которых круглый год встречает
 Улыбчивость портовиков.
 Наш дом родной в ладонях тундры
 Укрыт шатром прожекторов,
 Когда ночного мрака студень
 Грозит Дудинке из снегов.
 Когда металл с морозом споря,
 Теряет прочности баланс,
 Людей дыхание второе
 Дает здесь жизни новый шанс.
 У заполярного кумира
 И нрав, и облик непростой.
 Столица Арктики, Таймыра,
 На Енисее – порт морской.

Ветер

Мчался за кем-то, кого-то искал
 В бешеной скачке неутомимой.
 Вдруг раскололся о грани скал,
 Ветки запутал плакучей ивы.
 И над ее обнаженным коленом
 Замер, затих в восхищеньи немом.
 Словно она Афродита из пены,
 Словно он не был с нею знаком.

Так вот мелькают дни и недели,
 В спешке стараясь и «завтра» стереть...
 То, что снаружи – не рассмотрели.
 Суть и подавно – не рассмотреть.

Первая любовь

Затерялись твои следы
 Среди дел и часов усталых,
 Убежали реки воды,
 Память юности обветшала.
 Но порой, словно взмах крыла
 Отмечает рутину будней...
 И стекает вода с весла –
 Мы речные изгибы будим.
 Полушепотом назову
 Солнценосное это имя,
 И заполнит утра канву
 Запах трав и волос любимых.
 Колокольцами по воде
 Дробь дождинок, неся прохладу...
 Здравствуй, утро! И здравствуй, день!
 Милый рядом! Мой милый рядом!
 В пеньи струй я ответ ловлю,
 Или хочется это слышать:
 Я люблю тебя! Я люблю!
 Это было подарком свыше...
 Смыт усердьем речной воды
 На песке ободок портрета,
 Испарились твои следы –
 Затерялись в юности где-то...

Я жду тебя...

Ты говоришь – тут небо низковато,
 Ты зябнешь даже летом и весной,
 Что здесь природа вовсе не богата,
 И нет у нас дороги проездной.

Тебе открою северную тайну,
 Волшебной жизнестойкости секрет –
 Здесь не бывает лишних или крайних –
 У каждого в душе вселенной свет.
 Я научу тебя любить и верить,
 И видеть свет в полярной черной тьме,
 И, стук услышав, без боязни двери
 Распахивать, когда гудит метель.
 И ты почувствуешь приветливость простора
 И ожидание нетронутых озер,
 И юга с севером закроет споры
 На окнах вытканый морозами узор.
 Мы силой чувства мерзлоту растопим,
 И станет явью то, что было сном.
 Меридианы ухватив, как стропы,
 Мы Землю Арктикою к солнцу повернем.
 Ты приезжай, я жду и днем, и в полночь,
 Тепло души тебе отдать хочу.
 Ты приезжай, мы счастьем жизнь наполним,
 Я жду тебя, я не гашу свечу.
 Я отопрею пальцы твоих рук,
 Свое дыханье подарю тебе я,
 Ты приезжай, я жду тебя, мой друг,
 Я жду тебя, ты приезжай скорее.

19.02.2006 г.

Притяженье

Я окунаюсь в солнечный простор,
 А вспоминаю свежесть снегопада,
 Его частиц весомую прохладу
 И филигранность краткосрочных форм.
 Я упиваюсь негой светлых волн,
 А вспоминаю мглу полярной ночи,
 Пронзенную лучами звездных точек,
 Когда светило где-то смотрит сон.
 Я вижу тополя и дуба спор –
 Они горды своею красотой,
 А чудится мне шепот под ногою
 Душистых трав, раскинувших ковер.
 Я уезжаю в отпускной сезон,
 Стремясь набраться теплоты у моря...
 И сразу же тоскую о просторе,
 Который только волею силен!
 Я слушаю далекой тундры зов
 И поражаюсь силе притяженья –
 Она смогла скруглить мое движенье,
 Как будто в ней был мой родимый кров,
 И грез страна из дальних детских снов –
 Родным стал край мороза и ветров!

22.05.06 г.

Мы – братья...

Сказала Люба Комарова,
 Что все мы братья на Земле.
 По-христиански, и по крови,
 В час возрожденья и во мгле...
 Моя алтайская скуластость
 Меня с таймырцами роднит.
 И край, природой не обласкан
 С родимым краем в сердце слит.
 И мне здесь и Огдо, и Люба,
 И каждый, кто родился тут,
 По-сестрински родны и любви,
 По-братски делим неуют.
 Таймыр богат своим простором,
 И если ты открыт душой –
 Кавказа сын или Босфора –
 Ты здесь навеки станешь свой.
 Но только помни – брат у брата
 Не разорит семейный кров.
 Бери для жизни сколько надо,
 И отдавай взамен любовь!

Сын Таймыра

Над простором широким Таймыра
 Пролетают ветра всего мира,
 Его воздухом чистым наполнив
 Свои легкие, движутся в полдень.
 И насытившись талой водою
 Облака уплывают гурьбою,
 Чтобы воду целебную эту
 Отнести на пустыни планеты.
 Только свет заполярных сияний
 Он не может дарить южанам –
 Эта пляска огней в поднебесье
 Для живущих на Севере песня.
 О ветрах, о циклонах и грозах
 Всему свету дает прогнозы,
 И хранит полуостров богатый
 Мерзлотою укрытые клады.
 Но ценнее мехов и бриллиантов,
 И оленей несметного стада,
 Драгоценнее рыб осетровых,
 Неоглядных ценней полуостров
 Уникальная по величью
 Северянина гордая личность.
 К испытаниям духа и тела
 Подготовлен он тундрой и делом.
 Сплавом мудрости и закалки
 Сын Таймыра отмечен ярко.

Он живет на земле с любовью –
 По-хозяйски и по-сыновьи.

Людмила Знаева

Живет в Норильске. Психолог по образованию. Стихи публиковались в периодической печати, в альманахах «Енисей», «Рукопись», «Полярное сияние», в поэтических сборниках «Гнездовье вьюг», «Стихотворящая лоза». Лауреат литературной премии им. Ю. Бариева (2000 г.), лауреат премии «Вдохновение» (2001 г.). Автор поэтического сборника «Одинокий силуэт».

Розданы судьбы
 Всевышним по правилам.
 Что ж, мои судьи,
 меня вы оставили?
 Собраны крохи
 последнего праздника,
 крохи не плохи,
 но в этом ли разница?
 Памятью вынутой
 мечу грядущее
 вольноотринута,
 вольноотпущена.

Таял снег, и плакала душа,
 но не о весне и не о лете,
 а о том, что жизнь на этом свете,
 в сущности, не стоит и гроша.
 А вокруг такая благодать –
 неба храм высокий и прозрачный,
 там пунктиром путь мой обозначен.
 Где потом душе моей сиять.
 Отряхну земную канитель
 с плеч своих и зябнущих ладоней.
 И услышу, как во мне застонут
 сонмы душ, ушедшие в метель.
 И войду в их непорочный круг,
 чтобы никогда не возвращаться,
 чтобы никогда не превращаться
 в бронзовое золото разлук.

Дочери

За горами дальними, лесами,
 где еще по полдню бродит зной,

чудо с васильковыми глазами,
 золотистый одуванчик мой,
 смотрит сны под бабушкины сказки,
 утром вместе с солнышком встает,
 доверяя миру без опаски
 детство краснощекое свое.
 Ни обид, ни зла еще не помнит,
 умиля весь соседский люд,
 на просторе бабушкиных комнат
 сочиняет кукольный уют.
 Обо всем щебечет без умолку,
 силу слов еще не распознав,
 дружит с псом дворовым –
 истым волком,
 добротой смирив
 недобрый нрав.
 Топает по маминим дорожкам.
 Думает о радостном своем,
 крепко держит
 в маленьких ладошках
 сердце изболевшее мое.

Стужа января

Едва дрожит в дыму мороза
 Туманный факел фонаря.
 Лютует стужа января
 Жестоким минусом прогнозов.
 В тиски застывший воздух сжат,
 И жметесь ночь к земле поближе,
 И даже ветры, чтобы выжить,
 Свернувшись, возле гор лежат.
 Оцепененья немота
 Впивается в лицо и руки.
 И падают на землю звуки,
 Их не приемлет высота.
 Но я лечу сквозь этажи
 В сплетение тепла и света,

И на твоих ладонях лето
Румяным яблоком лежит.

Осенний этюд

Окончен долгий поединок
Неукротимых летних гроз.
Сбегают руслами тропинок
Медь кленов, золото берез.
Огонь боярышник разводит,
Сжигая летний реквизит.
В последний раз спешит природа
Осенней роскошью сразить.
Горят в кострах одежды лета,
И проступает сквозь дымы
Сиротство обнаженных веток –
Скупая живопись зимы.

Тебя я знала так давно,
в прошедшие века.
Была давно такой родной
улыбка и рука.

Я в древней памяти моей
с тобой делила кров,
тревоги дней, тоску ночей
и горький дым костров.

Как знала я твой голос, взгляд
в далекой жизни той,
где мы без права на возврат
оставлены с тобой...

Но я спешу в свой новый дом
и думаю о том,
как странно. Мы с тобой живем
опять во времени одном
и в городе одном.

Ностальгическое

Тишина и одиночество,
где привычный мой очаг.
Навсегда сбылись пророчества
о больных моих ночах.

Так срослась с тоской и зимами,
что оттаять не могу,
хоть и ждут меня любимые
на далеком берегу.

Горькой памятью отмеченный,
обступил ночной покой.
До последних дней обвенчана
только с болью и тоской.

Отступись судьба нескладная,
пусть померкнет у креста
гаревая безотрадная
беспощадная звезда.

Не думай горько обо мне,
и злобно обо мне не думай,
и мыслью тяжелой и угрюмой
не мучай душу в тишине.
Я так хочу, чтобы легка
была и мысль твоя и память,
о том, что не случилось с нами,
о том, чем живы мы пока.
Как свет разбуженной зари,
пусть облик мой неяркий светит.
И ты живи легко на свете,
когда он, смеркнув, отгорит.

Закат

Солнце коснулось
острых верхушек
елей и сосен
и расколосось.
Себя обнаружив,
вспыхнула осень.
В синих осинах
ало застыли
жгучие брызги.
Горестный миг
завершенья постигнув,
замерли листья.
Солнце текло
по вечернему небу,
долго пылало.
В ярком огне
и печально, и немо
лето сгорало.

Владимир Кантария

Родился в 1952 году в Грузинской Мингрелии. На Таймыр приехал в 1973 г. Работал в порту докером-механизатором. Стихи начал писать с 1979 года, в 1982 г. в газете «Советский Таймыр» впервые появилась большая подборка его стихов. С тех пор были публикации и в окружной газете, и в «Заполярной правде». В 1994 году издал сборник стихов «Верните мне мое...». В 2000 году – сборник стихов для детей «Кантаринки». Печатался в альманахе «Полярное сияние».

Полу-сонно,
Полу-вяло,
Осенив себя крестом,
Образа поцеловала
И шагнула в Божий дом.
Жизнь прекрасна
В неге юной,
Неизбежный тлен далек.
Сука, милая колдунья,
Сталинградский говорок.
Тускло светит ночь звездюю,
Кто любил, тот не урод.
Смерть поэтов с перепоею
Собирает круглый год.
Я тебя еще ласкаю,
Но уже рукой чужой.
Догораю.
Дорогая,
Хочешь воли –
Бог с тобой.

Налей мне белого вина,
Ночь не страшна – она предтеча.
Она предтеча нашей встречи,
Налей мне белого вина.
Я не устал.
Любовь гостиниц
Я в Новый год
Как яд приму.
Я не устал.
Мне жизнь – зверинец,
Где воли нету никому.
Налей мне белого вина,
Ночь не страшна,

Она постыла.
В постели пьяная кобыла...
Налей мне белого вина.

Бессонниц светлые тона.
Брожу по комнате один.
Моя тюрьма – моя страна,
Грузин в России не грузин.
Я здесь лицо кавказских гор,
Чужой и чуждый элемент.
Я террорист, а может вор,
Но знаю точно, что не мент.

Свободы царственная ложь-
Души призор.
Идем-бредем под острый нож
На скотный двор.
Нас запах крови опьянил
И шелест мзды.
И черный дядя объявил-
Жизнь – без узды.
Не блей, не блюй,
Не вой, не пой,
Живи, как хош.
Но все равно на скотный двор
Пойдешь под нож.

Среди выцветших дам
Сердце бьется спокойно и ровно.
Промотал я наследство
И пропил последний мираж.
Узы уз разорвал
И устал от словесных надгробий,
Бриллиантовым шрифтом

Стихи обвенчал метранпаж.
 Я по осени брёл
 Меж личин безучастных и хмурых
 Дух упавшей листвы,
 Как дурак я тревожил клюкой
 Я хватался за ВЕРУ,
 Как Юрка Бариев за суры.
 Я хватался за ВЕРУ
 И снова срывался в запой.
 Мне не надо богатств
 И обглоданной кости морали,
 Я, прозрев, не узрел,
 Что прозренье печально моё.
 Я ведь как-то писал,
 Что лечу между Гончими псами,
 Я ведь вам пожелал,
 Чтоб слетело с лица воронье.
 Я по осени брел...

Шу-чу-я

Что прекрасно, то-напрасно,
 Жить на ярмарке грешно.
 Подливает дура масло
 Мне в огонь земное зло.
 Утра звон – ночные раны
 Мне залечат, я готов,
 Разливает друг «Чинзано»
 По стаканам для «скотов».
 Так – не так, а может эдак-
 Жизнь как вошь на гребешке.
 Справа гений, слева педик,
 Шея в тонком гребешке.
 Пища духа – кровь и ревность,
 Смерть – возница на возке,
 Мы храним свою трехмерность,
 Как малину в туюске.
 Я грущу, не зная сладу,
 Век храня ушедший свой.
 Мелят мельницы из ада
 Жерновами череп мой.
 Я – ПОЭТ. Довольно глупо
 Волочить себя на казнь,
 С неба звезды смотрят тупо
 На земную грязь и мразь,
 Я – ПОЭТ. Проклятье Божье,
 Гениальности порок.
 Ночью бесы корчат рожи,
 Днем тоска сбивает с ног.

Печаль – надуманная ложь.
 Любовь – ободранная липа.
 Поэт – пророк

и вечный бомж,
 Суть бытия –
 отвага крика.
 Крути шарманку, дуралей,
 Пожизненно в вагоне спальном.
 Себе налей и мне отлей
 На полустаночке летальном.
 Свята рассказанная бредь,
 Смешны высокие персоны.
 Нам всем придется умереть,
 Кому в лаптях,
 Кому в короне.
 К итогу зверь становится мудрей,
 Грудная жаба пляшет
 в горле чутком,
 Кто душу впряг, не приняв шенкелей,
 Тот не поэт – всего лишь проститутка.

Докурю свой бычок во мгле,
 Крикну,
 Господи!
 Мне хана.
 А, Господь,
 Ты живешь во мне.

Вдруг покажется глупым и страшным
 Знать, что формула небытия,
 Просто так в мягких тапках домашних,
 Нас уводит к себе от себя.
 Думай, друг, если хочешь и можешь.
 Думай, друг. Я уже не горазд.
 Суевой суету приумножишь.
 Экк –
 ле –

си –

аст.

Мир за темною стеной,
 Ладан в детской колыбели.
 Пей со мной за упокой,
 Упокоенной жалели.
 Пусто в храме без чудес.
 Нет свечения и стона.
 Я стою, как грустный бес
 С тонкой свечкой у амвона.
 Слово молвить пострашней,
 Пострашней земного страха.
 Пой со мною, друг, и пей
 За восставшего из праха.

Галина Карташова

В Дудинке живет с 1966 года. Стихи пишет с детства, посвящая их друзьям и знакомым, откликаясь на все события в мире. Всегда в гуще общественных дел, по долгу службы и зову сердца выполняет общественные поручения. На ее стихи написаны песни (композиторы Панчук, Сугатов, Полонников), которые исполняют дудинские солисты. Её стихи печатаются на страницах газеты «Таймыр», в поэтических сборниках, в альманахе «Полярное сияние».

Сказочный порт

Удивительный порт смотрит гордо вперед,
От морозов, снегов и ветров, молодея.
И из прошлых веков свой поклон ему шлёт
Древний город Таймырской земли – Мангазея.
Прямо с кранов Норд-Осты взлетают в полёт,
Златокудрая осень дожди посылает,
За весной приходит большой ледоход,
Долгожданное лето кипрей рассыпает.
Здесь вершили дела знатный Ли, добрый Хан,
Строил дамбу навеки упрямый Кизим.
Порту песню поет древний звонкий барган,
На него мы с надеждой глядим.
Знает каждый из нас – Север отдал приказ,
Множить славу его людям крепкой породы.
Корабли загружают рудою в порту,
Вопреки всем капризам суровой природы.
На высокие краны загляделась волна,
На бетонных причалах работа кипит,
Там, под кромкою льда, как в груди моряка,
Енисейское сердце ритмично стучит.
Над атласной волной загорелся закат,
В нем все краски тоскливых, осенних рябин.
Я сроднился с тобою,
Ты – и Друг мой, и Брат,
Ты – и Бог мой, и мой Господин.
Над великой сибирской широкой рекой
Чайкой белою порт наш раскинулся вширь.
И волнует своей неземной красотой,
Заполярную матушку, нашу Сибирь.
Обручившись навеки с упрямой рекой,
Порт стоит весь в гирляндах веселых огней.
И его обнимает могучей рукой
Грозный Батюшка наш Енисей.

Волочанка

*Н.Ф. Алексеенко –
замечательному человеку и моей подруге*

Волочанка, Волочанка,
Как к лицу тебе снега!
В Волочанке под тальянку
Пляшет белая пурга.
Как же здесь мой голос звонок
В берегах Большой Хеты!
Волочанка, мой посёлок,
Разреши с тобой «на ты».
– Что ты видишь, Волочанка,
В своих долгих зимних снах?
– Я от лета жду привета
Здесь, на хетских берегах.
– Вместо снега, прямо с неба
Звёзды на тебя летят.
– Будет счастье, будет рыба, –
Говорит всем звездопад.
Северянки в Волочанке
Песни звонкие поют.
В их руках платки, унтайки
Ярким бисером цветут.
Не встречала интересней
И надежнее подруг,
От их дружбы стал мне тесен
Заполярный славный круг.
Волочанка, Волочанка –
Моя тропочка в судьбе.
Дорогая, Волочанка,
В пояс кланяюсь тебе.
Ты мечты моей свершенье,
Волочанка – тёплый дом.
Всем друзьям на удивленье
Ты и я всегда вдвоём.

Мастерица Лариса

Пляшут ниточка с иголочкой в обнимку,
Приглашают в пляс с собою бисеринку.
И Лариса лишь рукою поведёт –
Бисеринка быстрой птицей оживёт.
Под волшебною рукою бисеринки
Превращаются в веселые картинки.
Чтоб украсить заполярный зимний день –
На орнамент лёг из бисера олень;
Мастерица затаила вдруг дыхание –
Засверкало на унтайках заполярное сияние;
Полетели шестигранные снежинки
По старинным переулочкам Дудинки.
Вся работа здесь сравнится с колдовством,
Спорят лихо одарённость с мастерством.
Размечталась о волшебном мастерица –
Вышить яркую из бисера Жар-Птицу:
– «Обрела б моя Жар-Птица высоту –
И дарила людям щедро красоту!»
Так и трудится над вышивкой Лариса,
Ночью снится ей из сказки Василиса,
Речь ведёт свою о жизни и о мудрости,
Что ей делать, если встретит в жизни трудности.
И уводит от Ларисы все ненастья,
Чтобы встретила Лариса в жизни счастье!

Я – колдунья

Надоело, надоело
Ждать звонков, потом встречать!..
Хочу смело, очумело

Тебя в губы целовать.
Говоришь, что так негоже,
Что же, стану удивлять –
На колдунью я похожа,
И смогу околдовать.
Соком ягоды-малины
Тебя, милый, напою
И в дурмановое поле
За собою уведу.
Ведь недаром же мне снятся
Поцелуи, как жарки,
Медуница и душица,
И со мною рядом ты...

Мои стихи

Не зная поэтических законов,
Стихи пишу с тобой, родная Русь.
Я помолюсь на светлый лик иконы
И в рифмах заблудиться не боюсь.
Повсюду, будто воду из колодцев,
Я черпаю народные слова:
Из ярких звёзд, всего, что есть под солнцем –
Плету мои стихи, как кружева.
Мои стихи, как дождь из тучи, льются.
Их достаю, как хлеб из спелой ржи,
Весной и летом, осенью найдутся
Стихи для светлой истинной души.
Зачем пишу? Чтоб бисер слов размножить,
Как золото всем людям раздавать,
И смыть грехи, и сердце растревожить,
И серебром их души очищать.

Владимир Кузмичев

Родился в 1970г в Дудинке. Среднее образование получил в родном городе. Службу в армии проходил в Монгольской Народной республике. После армии работал на разных предприятиях Дудинки, служил в МВД и Министерстве юстиции. Стихи пишет давно. Публиковался в альманахе «Полярное сияние», в газете «Таймыр».

Я от жизни поблажек не жду.
Силы есть, – не опустятся руки.
Все равно я тебя украду
У жестокой, коварной разлуки.
И щемящей от боли тоской
Я заткну свои рваные раны.
Ты поверь, я смогу, я такой,
Мне так нужно, как это ни странно.
Обрывается день темнотой,
Нож стальной рвет горячее тело.
Ты поверь, я смогу, я такой,
Будь что будет, какое мне дело.
На иконе заплачет святой,
Сатана ухмыльнется доволью.
Ты поверь, я смогу, я такой,
Как бы ни было страшно и больно.
Прогоню и печаль, и беду,
Дам отпор надоедливой скуке.
Все равно я тебя украду,
У жестокой, коварной разлуки.

Я обнять тебя хочу, но не могу,
Хоть и вижу очень ясно, как ни странно.
Ты на правом, я на левом берегу,
В лодке течь и мост разрушен ураганом.
А река бурлит, волной грозя,
И на горе воронье сюда слетелось.
Мне обнять тебя, увы, никак нельзя,
Как бы этого безумно ни хотелось.
Я не гордый, я немного подожду,
Выпью чарку за твое здоровье.
И по первому, декабрьскому ледку
Подойду к тебе, чтобы обнять с любовью.

Голубые дали мне откроет небо,
Я вернусь родная, где бы только не был.

Может быть под утро, по листве осенней,
Или в полдень майский, по ручьям весенним.
Поздно или рано, летом иль зимою,
Я вернусь родная, что бы быть с тобою.

Аромат душистых роз,
Лета южного награда,
Теплый ветерок принес
Из глубин большого сада.
Гулкий, громовой раскат,
Рев небесной колесницы,
Оглушил цветущий сад.
В гнездах притаились птицы.
Ливень прошумит в ночи,
Стебельки к земле склоняя.
В доме огонек свечи
Неизбежно догорает.
До рассвета далеко.
И, спокойно засыпая,
Так свободно и легко
Дышит сад, листвою качая.

Горький запах миндальный,
Да ковыль придорожный.
Предстоит тебе дальний
Путь опасный, тревожный.
На крутых перевалах,
У костра, под ракушкой,
Ног не чуя усталых
Ты заснешь, как убитый.
И в бредовом дурмане,
Рвя на ключья одежду,
Как в волшебном тумане
Вдруг увидишь надежду.
Скинув тяжкое бремя,
Ты узнаешь дорогу,
В бесконечное время,
Прямо к Господу Богу.

Александр Ларин

Родился в 1961 году в Дудинке. По профессии электромеханик, но в душе – артист и поэт. В пятнадцать лет пришел в студию Дудинского ТЮЗа. С тех пор играет почти во всех постановках театра. В настоящее время – актер Дудинского Камерного театра. Главным в своей жизни считает воспитание дочери. Стихи пишет давно, для себя. Публикуется впервые.

Вот овраг – а вот тропа,
Я вчера по ней осла
На базар водил.
Вот осел – и вот цена.
Разве дорого? Позвольте,
Вы такого вот осла
Не видали никогда.
Как умен, а как красив.
Малость, правда, он спесив.
Небольшая мелочь это,
Но зато... на белом свете
Не видали вы ослов
Как вот этот. Что? Готов
Я поспорить на верблюда.
Ваш верблюд? А, он не ваш.
Жаль, такого верблюда
Я не видел никогда.
Что за выправка, губа
Покрывает два горба
Как ночное покрывало.
Сколько просите? Так мало?!
Он не болен? Он здоров?
Сотню он таких ослов
Сам заменит?! Нету слов!!!
Не смешите вы меня!
Даже мой осел смеётся...
Нет..., теперь не продается.
Мне смешливые осла
Самому, ой как нужны.

Р. S. Своих ослов не продавайте!!!
На верблюдов не меняйте!!!
Превратитесь вы тогда
В Горбоословерблюда!!!

Помнишь, под одним брезентом
Коротали ночь в горах...
Не забыть мне те моменты,
Мой товарищ, друг и брат.
Из одной мы пили фляжки
Полуденную росу,
Ты рассказывал мне сказки
Про девическу красу.
С губ слетевшие слова
О девчатах, что нас ждут,
В тех условиях суровых
Закаляли нас, мой друг.
Прикрывал мою ты спину,
Балагур и весельчак...
Были мы с тобой едины,
Мой товарищ, друг и брат.

Прости меня, но больше не могу!
Я не хочу играть в любовь с тобой.
Мне яблок не собрать в заснеженном саду.
И видится расклад совсем иной.
Ведь все равно умчишься на юга,
С собой возьмешь растрату горьких лет.
И черная полярная пурга
Твой яркий заметет последний след.
Ну почему не может быть иначе!
Зачем любовь приносит только боль!
Ведь я люблю, тебе я предназначен.
И только в этом правда, в этом соль.

Белый задник пред глазами-
Он не юн, не очень свеж,
Расплываются кругами

Пятна цветковые беж.
Мы давно с тобой сроднились,
И на сцене не впервой.
Так уж в жизни получилось:
Я- играю, ты- немой.
Я просить тебя посмею,
Не откажешь ты мне, друг, –
Как помру, укрой своею
Мягкой тканью хладный труп.

Стылый вечер. Стучит в окно
Разжиревшая черная муха,
И сплошная кромешная мука
Душу рвет, и в слезах лицо.
Я намыслил, настроил дворцов,
А по жизни, куда все сложнее.
Ни на йоту не стал я мудрее,
И любовь вся в железе оков.
Разорвать, поднапрячься бы силою,
Но один не смогу – мне невмочь!
И сосет из души моей ночь
Дни любви, проведенные с милой.

Синим, ярким покрывалом
Отутюженная гладь,
Синева озёр мерцала,
И туман сочился в падь.
Раскрывало небо шторы,
Гомон птиц пронзил эфир.
Тальников набухли поры.
Просыпался древний мир.

Неба сумрак с поволокой,
тучи, звёздный водопад.
Пёс паршивый, одинокий
утру хмурому не рад.
Хвост поджат, бредёт поникший,
и в глазах его тоска.
Раздаётся лай осипший,
и горчит его слюна.
Утром хмурым, у обрыва
умер одинокий пёс.
Тихо, тихо плачут ивы.
Душу ветер ввысь вознёс.

Даль затянута легкою дымкою,
а в Хете белизна облаков
преломляется рябью зыбкою.

Слышен плеск на воде челноков.
Серебром всполохнет на поверхности,
то сигов начинается жор.
И разносятся по окрестностям
крики крачек, извечный их спор.
А душа, ликуя и радуясь,
распахнулась во всю свою ширь.
Упивается собственной сладостью,
и собой заполняет весь мир.

От тебя не слышу ответа,
от тебя не жду я звонка.
Ты за гранью находишься где-то
Всеселенского счастья-мирка.
Недоступна ты, молчалива,
мне не скажешь даже словца.
Просто кем-то другим любима,
для другого нежно верна.

Разрумянилась природа,
солнца блики, птичий ор.
Выхожу я спозаранку
на высокий косогор.
Я люблюсь дивным видом,
все в сережках облака.
Край неведом, край не видан,
воздух пью я до пьяна.
Все застелены дорожки
сочной росною травой.
И бегут, упруги ножки
моей милочки босой.
Птичья тень мелькнет стрелою
по распадку, меж кустов.
Я глаза свои закрою,
растворюсь средь тальников.

Хочется быть маленьким.
спрятаться в ночи.
Ой, цветочек аленький,
ты меня прости.
Мне любимой улочкой
больше не пройти.
Все по закоулочкам,
сбился я с пути.
Натворил я горюшка,
ах, какой дурак.
Поле, мое полюшко,
слезы да кабак.

Александра Лебедева

Живет в Норильске. Автор двух поэтических сборников «Душа звенит» и «Перепелиное гнездо». Ее стихи печатались на страницах норильских газет. В альманахе «Полярное сияние» публикуется впервые.

Заварила кашу круто
 Заполярная зима.
 И в любое время суток
 Только тьма и тьма, и тьма.
 Тёмен день и вечер тёмен.
 Утро вечера темней.
 Зол, силён, неугомонен
 Заполярный снеговой.
 Сквозь небесно сито сеет,
 Крутит, мутит, вертит, вьёт.
 Белый-белый-белый север,
 Невесомый пешеход.
 Зацепясь за стены дома,
 И вдоль стеночки ползком
 Человечек невесомый,
 Снежный говорящий ком
 Закатился на крылечко.
 Перелез через порог.
 Отряхнулся, встал у печки
 И оттаял мутной речкой,
 Захватив тепла глоток.

Господи, избави от лукавых
 И бесцеремонных ловкачей,
 В души заползающих без права
 Липкою слащавостью речей.
 Только за речами взгляд блудливый,
 «Господи, за пересуд прости.»
 Жадный блеск в предчувствии наживы,
 Наших настоящих десятин.
 Господи, спаси нас и очисти.
 Дай долготерпенье устоять.
 Чтоб не исказить нам Вечных Истин,
 Православной веры не предать.
 «Боже! Буди душ наших заступник,
 Яко посреде сетей мы многих
 Ходим во греховных язвах, стружьях»
 По тернистой жизненной дороге.
 Вера православная живёт,
 Никого силком к себе не тащит
 И за очищение душ пропавших
 Десятин с зарплаты не берёт.
 Господи! Я верую в Тебя
 И Тебя я в Троиединстве славлю.
 Всех люблю и отойду, любя,
 Веры не предавши православной.

Анатолий Левенко

Родился в 1952 году на Украине. Профессиональный журналист. Живет и работает на Таймыре с 1981 года. Его стихи публиковались в местных газетах и краевых изданиях. Он автор трех поэтических сборников. Публиковался в альманахе «Полярное сияние». Живет в Дудинке.

Ущелье судьбы,
где проблемы –
горы,
жизнь загнала
в медвежий
угол.
Здесь выводы,
как реки,
и мнения
опоясали
оценки
цепки. Так
пронзает
пожизненный
шахтерский
уголь.

Ожидающей

Что нам былые,
вчерашние
страсти,
что привязанностей
вожжи давние...
Женщину больше всего
прихорашивает,
красит
Надежда. Мечта.
Ожидание.

Присвоение

Чтобы стать тебе
на Севере

опорой,
себя в мерзлоту
вгоняю,
как сваю.
Без лишних
дебатов
и споров
Звание любимой
тебе
присваиваю.
Я в чувствах щедр,
неумерен.
Лишь тебе поклоняюсь,
так, как
призыванию.
Я одной тебе
теперь
верен.
Но тебя себе
не присваиваю.

Сонет надежды

Мне формы тонкость неподвластна.
А совершенство формы – ты,
Ясна, прекрасна, сладострастна
Грешна, запретна, как мечты.
Ты форма: высока, горда
Твой мир изысканен и строг,
Не пожалел бы я труда,
О, если бы тебя постичь я смог!
У формы мысль – родная дочь.
Но мы с ней искренне дружны.
Она сумеет мне помочь
Гордыню формы превозмочь...
Мосты сомнений сожжены.
Вот формы, жги таланты, ночь!

Вера Левенко

С двухлетнего возраста живет в Дудинке. Здесь окончила школу, затем – отделение декоративно прикладного искусства и народных промыслов Таймырского колледжа. Стихи пишет давно, но нигде не публиковалась. Живет и работает в Дудинке.

Руки сплетая в венок,
 Шею ты мне обовьешь.
 И поцелуя глоток
 Нежно мне в губы вольешь.
 Не расплетая рук,
 Не опуская век.
 Кто нас поймет – человек,
 Кто не мешает – друг.
 Россыпь золотых волос
 Мягче подушки самой,
 Кто не любил этих кос –
 Не по пути со мной.
 Не страшен любой суд,
 Не важен чей-то упрек.
 Наш поцелуй губ –
 Вечности глоток.

Таис Афинской

В совершенно незнакомом месте
 Узнаешь знакомые черты.
 Будто ты была уже невестой
 В теле небывалой красоты.
 Может быть, повенчана ты с морем,
 Ты рождалась, умирала, как заря,
 Что-то принося с собой иное,
 Каждый раз по-новому любя.
 Жизни разбиваются о скалы.
 Жизнь одна, и тысячи путей...
 Красными лучами согревало
 Утро ту дорогу из камней.
 А закат? Но он еще не скоро.
 И любовь твоя уже в пути.
 И, однажды вышедши из моря,
 Ты опять войдешь
 в морскую синь.

Мерцание свечей,
 Нестройное дыханье клавиш
 И зеркала неверное стекло.
 Ты не заметил – музыка умчалась,

И время молчаливое пришло.
 Ты с клавиш
 Пыль вуали собери,
 Своей рукой
 Их снова оживи,
 И просочится
 Неба торжество –
 Ведь время
 Молчаливое ушло.

Я с каждым километром
 Ближе – дальше,
 Я с каждым часом
 И взрослею, и впадаю в детство,
 Я с каждым новым вздохом
 Исчезаю, появляюсь,
 Перерождаюсь – умираю снова.
 Я равнодушна и полна любовью,
 Я и наивна, и мудра порой,
 И толстокожа очень, и тонка,
 Черна глазами, но бела душой...
 Как нежность всю свою
 Отдать потомкам?
 Не расплескать ее
 На жизненных ухабах,
 На камнях не оставить,
 Не отравиться пламенным желаньем
 Любить и нравиться...
 И воскрешать надежду
 У мертвых душ,
 Потерянных в пути.
 Как остановить
 Планеты ход,
 Чтоб не упала в бездну
 Обид и ссор из мелочей.
 Я с каждым мигом
 Ужасаюсь – восхищаюсь
 Теченьем жизни...
 Мне было б
 Очень грустно наблюдать,
 Когда б она застыла...

Сергей Лузан

Родился в 1946 году в Благовещенске. В 1970 году приехал на Таймыр. Публиковался в центральной, краевой и местной печати, в коллективных сборниках, в альманахах. Автор книг «Волчьи звезды», «Долина семи солнц». Много лет жил в тундре на промысловой точке, охотился, рыбачил, одновременно занимался литературным творчеством. Лауреат премии им. О. Аксеновой 1997 года.

Напряженность тишины

Рябь платины. Три лебедя на ней.
В бутонах дикий лук.
Краснеет кровохлебка.
Пронесся над бугром
Облитый медом шмель,
И снова тишина над берегом в полете.
... Но дым не тот над пламенем костра,
И в рации ни шороха, ни звука,
Как будто тишину высасывает мрак
Из вымени тревог последние минуты.
... На этом берегу не будет никого,
Но лук останется.
И вспухнет кровохлебка,
И алой беспощадной бахромой
Зальет глотающую жадно воздух глотку.

Необходимое

Что нужно человеку? Тишина.
Чтоб медленные звезды выплывали
По зыби фиолетовой вуали
К рассвету цвета светлого вина.
Что нужно человеку?
Скромный хлеб.
Беседа с другом.
Прошлые печали.
Надежды в иное
И жизни столько лет,
Чтоб в дряхлом теле
Смерть не заскучала.
... А споры, битвы, суета идей,
Святая ложь и правда не святая –
Стремление испуганных людей
Собой продолжить то, что угасает.

Ночная акварель

Печурка раскалилась докрасна.
Ночь за окном.

Пустынно. Ветер. Тундра.
Поземка как душа бродяги Аделунга
С гитарой вдоль реки
Без отдыха и сна.

И эта напряженность пустоты
Не оставляет места для страданий.
Мне не о чем жалеть.
У сердца нет желаний.
Потерян смысл в отсчете высоты.

На чистый лед пошла гулять луна.
Ведром серебряным позванивает ветер.
И в лунном мареве
Песец едва заметный
Застыл в неверном свете
У окна.

Состояние

В.И. Примаку

По рыжим травам тронулся рассвет
И заскользил над малыми снегами.
Нет хлеба. Нет вина.
И рядом друга нет,
И никого вокруг под одеялом.

Слюна романтики – издержки бытия.
Мы, в общем, с карабином не тоскуем.
Есть парочка сетей,
И нельмина родня
На сковородочке у нас не забалует.

В движении зари, в порядке дел простых
Со мною говорит о помыслах Спиноза.
Страницы Библии для каждого чисты,
Пиши и познавай миров метаморфозы.

И улыбнется Бог, а это есть Рассвет.
Становится легко.
Уже видны обрывы.
И травы рыжие едва присыпал снег,
И с болью чувствуешь,
Что ты сейчас счастливый.

Мгла Бырранга

Еще во мгле печалится заря,
Еще мерцает лик Кассиопеи,
Но светлый цвет
 по застругам рассеян,
И близко дышит утро ноября.
Так женщина пытается любить,
Когда любовь превращена
 в привычку,
Но утро новое, и новой страсти быть,
А сумрак прошлой ночи
будет вычеркнут
Пургой, зарей или другой игрой.
Все это в мире было, есть и будет.
Встает туман над льдами золотой,
А за туманом есть любовь и люди.

И снова пурга

Будет дуть – я в гости не пойду.
Рядом – три десятка километров
Белый лед на голубом снегу.
Корочкой от солнечного ветра
Вылизало голые бугры.
Бурая трава. Дуреем заяц.
Месяц с лишним до большой воды.
До июня можно похмеляться.
Пурги, шквалы, заполярный май.
Даже печь дрожит своей коробкой.
Довожу моторы до ума.
И на лодке подновляю клепку...
Лед пройдет – махну на юг,
 в Норильск.
Кончится бензин – поставлю парус,
Черный парус, будет только свист
За кормой да брызги, как стеклярус.
Нет, сегодня в гости не подойду.
Закипела тундра... Закипела.
Вместе все: на счастье и беду
Жизнь такая сединой поспела.

О сердце и памяти

Только печка шумит,
Да окно залепило снегами.
Юго-западный ветер
С далеких алтайских хребтов.
Где-то там, на соседних широтах,
Уже забывают
Нас друзья и подруги,
Мерцающая в полумраке слов.
Только те, кому должен,
И те, кого сильно обидел,
Может быть, иногда,

Словно голуби на чердаке,
Потревожатся и
Снова сны будут теплые видеть
О зерне, о гнезде
и обычной своей высоте.
Вот и вся суета.
Вот и все побрякушки тщеславия.
Око черного чая из кружки
горячей глядит,
Но в глухом одиночестве
Память о людях не тает.
В сердце нет никого,
Но оно, как ни странно, болит.

Зимовка

И рация молчит бессильно.
Неделя затяжной пурги,
А за пургой моей России
Неосторожные шаги.
И женщины лежат такие,
Что вредно вспоминать во сне...
Да! Старческая ностальгия,
Хрен применимая ко мне.
Кончается оленье мясо.
Нет сахара,
В стакане рис...
Подпер плечом настил ненастья
И ветрено качаю жизнь.
Здесь мысли медленно другие:
О людях, времени, судьбе.
А паника и ностальгия...
Вот вам! Все это не по мне.

О плодовитом сочинителе

Он не поэт, хотя пером скрипит.
Ты бред его внимательно послушай...
В постелях холуев поэзия не спит.
Конечно, с придурью,
 но грамотная шлюха.
Он вызубрен насквозь
и запредельно туп,
Чванлив, как сухостой,
 но звездами не дышит.
Ему не ведом молчаливый труд,
Труд ожидания от вспышки
 и до вспышки.
Чирикать каждый день
по два десятка строк?
Из этого лепить
Пакет слюнявых книжек?!
Два права дал поэтам
 в мире Бог:
Сгорать во мгле
И после смерти выжить.

Жанна Назуллаева

На Таймыре – с 1986 года, приехала из Хакассии. Окончила Красноярский кулинарный колледж, работала поваром в Нижне-Енисейской экспедиции, была страховым агентом, работала на ледоколе «Завенягин», в службе безопасности ГМК «Норильский Никель». Живет в Дудинке. Стихи начала писать недавно, публикуется впервые.

Огонь любви еще горит,
Но очень слабо: еле-еле.
Душа тобой еще болит,
А вот все чувства надоели!
Все надоело: потный стыд
И непрощенная разлука,
И море тех немых обид,
И статус: не врага, не друга...
И непонятная печаль,
Как ржавый гвоздь пронзила сердце...
Тебе меня совсем не жаль.
Амбиции «крутого перца»...

Я иду к тебе преждевременно,
Каждый шаг – это так неуверенно,
И для всех как-то очень занятно:
Я иду не вперед, а обратно.
Взлет, паденье без торможенья...
Очень больно! Зачем-то опять
Ради нашего вновь сближенья
Я иду, не стараясь понять.
Так никто не пойдет, но Боже!
Объяснить сравненье поможет:
Так летит с небосвода звезда
И, пропев траекторией песню,
Зная, что навсегда исчезнет,
Не жалеет о том никогда.
Ярким светом блеснет слеза,
Отражая в глазах тревогу,
Только сердце зовет назад
И.. никак не найдет дорогу.

Любви уходящей

Скоросшивателем, болезненно
Моя любовь в душе прошлась,
И улыбнувшись, непосредственно,
Оборвалась...
И только чувством выразимые,
Посыпались вослед стихи
Остатки листиков, души ль моей,
Раскрошенное конфетти.
И без маневров, не лавируя
Между ухабов и камней,
Мы, ничего не запланировав,
Все ж будем вспоминать о ней.
За скоротечность и за временность-
Незавершение пути,
Ту легкомысленную спутницу
Прости и тихо отпусти.

Любви будущей

Я боюсь тебя не узнать,
Среди мраком окутанных улиц,
Я боюсь тебя не догнать –
Вдруг с тобой мы уже разминулись?
Я боюсь тебя не воспеть,
Ровно столько, на сколько способна,
Или вдруг не тобой заболеть,
Под чужими ветрами продрогнув.
Я боюсь тебе недодать
То, что только тебе хранила
Я боюсь к тебе опоздать-
Ведь всегда лишь тебя я любила!
Я боюсь тебя недопить...
И хоть каплю кому-то оставить!
Ты! Я знаю! Все ж должен быть!
Мне тебя сохранила память!
Этот страх ты развеяй собой,
Появленьем своим внезапным.
Обогрей, приласкай, успокой,
Без тебя я душою озябла.

Максим Рукоусев

Родился в Норильске в 1977 году. В Санкт-Петербурге окончил Горный институт – вернулся, чтобы работать геологом. Стихи пишет с 1995 года. Публиковался в норильской печати, в альманахе «Аквариум», в поэтическом сборнике «Да не покинет вас любовь».

Спрошу я у ветра: «А где же твой дом?»
И он ответит,
Что вышел однажды гулять под дождем
И дверь пометил
Осенним листом,
Кленовым листом...

«Ах, вот как», – скажу я: «Чего ж мы!?. Пойдем
Ко мне, дружище!
Не так уж и тесно нам будет вдвоем
В моем жилище!»
И вместе пойдем
В мой маленький дом.

Однажды промокший вернусь я домой –
Окно раскрыто.
И в дождь за окном прошепчу я: «Постой...»
Но пол усыпан
Осенней листвой,
Кленовой листвой...

Эти ели вскарабкались к небу,
Эти тропы как ветви сплелись.
Эти реки чисты и свирепы,
Но текут, как положено – вниз.
Эти крыши ветра полоскали
И оставили им седины.
Эти камни на солнце лежали,
Но остались, как лед, холодны.
Эти горы пронизаны светом.
Эти склоны окутаны мглой.

Эти души кострами согреты,
Хоть у них ничего за душой...

Яростно, гневно, дико –
Будто всю жизнь молчал –
Я захлебнусь от крика –
Ухнет в горах обвал.
Вздрогнет Земля от боли,
Краска сойдет с небес,
Хрустнет в магнитном поле –
В недрах пойдет процесс:
Сушу порвут на части
Бездны, сомкнув уста,
Или, разверзнув пасти,
Где-то в других местах.
Из пустоты сорвется
Крупный метеорит.
Пятна пойдут по Солнцу,
Вздуются пузыри.
Вспыхнут в степях пожары,
В джунгли придет зима.
Вспыхнет у каждой твари
Чумка или чума.
Стухнет олень в пустыне,
Кит в кипятке сгниет,
Вмерзнут лягушки в тину
Бывших родных болот.
...Пепел стряхну с коленей,
Искры собью с белья
И сообщу Вселенной:
«Палец порезал я!!!»

Елена Саган

Родилась в Волочанке в 1968 году, живет в Дудинке. Училась в Ленинградском педагогическом институте им Герцена. Танцевала в ансамбле «Хэйро». Стихи пишет с тринадцати лет, пишет песни, которые исполняют дудинские солисты. Печаталась на страницах газеты «Таймыр», в альманахе «Полярное сияние».

Бабушка Мактал

Провожали с мамой мы в Дудинку
Дорогую бабушку Мактал.
Утирала бабушка слезинку:
«Только бы мой сын меня встречал».
Вот и самолет над нами кружит,
В просторечьи «Аннушка» – АН-2.
Отражаются в замерзших лужах
Его крылья, бабушки слеза.
Все вчера как будто это было –
Вкус гостинцев помню до сих пор:
«Бабушка Мактал! Ты так любила
Все на свете, ... кроме сплетен, ссор!»

Метизация* – благо для всех

Я продукт своего поколения
На таймырской древней земле.
Знаю толки и знаю мнения,
Но сижу в своем я «седле».
Я хочу, чтоб мой голос услышал
И «большой» и «малый» народ,
Ведь Таймыр – наша общая крыша,
Надо общий сажать «огород»!

Огонь свечи зажгу слезой,
На мраморе земли печать рукой
Поставлю и скажу:

Живу!

Живу!

Живу!

В огне дорог я путь найду,
Пройду тропой нетленной.
На радостях сорву звезду
И обернусь вселенной!

Ледоход на Енисее

В начале июня мы ждем ледоход.
И вот оно диво – тронулся лед!
Великий, могучий пошел Енисей...
Вот будет повод для новостей.
Огромные глыбы,
Как айсберг, на счастье
Боги разбили на мелкие части.
Красив Енисей, шумит он и манит,
Словно колдун под водою шаманит.
Плывут и плывут серебристые льдины,
Как никогда горожане едины,
Легкий восторг на лицах счастливых.
Как редко бывает река строптивой...
Не музыкант я, но тоже не прочь
Сымпровизировать в белую ночь
На хрустальном рояле из хрупкого льда.
И пусть все печали уносит вода.

* Смешение рас между собой.

Светлана Салайкина

Родилась в Норильске. Много лет работает на Норильской обогатительной фабрике. Ее стихи печатались в норильских газетах, на страницах альманахов «Полярное сияние», «Рукопись», в поэтических сборниках «Стихотворящая лоза» и «Поэтессы Енисея». В 2003 г. вышла первая книга ее стихов «Надежный остров».

Если хмурый, тоскующий час,
и ни лучика в Небе дневном,
все равно хорошо, что Оно
все же есть над твоей головой.
Хорошо, что там ветры шумят,
птицы белые вольно плывут.
Хорошо, что ты смотришь на них,
а не под ноги, милый мой друг.
Если нам не алеет закат,
не восходит священный Огонь,
значит, мы перед ним провинились,
значит, плохо с тобою молились
и неправильно в мире живем...

Да, есть блаженный свет,
небесный свет икон святых.
Он душу исцеляет.
Перед ним равны
И человек простой, и царь.
Он выше слов
и знания земного,
и нет на нем и тени суеты.

И знаю я,
как только мы пред ликом Бога
станем держать ответ,
небесные весы качнутся
чашами добра и зла...
Тогда не спросят нас,
что мы при жизни знали,
а спросят нас,
во что при жизни верили.

Во мне живет желание свободы,
не мудрой, нет,
а злой и своевольной,
что от работы и заботы в бегстве
и с долгом не в ладу,
и ей законы Неба не по нраву.
Еще во мне живет желанье правды,
Не ясной, солнечной,
А гордой и тщеславной,
Она не видит дальше собственного носа,
А вот убить готова все на свете,
Лишь только бы сама была права.
Потом во мне живет желанье спора,
Оно во мне осталось с тех времен,
Когда с тобою мы не знали Зова,
И не задумывались в чем
Есть смысл и вера жизни во Вселенной.
Теперь грущу о ветре и о звездах,
Но радуюсь тому, что здесь живу.
Не спорю, нет. Об истине молюсь.
И вся свобода в том,
Чтоб волю Неба осознать.
Теперь грущу о ветре и о звездах...

Марина Стахив

Родилась в 1967 году в поселке Носок Усть-Енисейского района. По профессии культработник. Работает в ансамбле «Харп», исполняет эстрадные и народные песни. Стихи начала писать в юности. Публиковалась в альманахе «Полярное сияние».

Родина

Я хочу рассказать о Таймыре моем –
 Как суров он и строг, а порою опасен,
 Как красив он зимою в уборе своем,
 И осенней порой величаво прекрасен.

И ни с чем не сравним красотой своей –
 То спокойною гладью, то крутою волной
 Своенравный, могучий родной Енисей.
 По нему возвращаюсь паромом домой.

От Любви Ненянг мы узнали про то,
 Как поют тальники, что есть песни снегов,
 Как культуру хранить. Научила Огдо
 Разговаривать с тундрой, душою, без слов.

Облаченный в тяжелый, звенящий наряд
 Обращается к духам, танцует шаман...
 По преданиям знаем, что этот обряд –
 Чтоб прояснилось небо, улегся туман.

О родной стороне можно много писать.
 Что в мороз ярче звезд, никогда не найдешь...
 И не сможет никто обо всем рассказать.
 Просто здесь надо жить, и тогда ты поймешь!

Берегись!

Ты очень слаб, колеблешься и ждешь,
 Своею хитростью к гибели идешь.
 Не сомневайся, в этом помогу,
 Ты знаешь, что я многое могу!

Любовь свою смогу я превозмочь,
 Никто не сможет в том тебе помочь.
 Раскинет крылья над тобой беда,
 И ты не будешь счастлив никогда!

Дана мне сила черной ночи. Власть!
 И боль души затмит любую страсть.
 На все несчастья будешь обречен,
 В предсмертный саван будешь облачен!

Мечь оскорбленной женщины страшна!
 Владеет черной магией она.
 Пусть будет плохо мне от этого потом,
 Но свергну и благополучие, и дом!

Алевтина Щербакова

Норильчанка, много лет отдала Таймыру. В настоящее время живет на «материке». Лауреат литературной премии им. Огдо Аксеновой (2000г). Ее стихи публиковались в местной печати, в альманахе «Полярное сияние» и других поэтических сборниках.

По краю взгляда твоего
Пройду, ничем не потревожив.
Век без тебя уже был прожит,
Прощаюсь я с тобой легко.

Легко вослед тебе махну
Пустыми пальцами перчаток,
Окаменевших чувств початок
В твоём провалится снегу.

Готовясь к освещению дня,
Дворы проветривает утро.
И на земле светает будто,
Светает только для меня.

Чтоб петь тобой придуманную песню,
Струной хотела быть душе твоей,
Но, пробудив недоуменье дней,
Я сокровенным звуком не воскресну.

Чтоб нес в себе вершину равновесья,
Была бы твердо под ногой твоей,
Но синевою пыль былых путей
Не обернется в нашем поднебесье.

И принимает формы отчужденья
Еще горячий воск свечи моей,
И нет на свете истины древней,
Чем та, что отвергает повторенье.

Свою на ощупь вымощу дорогу
Из неприметных для тебя камней.
Вновь пробудив недоуменье дней,
Я за тебя пойду молиться Богу.

Где-то гром ворочал горы,
Мир, стремясь переиначить,
Прорастала ржа в озерах,
Чтобы тоже что-то значить.
Осыпали пепел выси,
Задохались дымом дали,
Жгла я строки твоих писем
И они меня сжигали.
Выгрызало пламя клочья,
Разом все спалить не в силах,
И до тайн чужих охочий,
Ветер в поле уносил их.
И обрывки фраз метались
Без начал, без продолжений –
– Ах, за что – понять пытались,
обрекли их на сожженье.
С каждой осенью сильнее
Жжет меня все то же пламя,
И метель его жалеет,
И не залито дождями.
Их полынный привкус горек.
Я была тобой любима
Не на счастье, а на горе.

Елена Ягумова

Самая известная за пределами округа поэтесса. Почти двадцать лет живет и творит в Норильске. Ее стихи печатаются в поэтических сборниках, на страницах норильских, краевых и центральных газет. Автор поэтических книг. Лауреат литературной премии имени О. Аксеновой (1999 г.).

Одолела последний поток,
заглянула в глаза глубины,
отыскала на дне черепок,
отлетевший от сонной луны.
Перечла скорбный список на нем.
Тайный смысл завихрился меж строк,
просочился сквозь пальцы в поток
да и сгинул без дат и имен...
А вокруг: ни людей, ни машин,
ни каленной мужицкой тоски.
С тишиною один на один
епитимствуют* канюки...

Март, 2005 г.

Колючий терновник, пролески,
колтун прошлогодней травы.
Охотник, пастух или вестник,
соткался из слез синевы.
Ударила звонко в подойник
медовая речь молока,
взвихрился чирок над осокой,
пронзая в воде облака.
На миг стороной оборотной
качнул берега небосвод,
мой странник в рубахе беленной
над бездной в долбленке плывет.
Душа парусит – горемыка
то дедом глядит, то отцом...
Царит над блуждающим ликом
цветущий терновник венцом...

Март, 2005 г.

* Епитимия – духовное взыскание (В. Даль).

Вечерний свет так распылен,
так золотист, прозрачен, легок,
как будто только из пеленок,
как будто только нарожден.
Но, Боже, как он отрешен
от всех земных, людских страданий.
Как воин, он на поле брани
предчувствием смерти оглушен.
Он между небом и землей –
ни человек, ни Божий ангел –
на черный ужас содроганий
сияет ясной простотой.
Он точным знаньем искуплен,
что в жизни одинок и в смерти,
и потому так чист и светел,
и – вечно быть! – приговорен.

Тихо ели молятся
под твоим окном,
входит Богородица,
осеняет дом.
Над тобой склоняется,
нежно шепчет: "Спи..."
и целует крестик
на твоей груди.
А потом, усталая,
встав под образа,
поднимает к Сыну
тихие глаза...
Непалимым пламенем
к Небу отошла...
Было, было знаменье –
я-то не спала.

Ирина Аплеснева

Родилась в 1961 году, выросла в городе Талды-Курган Казахской ССР. Там училась, работала, вышла замуж, родила двоих детей. В Дудинке живет с 1994 года. Работает корреспондентом газеты «Таймыр». Постоянный автор альманаха.

Собственники рассказ

Супруги Свиридовы решили приватизировать квартиру – сделать ее своей собственностью. Первая заговорила об этом Тамара. Квартиру-то получила она. И получила, когда она с Сергеем фактически разошлась, хотя документы на развод они не подавали. Получилось все как-то по-дурацки. Сергей уехал к родственникам в другой город, и весь год с Тамарой переписывался. А когда он вернулся, Тамара уже получила двухкомнатную квартиру в центре города, чему несказанно радовалась. Теперь Тамара хотела приватизировать квартиру на себя. Против частной собственности Сергей не возражал. Его настораживало другое. Он даже спать по ночам перестал, думы проклятущие так и лезли в голову. «А вдруг Тамарка возьмет, да выгонит меня из дому? – ворочаясь с боку на бок, мучительно размышлял он, – и не посмотрит на то, что двадцать лет прожили бок о бок». Да и мужики в гараже, где Сергей слесарил, тоже крутили головами и советовали приватизировать квартиру на двоих, а то, мол, твоего согласия жинка не спросит, продаст квартиру, и гуляй куда хочешь. А мужики, по твердому убеждению Сергея, зря не советовали – все были по два-три, а то и по четыре раза женаты, опыт разводов и дележа имущества имелся у каждого. Бывших жен никто из них добрым словом не поминал.

Сергея мучили сомнения – никак не хотелось верить, что его Тамарка такая же, как многие и тоже способна выгнать мужа из дому

с одним чемоданом в руках. Сергей привык доверять жене. Да и любил он ее, пожалуй, даже крепче, чем в юности. Когда поженились, было лишь страстное желание постоянно обладать любимой женщиной. Из-за этого и ревновал дико, часто обижал и не понимал, как сильно любит он свою Тамару. Красивых слов с годами Сергей так и не выучился говорить, да и нужды в них не было, Тамара и без этого все понимала. Но за годы совместной жизни Сергей вполне убедился, что без Тамары ему нет жизни. А вот Тамара?.. Тамара женщина красивая, умная. Кто знает, что у нее на уме? Она хоть и уверяет, что разводиться не собирается, а когда оформит документы на квартиру, может, и захочет. Была бы причина. А причина была. И от этих мыслей Сергею становилось совсем тошно. Он ворочался с боку на бок и засыпал почти под утро.

Мыслей было много, все они были об одном и том же и ворочались в голове, словно булыжники. Сергей понимал, что Тамару никто не упрекнет, если она пожелает развестись с ним. Сергей был запойный. Он сам знал это, но ничего не мог с собой поделать. Тамара время от времени грозила подать на развод, Сергей давал обещание исправиться, какое-то время держался, а потом как-то все получалось само собой.

Мужики в пятницу собирались в гараже, кто-то приносил бутылку, и если Сергей оставался вместе со всеми, последующие несколько дней выпадали у него из памяти. Кодироваться, или как еще говорят, «промывать мозги», Сергей не соглашался, но и справиться с собой тоже не мог. Пока жили с Тамарой в разлуке, по наущению сестры стал посещать

баптистские собрания, читал Библию, вместе со всеми пел псалмы, отказался от телевизора и на целый год забыл о спиртном. А потом ему стало скучно и тоскливо до тошноты. Стали подворачиваться выгодные заказы. Сергей, мужик рукастый, по дому делать все умеет, от приработка никогда не отказывался, но на вырученные деньги почему-то тянуло устроить именины сердца – купить дорогой коньяк, сигареты, побаловаться пивком, угостить всех и каждого. Когда приходил в себя, было лишь глубокое похмелье, раскаяние и стыд. Братья во Христе уверяли, что мол, дьявол не спит, надо постоянно бодрствовать. Сергей искренне старался, но это ему не помогало.

Тамара не чинила мужу препятствий в духовных исканиях, но сама наотрез отказалась от визитов к баптистам. Сергей подозревал, что Тамара согласилась бы на многое, только бы он не пил, и от осознания этого Сергею почему-то было особенно обидно. Он как-то пытался объяснить Тамаре суть христианского учения, но она только отмахнулась. По этому поводу у Тамары сложилось особенное мнение. Она говорила, что церковные братья только и делают, что учат других жить, а у кого из них жены пьющие и курящие, от вредных привычек отвадить не могут и работать не заставляют. «Так и я могу сидеть как барынька, – говорила Тамарка, – сложу ручки, и буду ждать, когда ты мне деньги принесешь». Всякий раз, когда он заводил разговор о церкви, Тамара напоминала о том времени, когда они приехали на Север, сколько здесь пережили, пока хоть как-то удалось устроиться. Тамара, имея диплом учителя начальных классов, не погнушалась мести подъезды в жилых домах, чтобы заработать хоть какую-то копейку, а Сергей, имея несколько технических дипломов, пошел в дворники. «Почему ни одна из ваших сестер во Христе не желает убирать подъезды? – допытывалась она у Сергея. – Ведь многие из них годами получают на бирже мизерное пособие, которого и на жизнь-то не хватает. Разве церковь не учит смиряться и довольствоваться тем, что можно получить»? Сергею нечего было возразить, да и возражать-то особенно не хотелось. Он понимал, что жена права.

Тамара лежала на второй половине широкой кровати и слышала, как муж переворачивается, тяжело вздыхает, и понимала причину этих метаний. Однако убедить Сергея в том,

что приватизация квартиры ничего не изменит в их отношениях, так и не смогла. Делать квартиру общей собственностью Тамара не хотела. Она еще не забыла, как они жили вместе с родителями Сергея, как свекровь при малейшем недовольстве невесткой или сыном указывала на дверь – ищите, мол, себе другое жилье. Сергей пропускал эти замечания мимо ушей, а Тамару они болезненно задевали. А поскольку невестка, по мнению свекрови, мало делала по хозяйству, невкусно варила, и вообще двигалась по жизни как сонная муха, да еще огрызалась, советы подыскивать жилье не стихали до тех пор, пока супруги Свиридовы не уехали на Север. Уехали не по вызову, а просто так, в поисках лучшей доли.

Несколькими годами ранее на Север завербовалась родственница Сергея и, устроившись в одном из строительных предприятий небольшого заполярного городка, хвалилась заработками и служебным жильем. Свиридовым же крепко пришлось помыкаться – на работу их не брали из-за того, что не было местной прописки, а прописку не давали якобы из-за отсутствия работы. Дескать, своих безработных девать некуда, а тут понаехали всякие. В общем, побегали Свиридовы по замкнутому кругу, хлебнули горюшка через край. Когда не было денег, а случалось это часто, Тамара сдавала в ломбард единственную семейную ценность – свое новое зимнее пальто с воротником черно-бурой лисицы – подарок сестры, а сама облачалась в куртку. За пальто давали 200 тысяч рублей. Это были хорошие деньги. С трудом, но пальто выкупать удавалось всегда. Первые годы было тяжело и тамарино пальто побывало в ломбарде несколько раз. Когда снова приходилось нести его туда, оценщики уже не рассматривали одежду столь придиричиво, как в первый раз, смеялись – опять, мол, пальто пришло...

Всякий раз, когда Тамара думала о полученной ею квартире, воспоминания о прошлых обидах и унижениях возвращались с новой силой. Если бы не это обстоятельство, Тамара давно бы согласилась на общую с Сергеем собственность. Она любила мужа, и двадцать совместно прожитых лет для нее много значили – их не вычеркнешь из жизни. Но Тамаре во всеуслышание хотелось заявить о том, что хозяйка квартиры – она. Тамара представляла, как, узнав об этом, Сергеева сестра Галина покроется красными пятнами – от зло-

сти. Такими пятнами Галя покрылась, когда узнала, что Тамаре дали квартиру. И, наверное, для того, чтобы Тамаре жилось в этой квартире еще «слаще», поведала под большим секретом о давних Сергеевых изменах, несколько лет смаковавшихся в кругу родственников. Представляла, как свекровь неодобрительно сожмет в узкую полоску и без того тонкие губы, а деверь Анатолий насмешливо-презрительно хмыкнет.

Но сейчас все они были далеко от Тамары, как на другой планете, в другой жизни, и не было ей до них никакого дела. А Сергей – вот он, ворочается рядом, сопит, кряхтит, тяжело

вздыхает. Тамаре просто до слез было жаль его.

За утренним чаем, который супруги Свиридовы одинаково любили пить свежесваренным, Тамара, как можно равнодушнее произнесла: «Если ты, Сережа, опасаясь, что останешься без жилья, давай приватизировать квартиру на двоих. Я тебя люблю и разводиться с тобой не собираюсь. Ты от меня еще не избавишься». Сергей ничего не ответил, но с этого дня заметно повеселел, а когда они с Тамарой отправились в жилконтору оформлять заявление на общую собственность, взял, да и отказался от своей доли в пользу Тамары. Сказал, что это его подарок Тамаре.

Елизавета Барсукова

Родилась во Владикавказе. По образованию инженер-строитель. На Таймыре с 1985 года, живет и работает в Дудинке. Автор книг «Прощальная симфония», «А птицы всегда возвращаются». Постоянный автор альманаха «Полярное сияние».

Бескорыстная помощь рассказ

ОНА была замужем уже три года. Первый год Она была очень счастлива – цветы, подарки, постоянное внимание со стороны мужа. Они часто ходили в театр, в гости. В их доме собирались друзья, по поводу и без. Единственным, что её угнетало, было нежелание мужа иметь детей.

– У тебя такая бесподобная фигура! Ты – красавица! А представь, что после родов ты располнеешь, – говорил он ей, – и вообще изменишься, к худшему. Мы ещё так молоды, давай поживём для себя.

Но через некоторое время её фигура перестала ему нравиться. Руки, которыми он так восторгался когда-то, уже не казались ему крыльями сказочной птицы, а лицо от солнечного света потеряло тот необыкновенный, вскруживший когда-то ему голову, цвет. На самом деле за эти годы ОНА стала ещё красивее. Это замечали все, кроме её мужа. Он же стал сравнивать её с женами друзей. Постоянно указывал ей, в чём она от них отличается. Вернее, чем они лучше неё.

– Тебе надо изменить цвет волос и причёску, – сказал ей однажды муж. – Сделай на своей голове что-нибудь посовременнее.

– У тебя не тот цвет губной помады. Он тебе не идёт, – заметил он чуть позже.

ОНА очень переживала.

– Брось, не переживай, – успокаивала её подруга. – Знаешь, тебе надо завести любовника. Пусть твой муж поревнует!

О нет! На это ОНА никогда не согласится! Во-первых, ОНА считала, что лучше разойтись, чем изменять. А во-вторых, и это было весьма веским аргументом, ОНА любила своего мужа.

Но, тем не менее, ОНА стала задумываться над тем, что бы сделать такое, что поможет ей не так болезненно переживать холодность со стороны мужа.

Трудно сказать, что руководило ею в тот момент, но ОНА это сделала – в местной газете, в разделе «Знакомства», появилось объявление: «Молодая, очень привлекательная женщина, ищет мужчину, способного оценить не только её внешность, но и ум, и интеллект». К этому времени, благодаря мужу, в её воображении вырисовался образ идеальной женщины, способной свести с ума любого мужчину, даже такого требовательного, как её муж. И, вероятно, поэтому, описывая свою внешность в объявлении, ОНА изменила в себе всё... Это её нисколько не смущало, ведь она не собиралась ни с кем встречаться. А чтобы никто из знакомых не мог даже заподозрить её, она приобрела новый мобильный телефон, очень простенький, зарегистрировала его на имя своей подруги и в объявлении дала этот номер.

Звонки начались на следующий день после того, как объявление было напечатано. К своему удивлению, среди звонивших ОНА встретила много знакомых номеров, разумеется, они остались без ответа. Но больше всего её поразило то, что одним из самых настойчивых оказался друг её мужа, которого все считали примерным семьянином, любящим своих сы-

новой (одному три года, другому пять лет), и обожающим свою жену.

Её волновал один вопрос – как изменить голос, чтобы случайно не оказаться узнанной? Но вскоре эта проблема отпала сама собой. Она позвонила подруге с нового телефона и та не узнала её голоса.

– Пойди и поменяй трубку, – посоветовала подруга.

– Да, обязательно, – согласилась Она, но конечно никуда не пошла.

Звонивших становилось всё больше. Некоторым Она отвечала, но только однажды. Разговор длился не более минуты, она убеждала звонившего в том, что он ей не подходит, и просила навсегда забыть этот номер.

Но один звонок её заинтересовал...

Он увидел это объявление через неделю. Прочитал его, улыбнулся и отложил газету в сторону. «Таких женщин не бывает. Если она действительно хороша собой, то, ни о каком уме не может быть и речи. Красота и ум – вещи не совместимые. Тем более, у женщины!» И, все-таки, Он решил позвонить. Но Она не ответила ни на первый звонок, ни на второй, ни на третий. Это начинало его злить. Он ещё раз прочитал объявление. Там была приписка, на которую Он сразу не обратил внимания: «...звонить с 17 до 23». Наконец, он дозвонился. После первого же разговора он отметил, что она действительно не глупа, довольно эрудированна и у неё вполне приятный голос. Теперь ему надо было поскорее увидеть её. А вдруг она не так уж хороша собой? Может быть, она уродина или не в его вкусе. Или, это вполне возможно, стара для него.

Он звонил ей по два-три раза в день, но Она отвечала лишь на те звонки, которые раздавались в указанное время. А Он страдал! Он мучился! Если ему удавалось дозвониться до неё в то время, когда Он был у себя дома, и, к сожалению, дома была и его жена, он заперся в ванной.

А Она удобно усаживалась в кресле, ставила перед собой вазу с фруктами, и они разговаривали. По часу.

Будучи по натуре честным человеком, он вскоре признался ей, что женат. Но он так несчастен в браке! Мало того, что его жена не очень хороша собой и плохая хозяйка и, что ещё ужаснее, у неё не может быть детей, она совсем не любит его! Его, человека большой

культуры, умницу (таковым он себя считал) с довольно привлекательной внешностью!

Она слушала его, сочувственно вздыхала, отщипывая в это время виноградинку и двумя пальчиками отправляя её в рот.

Он умолял её о встрече. Он грезил ею! Она снилась ему по ночам: на ней роскошные наряды, руки и лебединую шею украшают бриллианты!..

Но Она всякий раз отказывала ему во встрече, ссылаясь на то, что у неё для этого есть веские причины, о которых, пока, она не может ему рассказать. Но при этом пылко уверяла его в том, что его звонки, разговоры с ним, стали для неё жизненной необходимостью.

Через некоторое время и она призналась ему что замужем. Эта новость несколько огорчила его, но Он не считал её замужество большим препятствием для себя. Наоборот, в какой-то степени, они оказались в равных условиях. Теперь их разговоры были полностью посвящены её мужу. Она подробно рассказывала ему о своих взаимоотношениях с мужем, о его характере, привычках, о его хороших (Она всегда признавала, что они есть) и плохих чертах. К своему удивлению, Он находил много общего в её описаниях мужа с собой. «Наверно, мы все, мужчины, одинаковы, – думал Он. – Мы ищем что-то в других женщинах и не замечаем того, что есть в тех, которые рядом с нами».

А Она неожиданно заметила в своем муже разительную перемену. Он вновь стал приходить домой с цветами. Правда, это не были огромные букеты, какие он дарил ей когда-то. Всё было очень скромно – три гвоздики или три розы. Они вновь стали ходить в театр, к друзьям, в их доме звучали музыка, смех...

К тому времени звонки других претендентов на её руку и сердце прекратились, кроме одного. Этот номер впервые высветился на экране её телефона ещё осенью. Но уже прошло почти полгода!

Она вообще решила прекратить эту «игру». Как-то её начальник (Она работала статистом) очень странно посмотрел на неё и загадочно улыбнулся. Она решила, что он тоже звонит ей, и почувствовала, что покраснела.

К сожалению, внезапная вспышка внимания со стороны мужа также внезапно и исчезла. Он делал вид, что не замечает её. Давно

завяли и были выброшены последние розы, которые он ей принёс, и ею владела тоска.

ОНА старалась как можно меньше проводить времени дома, с мужем, и когда разговаривала с НИМ, иногда выходила в маленький дворик перед их домом. Но теперь разговоры с НИМ не доставляли ей удовольствия.

Однажды здесь же, во двореке, её застал звонок, на который она никогда не отвечала. Но сейчас, ОНА и сама не знала почему, решила ответить.

– Я слушаю вас.

– Наконец я дозвонился! Только, пожалуйста, не разъединяйтесь. Здравствуйте.

Голос у звонившего был очень приятный. В нём не было ноток восторга, которые ОНА ожидала услышать, ведь ему всё-таки ответили. Он говорил очень спокойно, как будто с хорошо знакомым человеком.

– Это ваше объявление было в газете несколько месяцев назад?

– Да, моё.

– А почему вы не отвечали на звонки?

– Послушайте, я очень ругаю себя за это объявление. Во-первых, что бы вы знали, я не такая красавица, как расписала себя.

– Это не имеет значения.

– Не перебивайте меня! Раз уж дозвонились, слушайте.

– Хорошо.

– Я обыкновенная женщина, с массой недостатков. И вообще, я жалею...

– А вот жалеть о том, что сделано, никогда не надо. Лишняя трата времени и здоровья. Наверно, когда вы писали это объявление, вам было очень плохо.

– Послушайте, что вам от меня нужно?

– Ничего. Я рад, что услышал вас. Но вы не ответили на мой вопрос. Вам было очень плохо?

– Да, вы правы, мне было очень плохо. Но сейчас мне ещё хуже.

– Расскажите мне... Я не настаиваю, но если вы хотите...

Неожиданно ОНА поняла, что этот звонок – спасение для неё. Сейчас ОНА выскажется, расскажет всё: почему дала это объявление, чего хотела и что творится сейчас в её душе. Всё расскажет. А потом... Потом навсегда отключит телефон.

– Да, я хочу.

Они разговаривали почти час. Когда она выговорилась, он не стал сочувствовать ей и ругать её мужа.

– Я понял, – сказал он, – что вы очень любите своего мужа. А себя нет. В этом ваша ошибка.

Как он был прав!

Они уже попрощались, но вдруг ОНА спросила:

– А как вас зовут?

– Я думал, вы не хотите этого знать. Меня зовут Евгений.

– А я Александра. Можно просто Саша.

Конечно же, она не отключила телефон. Теперь она ждала звонков Евгения с таким же нетерпением, как когда-то ЕГО звонков. Она также садилась в кресло, ставила перед собой вазу с фруктами. И они разговаривали. Присутствие мужа её нисколько не волновало. Нередко она замечала, что муж нервничает, и это её забавляло. Конечно, он изредка улавливал отдельные фразы, а разговаривали они о книгах, новых постановках театра, о событиях прошедшего дня, но он не обращал внимания на то, чем занята его жена. Она вообще перестала его интересоваться.

А ОН никак не мог до неё дозвониться. Но когда это ему удавалось, ОН уже не запирался в ванной. Его жена, зная, что он может разговаривать по телефону очень долго, уходила в другую комнату. «Понятливая, – думал он, провожая жену взглядом. – И как меня вообще угораздило на ней жениться?» Но ОН очень быстро забывал о жене. Они давно уже жили каждый своей жизнью. Единственное, что волновало ЕГО, так это то, что ОНА стала разговаривать с ним очень сухо. Часто не отвечала на его звонки, или с кем-то долго разговаривала. Конечно, ОН очень хотел знать с кем, но спросить не решался.

Но однажды ОНА сама ему позвонила.

– Как я рад вас слышать! Знаете, я уже стал волноваться. Я три дня не могу до вас дозвониться.

– У меня большие перемены в жизни.

– Правда? А что случилось?

– В общем, ничего особенного... Я поняла, что должна уйти от мужа.

– Наконец-то! Я давно вам сказал, что ОН не достоин вас. Вы можете найти себе другого человека, который будет любить вас. – «Например, я!»

– Я тоже так решила. И знаете, в этом помогли мне вы.

– Ну что вы! Я просто старался подбодрить вас, стать для вас другом.

– Я уже собрала вещи. Скоро за мной придут.

– А вам есть, где жить?

– Конечно. Я поживу пока у подруги. А потом подам на развод и размен квартиры.

– Правильно. Было бы ошибкой с вашей стороны отказываться от жилплощади. А у вас хорошая квартира? – ОН подошел к окну, распахнул его. Мысль о возможной перемене и в его жизни вскружила ему голову.

– Да, трёхкомнатная, в центре города.

– Чудесно. Если потребуется моя помощь, я к вашим услугам. У меня есть знакомый, который подберет хороший вариант обмена.

– Спасибо, я это учту. А сейчас... Сейчас мне нужен ваш совет.

– Пожалуйста. Я вас слушаю. Буду рад вам помочь.

– Я не знаю, как мне поступить. Что лучше, поговорить с мужем, или...

– Ни в коем случае! Ни о чём с ним не разговаривайте! Не давайте ему возможность выплеснуть на вас своё зло. ОН сейчас дома?

Молчание.

– Я спросил, он дома?

Опять молчание.

– Я всё понял. ОН дома. Но вы не должны с ним ни о чём разговаривать.

– А что же мне делать? Как я могу уехать и ничего не сказать ему?

– Очень просто. Берите вещи и уезжайте. Можете оставить ему записку.

– Да? А что я напишу ему?

– Ну, я не знаю. Напишите всё, что думаете о нём.

– Вы так считаете? А, может быть, вы мне подскажите?

О да! Конечно, он подскажет ей, как следует написать прощальное письмо мужу. Ведь ОН – мужчина! ОН прекрасно знает, какие слова могут больно ударить по мужскому самолюбию. А этого негодяя, подлеца, её мужа, надо хорошенько наказать!

– Только обещайте, что напишете каждое слово, которое я скажу.

– Обещаю. Но, я надеюсь, всё будет в рамках приличия?

– Неужели вы думаете, что я позволю себе произнести хоть одно бранное слово? Конечно, если бы я разговаривал с ним... Но вам я не посмею этого сказать, хоть и знаю, что каждое слово адресовано ему.

– Вот и хорошо. Диктуйте.

– Пишите: «Я уйду от тебя. Бесплезно искать меня и уговаривать вернуться. Я решила на этот шаг благодаря другому мужчине. Он очень хорош собой. – Автор послания самодовольно оглядел свое отражение в зеркале. – Правда, у него уже седина на висках, но это лишь придает ему мужества. И, не в пример тебе, он очень меня любит. Он просто боготворит меня. А я люблю его. Просто, обожаю! А ты... Я всегда буду вспоминать о тебе, как о кошмарном сне. Ты никогда не был достоин меня. Ты – ничтожество! Я жалею о тех годах, которые потратила на тебя. Я тщетно пыталась сделать из тебя человека, но ты так и остался, – он задумался, подбирая слова, – человекообразным существом! Да, человеком тебя называть нельзя. Всё. Меня ждут. Через несколько дней мы уезжаем. В свадебное путешествие, в Рим, в Италию. Не волнуйся, штамп в паспорте, регистрация с тобой, не мешает мне хорошо провести время. Развод оформим после моего возвращения».

– Но я не собираюсь никуда ехать.

– Это не имеет значения. Ведь он об этом не знает. Он будет думать, что вы уехали, значит, ему негде вас искать. Знаете, будет лучше, если вы напишете, что уезжаете завтра. Предлагаю, как он обозлится!

– Пожалуй, вы правы. А мне стало жаль его.

– Кого вы жалеете? Вы думайте только о себе. – ОН ещё раз посмотрелся в зеркало и очень понравился себе. – Пишите: «За мной уже пришли. Я покидаю этот дом без сожаления».

– Спасибо. Почему-то я плохо слышу вас. Мешает посторонний звук.

– Да какой-то болван поставил машину под окном и не выключил мотор, – ОН подошел к окну, закрыл его. – Но, я надеюсь, вы позвоните мне завтра или послезавтра. Или мне самому позвонить вам?

ОН увидел, как мужчина положил в багажник машины чемодан, открыл заднюю дверцу и какая-то женщина села в машину. О нет! Это не какая-то женщина, это его жена!

ОН бросился в её комнату – платяной шкаф пуст, на туалетном столике нет ни косметики, ни шкатулки с драгоценностями. Только лист бумаги, на котором слово в слово записано всё, что он диктовал несколько минут назад. В самом начале стояло его имя – Гена!

ОН приложил телефонную трубку к уху – тишина...

Петр Ботнарюк

Родился в Молдавии в 1954 году. На Таймыре живет и работает с 1977 года. С того времени сотрудничает с газетой «Таймыр». Работал в Нижне-Енисейской нефтеразведочной экспедиции, возглавлял сельхозпредприятие в поселках Мунгуй и Байкаловск. В настоящее время – мастер производственного обучения. В альманахе «Полярное сияние» публикуется впервые.

Чья шкура крепче?

рассказ

...На одну из буровых, где по стечению обстоятельств осталась только один дизелист Цыбиков, зачастил медведь. И уже дважды пришлось дизелисту убежать от него, каждый раз забираясь со страху на топливную емкость.

Цыбиков предусмотрительно сообщил по рации на базу, что находится в бедственном положении. И когда медведь, ничего не боясь, вновь навещал буровую, Цыбиков, прихватив с собой продукты, топор как оружие защиты, забирался на емкость.

Вот и в этот раз дизелист был загнан на емкость, а медведь нагло производил ревизию балков. Но далекий шум винтов вертолета заставил мишку прекратить это дело и рвануть в тундру. Цыбиков, осмелев, спустился с емкости и побежал к вертолетной площадке. Едва вертолет коснулся земли, он мигом заскочил в салон.

– В чем дело? – спросил вышедший из кабины пилотов бортмеханик.

– Чё-чё! М-м-медведь тута бродит. И вы м-м-меня о-о-отсюда не вы-ыгоните, – заикаясь, проговорил Цыбиков, нервнo ерзая на сиденье. – Я ни за что не останусь на буровой. А если высадите, будете за меня отвечать.

Бортмеханик скрылся за дверью кабины, а через минуту появился опять. Глянул на него с усмешкой и сказал:

– Ладно, лети. Дома все расскажешь.

Из гидропорта Цыбиков напрямик помчался на базу. Робко постучал в дверь начальника экспедиции.

– Цыбиков!?! – удивился начальник, увидев его на пороге кабинета. – Ты на кого буровую

оставил, что у тебя там творится? Третий день радиogramмы шлешь. Что это за медведь, и зачем ты к нему лезешь?

– Я к нему? Ну, уж извините! Это он мне житья не дает. Три дня по его милости на топливной емкости живу. Радиogramмы давал, пока он к речке бегал. Вот такие дела. А злить его не злил. Скорее, это он меня...

– Ладно уж, – прервал начальник Цыбикова. – Знаю я вас. Понабрали ружей в поле, и пуляете там все подряд.

– Нет у меня никакого ружья! Да я...

– Ну, что – да я, что – да я? – завозмутился начальник. – Помолчал бы лучше...

Он нажал кнопку селектора и, глядя с раздражением на Цыбикова, крикнул:

– Диспетчер!

– Я! – тут же отозвался селектор.

– Срочно найдите хорошего охотника и отправьте его вместе с Цыбиковым на буровую. Там медведь бродит. Пусть они его там из ружья поугаю. Буровая без присмотра осталась...

– Сделаем! – прозвучало из селектора.

– Понял? – обратился начальник к Цыбикову.

– Конечно, – кивнул тот в ответ. – Так что, я пойду, да? В диспетчерскую?

– Иди, иди. И смотри там у меня, без чудачеств.

– Да, да, разумеется. До свидания.

... Винты вертолета уже набирали обороты, когда к нему подъехала вахтовка. Из нее вышли Цыбиков с небольшой сумкой из плащевки, а следом с набитым рюкзаком и ружьем в левой руке Коля Половинкин.

– Погодь, Витек, – сказал он Цыбикову. – Мы че, на этой «восемерке», да? Персональная, что ли?

– А то как же, – важно ответил Цыбиков, остановившись у трапа.

В дверях вертолета возникла фигура борт-механика.

– Мужики, это вас, что ли, на Яровскую забросить надо?

– Да, вроде нас, – ответил грустно Цыбиков.

– Ну, тогда айда на борт – и по коням. Время не ждет!

Через минуту вертолет был в воздухе, а еще минут через сорок пять в районе буровой.

– Подлетаем, – крикнул Цыбиков на ухо Половинкину, который начал было уже дремать, прислонив голову к иллюминатору.

Колька заерзал на сиденьи.

– Ну, и где же твой мишаня, Витек?

– Да вот учуял тебя и убег, – отшутился Цыбиков.

Когда вертолет приземлился, Цыбиков пропустил вперед Половинкина, прокричав ему вслед:

– Иди к вагончикам, да смотри. Быть может, миша уже там. А мне с пилотами поговорить надо.

Половинкин, отойдя метров двадцать от вертолета, скинул с плеча ружье, зарядил его и, оглядываясь по сторонам, стал осторожно подходить к вагончикам.

Вертолет начал подниматься. К этому времени Половинкин уже обследовал один вагончик, и выбежал из него с ружьем.

Цыбиков остановился и замер.

– Ты чего Коль, никак он тут?

– Да нет его здесь.

– Ой, ну и слава Богу, – выдохнул с облегчением Цыбиков. – Ты, Коль, давай в вагончик проходи. Располагайся, заноси рюкзак. А я мигом тут. Станцию запущу. С электричеством оно, знаешь, как-то спокойней. А то возьми ружьишко да пойдем со мной. Может, сможешь чего, а?

– Да-а, Витек, вижу, хорошего страху медведь на тебя нагнал.

– Ничего не нагнал. Я и сам мог бы с ним справиться. У меня и топор на этот случай имеется.

– Ну, давай, топай, топай, – подбодрил Цыбикова Половинкин. – А стаканы у тебя в арсенале имеются? – спросил он вдогонку.

– Стаканов нет. Кружки где-то есть. Поищи – найдешь.

Переключку тундровых птиц заглушил шум работающей станции. Когда Цыбиков вошел в

вагончик, стол уже был накрыт. За ним чинно восседал Половинкин.

– Присаживайся, Витек. Пропустим по маленькой. Я «андроповки» успел в лавке прихватить.

– Да и я тоже не упустил случая, – потирая руки, сказал Цыбиков и присел рядом.

Время за разговором шло потихоньку. Потихоньку уменьшалось и содержимое бутылки. Стало хорошо и как-то даже весело. Коля стал рассказывать Виктору о своих охотничьих приключениях.

– Представляешь, я с мужиками как-то пошел на утей. Ну, закусили малость и пошли по озерам. Я напулял уже штук двадцать. А тут начал дождик моросить. Ладно, думаю, хватит мне и тех, что в рюкзаке. Закинул ружье на плечо, и пошел к заранее оговоренному месту встречи.

Иду себе спокойненько, под ноги смотрю, а как только глаза поднял – справа озерцо. Ну, не озерцо, лужа, можно сказать. А посреди ее кряк сидит. Да такой важный из себя, и, что интересно, крупнячий.

Ну, я ружьишко тихонько сымаю, целюсь – и хрясь его из правого ствола. Дробь, вижу, прямо в него. Вокруг фонтанчики заиграли. А он, стервец, сидит. Только слегка бочком ко мне повернулся. Ну, я из левого – хрясь! А он хоть бы что.

Скидываю рюкзак, перезаряжаю ружье – и дуплетом. Сапоги раскатал, озерцо-то не глубокое, иду и держу кряка на мушке. Иду, а он все сидит. Хотел было опять пальнуть, да вовремя передумал. Ружье, значит, опускаю, и только тут разглядел, что это профиль. А я, дурак, в него четыре раза как во всамделишного. Представляешь, обман какой?

– Так вы, наверное, не закусили перед этим? – с усмешкой спросил Цыбиков.

– Ну, Вить, как мы могли себя этим делом обидеть? На охоте себя не обижаем. Ты че, думаешь, я был пьян? Да если уж на то пошло, то я под этим делом еще лучше, точнее стреляю. Ну-ка, айда на улицу!

Половинкин проверил ружье. Оно было заряжено. Пошатываясь, они вышли из вагончика.

– Счас ты увидишь, счас ты убедишься. Счас... Ну, куда бы, куда? А, вот. Видишь, вон там, возле бочки, ведро? Метров пятьдесят к нему будет? Сейчас я из него дуршлаг сделаю... Счас я его, счас, – приговаривал Половинкин.

Прозвучал один, а затем второй выстрел. Ведро каждый раз переворачивалось.

– Тащи-ка этот трофей сюда, увидим, как я его...

Цыбиков поднял ведро и пошел к Половинкину. В ведре было множество дыр от дробы, и, глядя на стрелка, он спросил:

– Ну, на кой ляд ты мне наделал в нем дыр, чем я теперь масло в дизель заливать буду?

– Брось ты свои масла, чудак-человек. Я вот мишаню так же сделаю. Ты только дай мне его сюда, и я его... – хорохорился Половинкин.

– Ладно, Коль, иди в вагончик, а я схожу дизель гляну.

Когда Цыбиков возвращался, заметил возле входа в вагончик лестницу.

«Откуда она тут взялась? – спросил себя мысленно. Я ее, вроде, возле емкости оставил, когда от мишки бегал...».

Он взял лесенку, и унес за вагончик, после чего вернулся к Половинкину, и они продолжили трапезу.

Языки у обоих уже немного заплетались, когда Цыбиков снова выбрался, чтобы проверить работу дизеля. Следом, по нужде, вышел и Половинкин. Когда Цыбиков вернулся, то снова увидел лестницу у входа.

«Что за чертовщина? Вроде ж, убирал ее отсюда? А может, просто подумал, что нужно убрать? Черт его знает...» – прокрутилось в мыслях у Цыбикова. Взяв лестницу, он опять унес ее за вагончик.

Время подходило к вечеру, оба дружка были хороши. Половинкин, пошатываясь, подошел к рюкзаку, отобрал патроны с пулями, зарядил ружье, остальные патроны рассовал по карманам и направился к выходу.

– Ты куда это?

– Я сейчас, Вить. Ты сиди, я сейчас...

Прошло некоторое время, и Цыбикова встревожило отсутствие друга. Он вышел на улицу. Сунув руки в карманы брюк, стал озираться вокруг, с надеждой обнаружить Половинкина. Но тот как сквозь землю провалился. Вокруг стояла тишина, только слабый шум работающего дизеля слегка нарушал ее.

И вдруг Цыбиков аж вспотел от испуга, потому что где-то рядом заревел медведь. От этого рева по телу пробежала дрожь, по коже забегали мурашки. Заскрипел вагончик. Цыбиков испуганно огляделся, но никого нигде не было.

Он резко поднял глаза вверх, и на крыше вагона с ружьем в руках, с вертящейся во все стороны головой увидел знаменитого охотника – Колю Половинкина.

– Коль, ты чего там?

– А я... Я, понимаешь...

– Как ты туда забрался?

– По лесенке, Вить, по лесенке...

– А где ж она?

– Тута, Вить, тута.

– А как же я, Вить?

– И ты так же, Коль...

– Чего так же? Давай лестницу быстрее, ведь миша где-то рядом...

– Так он тоже, – со страхом ответил Половинкин.

– Чего тоже?

– По лесенке, Вить, по лесенке...

– Ты чего мелешь, охломон. Ты, значит, ее наверх затащил? Давай немедленно лестницу сюда!

И тут же волосы у Цыбикова встали дыбом, когда увидел вышедшего вдруг из-за вагончика медведя, который с ревом направился в его сторону.

– К-о-л-я! – заорал Цыбиков в ужасе. – Лестницу давай быстрее!

– Сейчас, Витек. Не бойся, потерпи малость. Сейчас я его...

Цыбиков еще раз глянул на приближавшегося медведя, и, не помня себя, мигом, без всякой лестницы, очутился на крыше вагона. Он пятился на четвереньках, до тех пор, пока не столкнулся с Половинкиным.

Тот в страхе отскочил, и направил ружье на Цыбикова.

– А, это ты Вить... Хорошо. Сейчас я его. Не бойся, я сейчас, – дрожащим голосом выпалил Половинкин и всадил в медведя один за другим два выстрела.

– Эге-ге-ге-гей! – победоносно прокричал вслед убегающему зверю Половинкин, перезаряжая ружье.

– Витек, видел, как я его, а? А как он от нас? – спрашивал, как в лихорадке, Половинкин. – Я же говорил тебе, не бойсь. Жаль, ушел, стервец, а то бы медвежатинки поели, да и шкура на пол что надо! Тоже ушла, а Вить?

Побледневший, с широко расставленными ногами Цыбиков стоял рядом, выпучив глаза, и не мог произнести ни слова.

Половинкин глянул на него, онемевшего, перевел взгляд вниз и удивленно спросил:

– Вить, ты чего? Описался, что ли? Ну, ты даешь! Да разве следует со мной кого-нибудь бояться? Да я его... Хотя... Э-эх, да ладно уж... – махнул рукой Половинкин.

Маргарита Боярская

Родилась в Енисейске, выросла в Дудинке, живет в Норильске, работает логопедом. Ее проза публиковалась в газетах «Заполярный вестник», «Заполярная правда», в альманахе «Полярное сияние». Книга рассказов «Веры тонкая свеча» издавалась дважды в 1988 и 2002 годах.

Старые вещи рассказ

Бывает, что воспоминания нахлынут под музыку, которая сама начинает рассказывать о пережитом когда-то и уводит в годы детства или яркого случая, который всплывет неожиданно в памяти...

Я не знаю, что это за музыка, но ее такты, как шаги, вымеряли время в далекое прошлое...

... Вспомнился огромный, кованный медными полосами, мамин сундук, с музыкальным звоном замок и внушительный ключ к нему, который от нас прятался. Царство маминного богатства. Вроде, ничего особенного, но детское любопытство разжигалось от недоступности к вещам.

Рассердить маму легко, если попытаться что-то достать из ее сокровищ. Обычно под маминим строгим оком изымалась нужная вещь, сундук быстро закрывался и ключ прятался.

Но однажды мама сама позвала меня к своему тайнику:

– Ладно, иди посмотри, что ты так рвешься к этому сундуку? Ничего особенного тут нет. Память моя тут живет.

И она стала доставать одну вещь за другой. Сначала со дна сундука появилось что-то полосатое. В развернутом виде это превратилось в детскую рубашку.

– А зачем? – спросила я.

– Молчи и слушай. Мирочкина распашонка. Моя первенькая.

Она прижала эту память пережитого горя к губам и закрыла глаза.

– Померла, – продолжала она. – В честь матери моей Миропьи Андреевны названа... Наверно, она её и забрала. Меня любила, а её взяла. Вот ангелом меня и ждёт на небесах, когда явлюсь туда.

– Ой, не надо, – испугалась я. – Как же мы то без тебя?

– На всё Божья воля, – ответила мать и продолжала:

– Да, приболела тогда Мирочка, измучилась я с ней, а тут она успокоилась и я задремала. Вижу сон: будто в церкви нахожусь, и детей много грудных и все спят такие хорошенькие, толстенькие, чмокают губками во сне. И среди них моя Мирочка, такая маленькая, худенькая. Так жалко её стало, что проснулась внезапно и к Мирочке бросилась, а она, детка родная, во сне ушла от меня.

Мать отвернулась. Окропленная слезой, полосатая распашонка вернулась на место.

– А вот тут – ложки серебряные. Девчонкам раздам на свадьбы.

Девчонки – это мы. Нас четверо, хотя себя к этому богатству не причисляю.

Я – от другого отца, и расстояние всегда чувствовала. Помню, как была ссора между сёстрами из-за серёжек золотых с рубиновым камнем. Кому достались – не помню, но не принесли они счастья: рубиновый камень мстительный, не терпит ссор и скупости, и принадлежать должен людям строго по гороскопу.

А я почему-то с детства боялась этого сундучного богатства и не хотела его.

Следующая вещь – газовый платок. Такой прозрачный и мягкий, почти невесомый. Его можно сжать в кулачок полностью и не заметишь, что он есть в руках.

Фельдеперсовые чулки поразили своей прочностью, шелковистой непрозрачностью, похожие на плотный капрон, но с серебряным отливом.

– А вот и для тебя, – сказала мать, вынимая сине-белую трубочку, перевязанную тесёмкой.

Это была заготовка матроски: воротник, манжеты. Осталось только пришить к белой блузке, даже к пионерской – и готово.

Но у мамы было любимое слово: некогда, когда-нибудь сошью.

Так и осталось это одеяние недошитым. И когда в кинохронике видела детей Николая Второго в таких матросках, вспоминала свою. Может, и в нашем роду эта реликвия передавалась по наследству с тех времён?

Следующей вещью была сложенная в треугольник вышитая бархатная тубетейка. О ней мать ничего не сказала. Я успела заметить, что внутри она из красного шёлка. Загадочный треугольник исчез так же быстро, как и появился.

А в руках мамы уже белый подворотничок, ещё сохранивший твёрдость крахмала.

– Володин, – родное лицо сжалось, губы втянулись, а тонкий нос, когда-то очень красивый, обострился. Володя – отец трёх моих сестёр. Осуждён по пятьдесят восьмой статье. Погиб от кровохарканья при избиении в Хабаровских застенках. Ему отбили лёгкие. Так сказал его товарищ, чудом выживший и вернувшийся в Енисейск.

А маме часто снился один и тот же сон: будто приезжает её любимый Володя с чемоданчиком, а ему некуда идти. Его приезду мама рада и, плача, говорит: «Ну, как же некуда нам с тобой идти? Пойдём к Рите». Кто такая Рита, он не знает. (Ведь меня тогда на свете не было). Но он соглашается: «Пойдём к Рите».

И, как занавес – сон прерывается. Но методично, в той же последовательности повторяется снова и снова. Мужа давно реабилитировали, а накрахмаленный подворотничок наводит на воспоминания оживающего сна и о куске прожитой счастливой жизни.

Как итог о светлых минутах, вынимались две спящие фарфоровые куколочки с золотыми волосами, разбросанными по воздушным фарфоровым подушкам.

Может, раньше это был изыск мещанства, но меня они приводили в восторг. Как и норка из дорогого коричневого камня с мышкой, принёсшей к себе в гнездо перламутровое яйцо, величиной с большой грецкий орех. А зеркало и чуть подбитые цветочные вазы вызывали восхищение мастерами прошлого.

Это – подарки Володи. И уже мало интересуют юбки с высокими талиями, какие-то оставшиеся платья, уже устаревшие, но иные пригодившиеся в войну, перешитые, проданные, навсегда исчезнувшие из сундука.

Но все эти наряды – ничто по сравнению с семейным альбомом – родословной памятью предков, кого не воскресить и невозможно представить, не увидев снимка.

Вот фотография на толстом картоне, какого сейчас не увидишь. Бабушка – Миропья Андреевна с красивыми волнистыми чёрными волосами, в пышной юбке (возможно, с кринолином), кружевной воротник дополняет наряд. Красивая дама, сидящая в кресле, а рядом – семнадцатилетняя мама с русой косой, в длинной юбке. Рука на плече бабушки. Мы не можем представить наших матерей молодыми, а фотографии творят чудеса. Я проникаюсь к бабушке любовью. Изверг-муж изводил её своей ревностью. Она не была виновата в своей красоте. Чтобы не пугать детей, молча страдала, привязанная к кровати, избиваемая мужем-кровопийцем. И только подросший старший сын Андрей однажды пригрозил отцу, увидев незаслуженные побои. Испуганный отец прекратил истязания, но ревновать красавицу-жену не перестал. Вскоре его прибрал Бог к ответу на небесах.

Во время Великой Отечественной войны погиб Андрей, благородный юноша, фотография которого хранилась в альбоме.

После смерти тирана-мужа бабушка вышла замуж за моего будущего деда, от которого появилась поздняя дочь – моя мама. Дедушка Ефим был добрым, тихим, благородным и интеллигентным. Только мало им пожилось вместе.

Настрадавшаяся бабушка не выдержала кусочка счастья, свалившегося на неё в конце жизни, и отправилась на небеса вслед за своим добрым мужем Ефимом, оставив трёх оперившихся детей и любимую четвёртую семнадцатилетнюю дочку – мою маму на самостоятельную жизнь.

Плохо, что мы не интересуемся родословными корнями. Редко кто знает до второго-

третьего колена своих предков, и только альбомы быстро меняющихся кадров фотографий оставляют след в нашей памяти.

Почему-то в нашем старшем роду чаще умирали дети-первенцы. И потому в альбоме была особая страница, которой я по детской наивности боялась. Весь в цветах – сын маминной сестры – Федя. Её внучка Эличка, круглая отличница, умерла за партой на выпускном экзамене, написав сочинение на отлично. Грустные глаза этой девочки вместили целый мир непрожитой жизни. Но нет фотографии Мирочки и невозможно её представить.

Детские страхи есть у всех, я быстро перевертывала страницы этого семейного некрополя. И когда поведала об этом маме, она успокоила меня.

– Живых надо бояться, – грустно сказала мама. Но, посмотрев на моё испуганное лицо, добавила:

– Когда умру, не надо снимков, хочу в памяти живой остаться.

Завет мы исполнили.

Быстротечное время меняет события и повороты судьбы. При переезде из Дудинки в Красноярск громоздкий сундук был подарен бабушке-соседке, а семейные реликвии и альбом перекочевали в старый чемодан, который исчез навсегда при переезде с первого этажа на пятый этого же подъезда. Вместе с альбомом исчез и единственный снимок на толстом картоне любимого мужа Володи: высокого, бравого, в военной форме, с лучистыми глазами. Неутомимого и доброго, до последнего

часа ареста помогавшего нуждающимся людям. Сам пережил грань бедности в детстве, нищету родителей, высланных из Польши после восстания, и навсегда потому проникся к бедам простых людей.

Острая боль пронизывает сердце за украденный альбом, за фотографии, ненужные посторонним людям.

Жаль исторических снимков сибирской жизни, где Владислав, по материнской прихоти называемый Володей, вместе с детьми и жителями посёлка Байкит, залепленные снегом, в больших длинных санках катятся с горы, весёлые и счастливые.

Как тут не вспомнить знаменитого художника Сурикова и не улыбнуться простодушным забавам сибиряков.

Вместе с исчезнувшим альбомом канули в лета, в бездонный обрыв не только снимки, но и стёрлись судьбы репрессированных родных людей, их жён, получавших жестокие вердикты «без права переписки», что означало – смерть, обездоленных детей, привлечённых к ответу за отцов. Много могут рассказать старые альбомы России с единой судьбой и болью, которую не забыть и не унять.

Ушло старое поколение, а новые альбомы не смотрят или теряет при переездах. Любители антиквариата крадут, что плохо лежит. Но украденные вещи мстят за хозяина. «Не укради» – гласит Евангелие нечестивым рукам. Краденое счастья не приносит и если Бог простит их, то рано или поздно «Аз воздаст». Бог им судья.

Неоконченный рассказ

Сегодня она решила высказать ему всё, что накопилось на душе и уже давно просилось выплеснуться гневом или упрёками.

Злополучный шар-пей, бойцовая собака, появилась в доме внезапно, но прочно вошла в жизнь хозяев. Батон-Локки-императорская и вряд ли китайская кличка соответствовала статусу этого животного, что подтверждалось клеймом в паху. Батон – по-французски «палка». И то доказывало его поведение на улице. Не смела пройти ни одна собака, не опробовав острых зубов и палочного беспредела этого держателя страха.

Доверчивые шавки тянули к нему морды и тут же получали незаслуженно такие порции

бойцовой хватки, что, поджав хвосты, улепетывали, куда глаза глядят.

Намордник с трапециевидного носа и складчатого лба Батона слетал довольно быстро от когтистых лап и энергичного встряхивания головы. Поводок натягивался от рывков и резко набираемой скорости собаки так, что хозяин однажды, падая, травмировался.

Прежняя хозяйка с поломанной ногой лежала в гипсе три месяца, а новый владелец после операции вернулся домой на костылях. Кормёжка и прогулки свалились на его жену. И потому она делила свой день на три части, выгадывая утром, в обед и вечером те минуты, когда люди ещё работали и собак мало или не

было вообще. Эта зависимость от времени, и неугомонность постоянной агрессии животного на улице, раздражала. Много собак перебывало в их семье – от овчарок до лаек – но таких злобных не было никогда.

Благими намерениями выслана дорога в ад. Ещё щенком из питомника привезли за доллары Батона, предназначенного в подарок для дочери хозяина.

Девочка была одинокой. Хозяин щенка был её отцом. Уйдя в другую семью, он хотел как-то отвлечь непоседливым щенком свою страдающую кровинку.

Она заканчивала одиннадцатый класс. Неординарность девочки учителей не интересовала. Частые опоздания и пропуски уроков из-за прогулок со щенком шли чередом. Мать с переломом ноги – результат общения с ним же – всё подвигалось к семейным неурядицам.

А постоянный вид злых лиц и выслушивание угроз учителей с преждевременным прогнозом «непродвинутости» к поступлению в ВУЗ, привели девочку к депрессии. Она ещё больше замкнулась в себе: писала стихи и рассказы, о чём не догадывались даже одноклассницы. Стремление утвердить себя выразилось в её рассказе о пуговицах.

Обыкновенные пуговицы на её дублёнке разговаривали между собой и имели субординацию и свои обязанности, а верхняя пуговица – главная из них. Это была сама Аня – так звали девочку. Здесь она была лидером и реализатором невозможных идей, где никто не смел обидеть или унижить её.

Но мир фантазий кончался, и реальность возвращала к обыденной жизни, к школьным предметам, скучно преподаваемым, к жужжанию матери о невыносимом презенте отца, подарившего это рыжее складчатое чудо, к которому уже успели привыкнуть.

Предстоящие экзамены на аттестат зрелости подталкивали к твёрдому решению: расстаться с другом. Щенок отнимал много времени, всё больше требовал внимания, новых резиновых игрушек взамен изгрызанных старых.

И, уже подросткового, с болью в сердце его отдали в новую семью отца. «Мачеха» и её сын встретили пса недружелюбно. У животных чутьё на нелюбовь тоньше, чем у человека. Пёс озлобился, постоянно огрызаясь, и, как компенсацию за свою неуправляемость, получил полную свободу на улице. Его отпускали без поводка, и он кусался, дрался с собаками

воволь, и, устав, возвращался самостоятельно домой.

Жалобы владельцев соседских собак надоели хозяину, и он попросил знакомого журналиста-охотника застрелить собаку. Вердикт был отменён, Батон попал к ярому защитнику собак и прижился в его доме.

Освобождённые от проблем, прежние хозяева перекрестились и не хотели слышать о возвращении пса. Ласковый в квартире и беспощадный царь зверей на улице, он наводил ужас на собак по соседству. Кстати, в профиль он действительно напоминал льва. Бывший хозяин объяснял его нрав генетикой. Мол, мать из породы шар-пеев – бойцовых собак, вот и сынок в неё.

Кровавый бизнес ловит простодушных обеспеченных покупателей, не представляющих будущее этих собак.

Были раньше – и где-то остаются – тараканы бега, петушинные бои. Но кому в городе нужны эти бойцовые породы? Ответа нет.

Любящая Батона Аня поступила в медицинский институт, перечеркнув немедицинский диагноз учителей «непродвинутости». Пуговицы замолчали. И только верхняя оказалась пророчицей её судьбы. Сверх программы Аня изучала латынь, стремительно шагая навстречу своей будущей профессии.

А новая хозяйка, плача, выводила на поводке доброго-злого питомца-изверга, напрягая силы и нервы, удивляя товарищей мужа, которые иногда гуляя со зверем по её просьбе, говорили: «Ну, как только она справляется, удерживая этого злодея? У нас и то еле сил хватает...»

Этот гнев на собаку хотела она сегодня выплеснуть мужу, но в это время по радио зазвучала мелодия из «Щелкунчика» Чайковского. Костыли мужа сиротливо стояли в углу. Сердце защемило от жалости к неустроенной жизни, от спящей на полу собаки, невиновной в своём рождении с такой генетикой. И тоска, навеянная музыкой, заполнила неуютное пространство комнаты, задушив злобу сегодняшнего дня.

И, будто угадывая мысли, проснувшийся пёс, поглядывая на хозяйку, вылизывал фиолетовым языком – тоже признак породы – свои когтистые лапищи, громко чмокая и как бы говоря: «Ну и что ты решила? Ведь дома я – джентльмен. Рано утром не бужу и квартиру сторожу...»

Почти стихами закончил он, потому что жил у поэта, тоже не кроткого нрава.

А известно: с кем поведёшься...

Юрий Гуляев

Родился в Норильске в 1959 году. Литературным творчеством занимается с 2003 года. Печатался на страницах норильских газет. В альманахе «Полярное сияние» публикуется впервые.

Крещенская нагайка мистический рассказ

Дело – зима. Снова спину свело. Да так – не продохнуть. Надо что-то предпринять, а как еще? Здоровье обратно в тело вгонять надо. Было время, не замечал его присутствия, потому что много его было – через край лилось. А что? Работать, так до упаду. Пить, гулять, так без удержу – на всю катушку. Вот и надломился по бесшабашной неосмотрительности.

Времена прошли. Теперь одно осталось – лечись, не ленись. И пошел я к одной известной, в наших кругах, массажистке Татьяне, как друзья подсказали. Дверь распахнула радушная хозяйка:

– Какие люди! Заходи, солнце!

– О-о-о! Да мы встречались! – Оказалось, я знал ее, как поэтессу, а она еще и спины лечит.

– Чаю? Сигарет? Что ко мне привело?

– Да вот спину свело. Пора лечиться.

– Поглядим, поправим! Так. Что там у тебя?

Работа пошла. Диагноз затянувшихся проблем прямо из-под пальцев хозяйки заключается:

– Диск влево смещен. Следующий – вправо. Это не позвоночник, а елочка. Попробуем исправить.

Вдох-выдох. Хрусть-хрусть. Задышалось. Пришла уверенность: жизнь скоро наладится. А руки Татьяны продолжают диагностику, скользя по уставшему, избитому трудами и вольностями телу.

– А что это за шрам под кожей?

– Где?

– Да вот тут слева между первым и вторым ребром? Тебя били палкой или плеткой?

– Нет! Не били. А что?

– Тут глубокий рубец на мышце. Как будто его рассекли когда-то прутом железным или хлыстом. Но кожа не задета. Странный рубец. Первый раз такое вижу.

– Не помню такого! Не было.

– Почувствуй: пальцы перекатываются через бугорок – чуешь?

– Да. Точно.

Вдох. Выдох. Хру – Хрусть – Хрук. Гулко отозвалась моя хребтина. И в этот миг я увидел себя изнутри, как на цветном рентгене: ребра, позвоночник. А между ними маленькая черненькая горошинка. А это еще что за хреновина такая?

– Тань! Посмотри. Там между первым и вторым ребром горошинку черную увидел.

Она внимательно прощупала и обнаружила в межреберном пространстве округлое уплотнение, подобно шарикку: «Точно... Есть».

И вдруг я вспомнил. Был удар, по ощущениям похожий на нагайку. Да такой силы, что одна из металлических горошин, которая обычно влетает в конец хлыста для его усиления, оторвалась и осталась в теле.

– Это, Танюша, меня черти окрестили. В ночь на Крещение. До сегодняшнего дня об этой бесовой метке даже не догадывался. Оказывается, для меня мистика – реальность. Выходит, не зря остерегаюсь смотреть мистические фильмы, особенно ужастики.

– Рассказывай. Как это было?

– Если готова слушать – пожалуйста. Но зайду издалека.

...Постсоветский период. Президент провозгласил: «Все, что не запрещено – можно...». И понеслась страна вразнос: кто в политику, кто в деньги, кто в духовность. Я же с головой окунулся в изучение устройства мироздания: религии, оккультизм, гипноз, Агни Йога. Ради познания готов был идти на любые жертвы. Заработки и семейные проблемы меня тогда не

волновали: я стал студентом. Попросил семью вообще оставить меня в покое. Прикоснувшись к эзотерическим наукам, явно почувствовал, что мне не хватает мистического опыта. Долгий духовный путь исследователя впечатлял меня, но жажда скорейшего продвижения в этом направлении подталкивала к практике.

Для достижения заданной цели, исходя из своих способностей, выбрал единственную доступную для меня технологию – спиритизм. Через эту спираль общения с высшими силами, как мне тогда думалось, я мог нести свет и помощь людям.

К подготовке желанного контакта приступил загодя, до Рождества. Сделал столешницу. Начертил на ней круг, выписал буквы, цифирки, по углам нарисовал православные кресты для Божьей защиты. Дело исполнил вроде бы безукоризненно, но сердце предчувствовало что-то неладное, недоброе. Пригляделся... «Ё – мое!» Все четыре креста перевернуты. Тыфу ты! Бес попутал! Надо же! Сломал столешницу и сжег на кострище. Но от идеи не отказался. Велико любопытство. Флаг духотворчества реет над моей головой и окрыляет надеждой на скорую встречу. Делаю другую спиритуалистическую дощечку с помощью молитв. Вроде все получилось правильно. Осталось дожидаться подходящего времени. Скоро, скоро приближусь к своей заветной мечте.

Но на сердце все же тревожно. Даже сон приснился беспокойный: стою я в гардеробе танцевального коллектива «Терпсихора» и развешиваю номерки по крючкам. Скоро начнутся занятия. Черт меня дернул пойти в танцзал, где на полу увидел дубовые, кованые железом, крышки люков. Они открываются, а из подполья появляются люди в монашеских черных балахонах с керосиновыми фонарями в руках. Иду мимо и осеяю их крестным знаменем. Люди корчатся при виде молитвенного жеста и, злобно ругаясь, возвращаются в свои подземные кельи. Вот открывается тот самый, роковой люк. Оттуда выходит женщина в таком же черном одеянии. Попытался тут же перекрестить ее, но она скрутила меня «в бараний рог», а затем вытянула и свила в «косичку». Мне стало дурно, как никогда. Ощущаю себя полностью парализованным человеком. Мощным усилием собираю всю волю в кулак, чтобы вырвать прямо из середины души единственное слово: «Верую-у-у-у!»

Оно превратилось в долгое мычание. Но сердце точно знает – Верой спасен буду.

Просыпаюсь. Сон как наяву. Долго не могу прийти в себя. Похоже, дурной знак. Нет благословения на задуманное дело. Сильное любопытство подавляет всякую осторожность и неумолимо толкает на грех: «Ну и что? Испокон веков гадали люди на святках! И «тарелочки» крутили – ничего страшного. Все обойдется!». На том и успокоился.

Первые два спиритических сеанса прошли вяло и неудачно. Любопытство мое не удовлетворилось. Святки заканчивались на праздник Крещения. А это значит, что я снова буду находиться под Божьим покровом. Стучусь все в те же двери.

Наступила долгожданная ночь. Все «кружковцы» с прошлого сеанса приняли холодный душ и набрали освященной воды в разные емкости, находящиеся в квартире. Зажгли четыре свечи. Прикоснулись кончиками пальцев к блюду и принялись призывать Ангела Хранителя.

Проникновение в запретное церковью таинство вызывания духов шло очень туго. Тарелочка с указательной стрелочкой двигалась медленно. Моя рука наливалась тяжестью. Вспыхнувшие от свеч длинные язычки пламени как-то неестественно накренились вниз, устрояюще параллельно столу – в сторону девушки-секретаря. Мимо нас пронесся сквозняк. Я краешком глаза замечаю, что кухонное окно плотно закрыто. Откуда тогда взялась холодная струя воздуха? Рука тяжелеет все больше. Холод ощущается не только рядом – он всюду. Стали появляться первые буквы, слоги, а потом и слова. Только «живое письмо» почему-то все запутано и бессмысленно. Бросить бы все, но поздно – что-то ведет. Тарелочка закрутилась быстрее. Все сидящие за столом заворожено следят за хаотично крутящейся стрелочкой. Бессвязные буквы вдруг превращаются в слова:

«Я бог твой, Юра. Где же твоя вежливость? Чем спасешь твою душу? Где земной поклон?»

От неожиданности мы все разом вскочили и поклонились неизвестному. Откуда нам было знать, кому мы отвесили поклон?

С этого момента текст пошел внятнее. В нем сообщалось о тяготах нашего бытия, далее шли советы о здоровой жизни, были нравоучения и обещалось покровительство. Но в

конце неизвестный нам дух обронил ну совершенно не святое словечко, выдавая себя не за того, кем себя объявил вначале:

«А жена твоя, Юра, стусовалась...»

Я среагировал в мгновение ока, несмотря на неимоверную тяжесть в теле и слабость в конечностях:

– Кто ты есть? Ответь мне во имя Отца и Сына и Святого Духа! Во имя Иисуса Христа! Ответь!!!

«Жена твоя ожила... Я жена сатаны...» – Слово са-та-ны выписывалось по буковке, но с первой буквы с... меня охватил ужас. Я понял, кто ко мне пришел. Подтверждение страшной догадки хлестануло по ребрам, как нагайкой. Но в горячке я не обратил внимания на жгучую боль в спине, потому что в этот момент нечто гадкое захватило мое тело и сцепило вязким туманом оцепенения. Собрав всю волю, я сбросил блюдце со стола и вылил на себя и стоящих рядом участников сеанса освященную воду.

– Встали на молитву! – скомандовал я.

Быстро и четко отгачивая каждый звук, читал спасительные слова: «Отче наш!»... Всей мощью души выгонял мерзкую гостью из своего жилища.

В тот час ко мне пришла беда. Бог оставил дом мой. Звонящая песня радости покинула покои мои. Пространство наполнилось коричневой вязкой пустотой. Дети вдруг стали раздражительными. Странные ситуации, порой опасные для их жизни, складывались вокруг них. Добрые, дружеские отношения с супругой неизвестно куда исчезли. Прошло немного времени, и мы забыли, что когда-то любили друг друга. Рушился мой добрый мир. Душа моя зачерствела. Но все же день за днем, минута за минутой я отчаянно, с полной верой и надеждой молился. Только она – молитва, в моем положении, выглядела, как слабая пилюля. Бывало, глядел на родные иконы, а виделась мне гнусная посярамотина, и вера моя подвергалась сомнению: «Кому молюсь?»...

Моя «крыша» в любую секунду стремилась съехать, не спрашивая разрешения у своего хозяина. Не взирая на всякий стыд, начинал молиться там, где стоял. Всякий раз с содроганием встречал наступление вечера, обреченно готовясь на битву с ночными кошмарами. Это

было адским испытанием для моей пораженной, но все же незахваченной души. Одержатель был всегда рядом со мной, готовый в любой момент овладеть телом при малейшем ослаблении духа. Наверно так люди и сходят с ума?

В бою все средства хороши. Здесь то и пригодились советы знакомого моржа Ивана: моржевать и бегать босиком по снегу. Надеваю валенки на босу ногу и гуляю по Норильску. Ночи темные, холодные. Туман сгустился от стужи и никуда не движется – застыл. А я погляжу по сторонам: нет прохожих. Валенки под мышки и... босичком. Бывало, ступни к снежному насту прихватит. Тут главное не отстывать и успеть во время ноги оторвать. И мигом в валенки, и бегом, бегом. Смех смехом, а на время помогало.

От Святого Крещения до Светлого Пасхального Воскресения нес душу и тело свое ко спасению. Однажды друзья подсказали мне принять строгий пост, и встречать с молитвами Пасху, прося избавления от мук. Страстная седмица прозвучала набатом: сухарь, вода, псалтырь.

Молитвенный подвиг и жесткая аскеза приближали меня к искуплению. Время пришло.

О, Боже! Это случилось. По воздетым в молитвенном обращении к Богу рукам, вдруг заструились светлые искорки, и устремились в сердце мое, и согрели его. Боже мой, я забыл, что оно бывает горячим. По спине моей пробежал приятный холодок и... о, это чудо: вернулось мое внутреннее зрение. Светлые образы вновь стали посещать меня. Коричневая пелена упала с глаз и растворилась в пространстве. Христос Воскрес! Во Истину Воскрес!

– А сон ведь, Таня, в руку оказался, – заканчивал я свой рассказ. – Действительно, та женщина из подземелья скрутила мою волю в бараний рог, но крепкая сердечная Вера пронесла меня над бездной. Надо же! Десять лет прошло, а только сейчас узнал о существовании бесовской отметины крещенской нагайкой! Вот так черти окрестили меня! Теперь я имею свой мистический опыт. Но больше туда не полезу и детям закажу.

Ирина Дубовицкая

Родилась и выросла в Дудинке. Работает в администрации города. Ее первые рассказы печатались в коллективных сборниках крымского издательства. В альманахе «Полярное сияние» публикуется с 2001 года.

Декабрьский сплин рассказ

Ветер рвал из озябших рук пакеты, забивал снегом длинный мех шапки и воротника. Уставшая Тая казалась себе старой навьюченной лошадкой. Помнится, Ромка называл её длинноногим большеглазым верблюжонком. Давным-давно... Нет, какой теперь верблюжонком...? Даже старой верблюдицей назвать себя она не могла. Не хватало гордого пофигизма кораблей пустыни. Сегодня именно кляча увязала в снежном бездорожье переулка.

Лицо загорелось от бесцеремонных пощечин ветра. Мороз и солнце, день чудесный – не про наш декабрь. О, как же ей надоела эта бесконечная зима, эта темнота изо дня в день. Хотя... из какого «дня», в какой «день»? На работу идешь – еще темно, с работы – уже темно, в обед – сумерки. Достало. Еще это мертвенно-холодное освещение на работе, лица как бледные поганки. Депрессия ужасной полярной ночи, гнетущая темная пора. Идеальные условия в Арктике только для славной расы вампиров. «Ночной дозор» вчера пришелся очень кстати. Она вдруг осознала, что лицо стянуло в маску, достойную отрицательных персонажей театра Кабуки. Ш-ш-ш, Таюш, тихо, что-то ты разбушевалась. Вот и дома, вот почти добралась.

У подъезда пальцы разжались, пакеты опустились в снег. Чтобы хоть как-то оправдать перед собой эту незапланированную остановку, Тая потеряла нагруженные тяжелой ношей руки и полезла в сумочку за ключами.

Ну конечно, как всегда беспорядок, с которым бесполезно бороться. Ага, вот они...

Связка неожиданно слетела с дрогнувшей ладони, тяжелым брелочком вниз, желто-металлической ромашкой ключей проросла на ступенях, запорошенных снегом. Интересно, это говорит о чем-то? Было любопытно изредка прошивать реальность широкими стежками знаков.

Телефонный звонок через полчаса, родной голос в шорохе помех:

– С наступающим Новым годом! Как ты, как у тебя дела?

– Не знаю. Правда, не знаю. Живу одним днем. Не загадываю, чтобы не очень расстроиться потом...

– Настолько плохо?

– Да ладно, Ром, забудь об этом. Впрочем... Знаешь, вдруг удивилась своим годам. Сорок. И остро стало жаль. Не того, что уже сорок, а того, что впереди совсем мало. Ну, двадцать, в самом лучшем случае...

– Что с тобой? Где оптимизм?

– Теперь там здравомыслие...

– Всё это чушь. Во-первых – никто не знает своего срока. Во-вторых – позади сорок? Сколько тебе впереди не покажется мало? Еще сорок? Значит, будет сорок! Живи и наслаждайся еще сорока годами. Или пятидесятью. Какое число больше нравится? То и будет.

– Ну, спасибо, Ром! – смех полетел с севера на юг континента. – Щедрой рукой насыпашь! Смешно, конечно, но мне стало легче... Только вот... Обещаешь?

– Обещаю... – мерный шум приглушил голос. – А у нас дождь. Пока добегу до машины, промокну. Боже, как я скучаю по тебе!

– Так же, как я, поверь.

Она поймала себя на том, что дышит очень глубоко и с каким-то слишком явным удовольствием. Замечая работу легких лишь задыхаясь от усталости или простуды, сейчас Тая неосознанно настолько прониклась звуковыми эффектами южного вечера, что казалось, свежий от близости океана и ливневых потоков воздух подпитывает её из телефонной трубки. Сила иллюзии. Не кислородная подушка, в самом деле. Просто – голос того, кто необходим как дыхание, просто – музыка дождя и говорящие шорохи листвы. Только звуки. Только ли?

– Чуть не забыл главное – к февралю приеду, до встречи!

Бережно положив трубку телефона, Тая постепенно, как с глубины, возвращалась в реальность. Какая маска Кабуки...? Нежность разгладила трагический излом бровей и растаяла легким румянцем.

За окном в свете фонарей проблескивали последние слюдяные конфетти снежинок. Вот и закончилась метель...

Ночь согрелась теплой мозаикой окон, осветилась сиянием свеженаметённого снега.

Синие тени на сияющем синем. Оранжевые на персиковом – вокруг фонарей. Для ночи – удивительная по яркости палитра.

Зима... Какое «вкусное» слово, с волшебным запахом хвои, мандаринов и тающими на губах снежинками.

Огромный лохматый пес у дома напротив с упоением исследовал сугробы. Хозяин покуривал у подъезда. Алый просверк его сигареты лениво чертил фрагменты пентаграмм.

Дома же было уютно, спокойно, тепло и так наполнено чувством, что звонок от подруги на мобильный показался бесцеремонным вторжением и остался без ответа.

Если впереди и вправду еще сорок? Хочешь насмешить Бога – расскажи о своих планах.

– А я не буду рассказывать, – улыбнулась Тая.

Азарт и жажда жизни горели в ней рождественскими звездами. А не начать ли учить, например, итальянский? Надо подумать. Новый язык, как новый мир. Слова и целые фразы на чужом языке поначалу воспринимаются как музыка, как звуки природы – чистые звуки жизни. Сначала – только экзотика, позже – понимание.

Пожалуй, поступим небанально. Арабский. Кстати для нее, совсем потерявшей голову, и бонус: вчера в газете было объявление с приглашением на курсы обучения танцу живота. Ты всё же сошла с ума, Тая! Да-а, похоже, две доли любопытства даже на одну долю надежды – рецепт настоящей гремучей смеси...

– Господи, а жить-то как хорошо! – потянулась вверх гибкими стеблями рук будущая «звезда» восточной хореографии (всего час назад – погибавшая от глубокой депрессии «старая кляча»), и засмеялась, с удовольствием предвкушая реакцию Ромки. Ромашки.

Женщины – те же дети, – вспомнились Тае слова известного писателя, – им тоже кажется, что пейзаж впереди красивее того, что остался за ними. «В сорок лет жизнь только начинается»... В пятьдесят начинается. И в семьдесят! И вообще, если женщине не кажется, что ее жизнь только начинается, – значит, это мужчина.

Наверное, всё так. Но разве не это – волшебный ключ к коду самой жизни?

Полярная ночь.

Недолгая тёмная пора.

Хорошее время для планов.

А метель белой верблюдицей уходила по синим барханам заснеженной тундры, оставляя за собой черный космос арктической ночи с верстовыми столбами света от городских прожекторов.

Илья Зверев

Окончил Дудинскую гимназию в 2006 году. Увлекается литературным творчеством. В настоящее время – студент факультета журналистики Владимирского государственного университета. Его рассказы печатались в газете «Таймыр». В альманахе публикуется впервые.

Игрушка рассказ

Part 1

Марина никогда не была вундеркиндом. Все, как у всех. Но уже где-то к 7 классу она стала заметно опережать в развитии своих сверстников. Если говорить научным языком – стала акселераткой. Когда ее подружки еще играли в куклы и фанатично расклеивали по всему дому постеры сопливых поп-звезд, она уже задумывалась над смыслом жизни и грустила под трэш-металл.

«Зачем я живу? Что меня ждет? Кому я нужна?..» – пытался заранее определить для себя юный «гений философской мысли». Несмотря на столь быстрое для своего возраста осмысление многих вещей, Марина по-прежнему не выделялась какими-либо проявлениями талантливой личности: крестиком вышивать не умела, модные прически не делала, написанную в 9 классе по просьбе учителя стенгазету на следующий же день изрисовали пошлыми карикатурами старшеклассники.

Марина очень хорошо ориентировалась в кризисных ситуациях и из любого события пыталась извлечь для себя возможную пользу в будущем. Вобщем, соображалка у нее работала на полную.

Однажды, в один прекрасный день, в ее класс пришел новенький. Он был из тех, чей взгляд за раз укладывал штабелями всех девушек в радиусе пятидесяти метров, а все его слова, сказанные в адрес какой-либо особы

женского пола, автоматически становились классикой жанра «Обольсти и соврати». Такой весь из себя, Брэд Питт деревенского разлива.

Естественно, все девчонки моментально стекли под парты и навострили свои неопытные охотничьи ушки, дабы отхватить побольше кусок в борьбе за новоиспеченную звезду. Одна только Марина сохраняла свое природное хладнокровие. И не стала, как многие девчонки, пожирать глазами Брэда в надежде, что «он обязательно сядет со мной». Наоборот, даже к окну отвернулась. А когда он, конечно же, выбрал ее парту, злобно пробурчала:

– Здесь занято.

– Неужели? Разве тут кто-то сидит? – растерянно спросил новенький, прикинувшись дурачком с плохим слухом. Скорее всего, ему было просто непривычно такое неуважительное отношение к своей персоне.

– Да! – выдала Марина и посмотрела на него, как на несчастную, отбившуюся от стада овечку, которая попала в лес, набитый под завязку разъяренными волками.

Поддействовало это на бедного парнишу как нельзя лучше для Марины. Да и как же могло быть иначе? Ведь она времени даром не теряла – целый год этот взгляд перед зеркалом репетировала, полагая, что в жизни обязательно пригодится. Ошарашенный Брэд даже оглянулся удостовериться: с ним ли это вообще разговаривают?

Все вы конечно уже догадываетесь, что на этом месте никто не сидел. Просто Марина следовала своей активизировавшейся женской интуиции и правилу, вычитанному из подросткового журнала, типа «если парень тебе нравится и на всех окружающих он произвел

такое же впечатление, то ни в коем случае не подавай виду».

Part 2

«Главное – все красиво обставить. Чтобы на всю жизнь запомнилось. А то парни со своей примитивной, на уровне банальных стереотипов фантазией постоянно все портят. Так что уж лучше я сама обо всем позабочусь...» – с видом настоящего режиссера размышляла про себя Марина. Она была увлечена мыслями об окончательном сближении с Брэдом, рассчитанное на ночь после выпускного.

За прошедшие полгода Марина и Брэд сильно сдружились. Он был силен в математике, а она больше склонялась к гуманитарным наукам. Так что из них получилась вполне симпатичная парочка. Но, несмотря на все, Марина по-прежнему сохраняла дистанцию и всем видом демонстрировала полное равнодушие к новичку. Помимо общих школьных интересов и совместного времяпровождения за одной партой у друзей были и другие увлечения. Например, Марине очень нравилось ощущать на своей спине завистливые взгляды одноклассниц, когда она и Брэд вместе выходили из школы, а затем шли в парк кататься на Чертовом...то есть, на Колесе обозрения. «И так будет всегда! – восклицала про себя наша акселератка. – Вместе закончим школу, поступим в институт, а потом, наконец, я выйду за него замуж и всю оставшуюся жизнь буду ловить на себе такие взгляды!»

Но сатана не дремлет. Вскоре оказалось, что у нашей голливудской звезды есть другая девушка. А Марина о ней не знает только потому, что та живет в том городе, откуда Брэд приехал. Все это время она спокойно ждала его. Он не раз ездил навещать ее, а однажды, в один прекрасный день, она сама решила приехать. Тут то все и открылось.

Part 3

«Так, короче, я буду в красном нижнем белье...» – продолжала фантазировать Марина, но внезапно в квартире раздался звонок. Брэд резко встал из-за стола и пошел было откры-

вать дверь, но Марина остановила его: «Не отвлекайся, я сама открою». Хозяин послушно сел обратно и снова погрузился в решение сложной алгебраической задачи. На пороге стояла незнакомая симпатичная девушка с баулом в руках.

– Марина? – восторженно глядя на нее, выпалила девушка.

«Небось, родственница какая-нибудь, поэтому и знает меня» – подумала про себя Марина и угукнула в ответ.

– Я так и знала. Тогда огромное тебе человеческое спасибо за все, что ты для нас сделала. Особенно за стойкость и выдержку – мое солнышко порой бывает таким невыносимым!

Затем неожиданный поцелуй в щечку и горячие объятия повергли Марину в окончательный шок.

– Вам кого?! – хриплым от недостатка воздуха голосом пыталась докопаться до истины бедная акселератка.

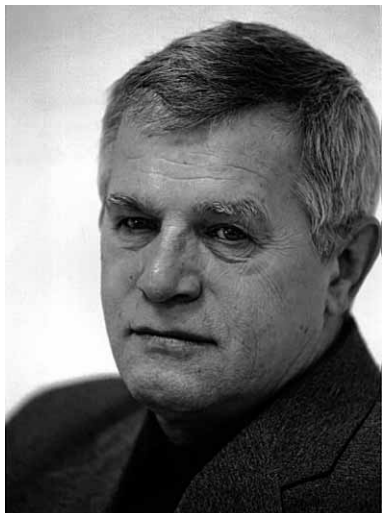
– Ты даже не представляешь, насколько ты редкий человек! – не переставая тискать Марину, распиналась девушка.

Погрузившись в неизбежность насилия, Марина от нечего делать начала вслушиваться в слова незнакомки, пытаясь понять, за что ее так благодарят. Выстраивая логические цепочки из непрерывного потока восклицаний, она поняла, что ее, будучи непреклонной в своих моральных принципах, благодарят за сохранение от соблазнов чьего-то парня.

«Кого же это я сохранила? – удивилась про себя Марина, и тут ее осенило – Это же Брэда!»

– Поначалу я сильно ревновала, но затем он мне объяснил, что ты к нему совершенно холодна. Так что твоя работа закончена! Мой милый сдаст выпускные экзамены и поедет поступать обратно в наш город. То есть, ко мне!..

«Да, с красным я явно переборщила. Красивого романа не получится... Но ничего, у меня еще все впереди – как истинная акселератка, философски рассуждала про себя Марина – Кажется, у Amatorу вышел новый альбом. Нужно заценить»...

Виктор Калинин

Родился в 1948 году. По профессии – инженер-энергетик. Живет и работает в Дудинке. Пишет стихи, рассказы, сказки. Печатался на страницах окружной газеты «Таймыр», в коллективных сборниках, в альманахе «Полярное сияние». Автор нескольких поэтических сборников.

Иуда военная быль

Иногда, от рассказанного людьми старшего поколения, которые прошли и испытали все ужасы той, уже далёкой по времени войны, становится страшно. Страшно за нас, людей, за наши проступки, и невольно задаешься вопросом: «А каким был бы ты сам в той или иной ситуации?»

Конечно, это не рассказ и не повесть, а просто немного литературно оформленное мною воспоминание человека о той его жизни в суровые годы войны. Да и то, это воспоминание было им вырвано кусками из его души, со слезами на глазах из-за терзающей её боли и обиды. Вот только на кого – он не сказал, как не рассказал ещё многое другое о своей жизни. И эта черта характера – умалчивание – была присуща всему уже почти ушедшему поколению, о подвиге которого мы не должны забывать.

Начало августа 1941 года. Призывной пункт города Курска, где несколько сотен, а может, и тысяча молодых парней и мужчин среднего возраста были кое-как построены на площади повзводно. Правда, не во всех шеренгах по ранжиру. Некоторые ещё переходили из одного взвода в другой, видимо, стараясь быть поближе к своим знакомым и близким. И пока ещё сержанты и офицеры запаса не производили переключку личного состава своих взводов. А вокруг площади ещё больше толпилось людей, пришедших проводить родных и знакомых.

И в этой толпе провожающих слышны песни, причитания матерей и жён, напутственные

слова стоящих рядом с новобранцами близких им людей.

Но вот появился командир батальона. Издалека невозможно было разобрать, сколько ромбов в его петлицах. Но после его команды площадь замерла в гнетущей тишине.

А последующие команды и переключка, пусть и не полностью, сохранили её, видимо, заставляя близко стоящих прислушиваться к тому, куда и с кем попал их родной человек. Вот обоянских эта переключка не касалась, они уже взводом попали сюда, проделав путь почти в сто километров за два дня, даже успев получить форму раньше других. Зато о получении оружия, как им, так и другим, не было сказано ни слова. Но, как говорили в шутку ранее служившие, и малая сапёрная лопатка, которая висела у каждого на боку, в руках солдата тоже оружие, пусть и холодное.

После напутственных речей военкома и других представителей власти, к которым и не особенно-то прислушивались собравшиеся, раздались команды: «Смирно! Направо! Шагом марш!», что и было финалом этого построения.

И наступил миг прощания. Он всегда, даже в мирное время, бывает одинаков: со слезами, причитаниями, криками и долгими проводами.

Вначале эшелоном, затем марш-бросок в зону боевых действий – таков путь вновь сформированного батальона. Так и не пройдя курса молодого бойца и не получив оружия, бойцы батальона были введены в состав дивизии, где потери за время боёв составили почти две трети личного состава. Дивизия должна была не только сдерживать натиск немцев, но и перейти в контрнаступление в течении дня или ближайšie часы.

На вопрос новобранцев о том, когда им выдадут оружие, их командир полка в звании майора сказал, что они должны взять его у врага. Что там полк, целая дивизия на следующий день перестала существовать после попытки наступления.

А из обоянских ни Фёдор, ни ещё один парнишка из соседней деревни так и не смогли поддержать в своих руках винтовки и хотя бы раз выстрелить в сторону врага. Они были из тех, кто, оставшись в живых, попали в плен.

Не потому, что они трусили, просто оружие негде было взять, а вся орущая масса людей их полка со всё возрастающим криком или воем «А-а-а!» вместо «Ура!» наступала на врага безоружной.

Плен. Пожалуй, ничего страшнее он не испытывал в своей жизни. А попал он в плен в свои ещё неполные восемнадцать лет. Может быть, он что-то слышал о лагерях для политзаключенных в Союзе. Но одно дело слышать о том, как там тяжело людям, и совсем другое – испытать всё самому. Наверное, он не раз подумывал, что смерть в бою была бы избавлением от этих ежедневных пыток: голодом, каторжным трудом и унижением. Плен был страшен ещё и тем, и Фёдор это знал, что за него могли пострадать родные. Правда, семье Федора повезло – на него пришла похоронка. А сам он провёл за колючей проволокой долгие четыре года в аду, по-иному и не назвать это шествие по лагерям смерти. Поначалу в Польше, потом в Германии, а под конец войны во Франции.

Молодость никогда не смирится с ограничением свободы. Два раза он убежал, просто чудом избежал сжигания в крематории. Последний раз его жизнь в лагере сохранилась не чудом, а ценой жизни одного человека. И было это во Франции в 1945 году.

Собственно говоря, это был уже не лагерь смерти, а огороженные колючей проволокой с вышками развалины старого замка, где камерами служили подвальные помещения, разгороженные на небольшие клетки размером три на четыре метра, в которых размещалось по 25 человек. Спать там приходилось на боку и по команде переворачиваться на другой бок, чтобы окончательно не застыть, так как на полу не было ни соломинки. Что удивительно, говорил он, никто там не простывал.

Об изнуряющем труде Фёдор почти не рассказывал. Но эта бесконечная привычка работать осталась у него на всю жизнь. Правда, впоследствии она была ему в радость в его нелёгком крестьянском труде. Конечно, во Франции в лагерях было немного легче, говорил он. Охрана была иная. В основном это были уже пововавшие солдаты, получившие ранения и освобождённые по инвалидности от боевых действий. Но, как и большинство солдат Рейха, они были исполнительны и пунктуальны.

«Когда в нашей камере все заболели дизентерией и не стали выполнять норму, – рассказывал Фёдор, – то было решено нас расстрелять и сжечь в крематории. О чем и поведал нам один из охранников. Раньше бы об этом никто не сказал. Ни я, да и, видимо, другие не знали, кто он был по специальности в мирное время. Может, врач, а может, просто знающий народную медицину человек.

Но пока я жив, буду его вспоминать с благодарностью, как буду проклинать и того «иуду», который выдал его немцам. Что удивительно, этот доктор, мы его так стали называть уже позже, вылечил нас всех простым способом. Он забрал у нас те небольшие пайки эрзац-хлеба и, пережарив их на огне до угольков, заставил нас их съесть. Эту процедуру он повторил дважды, на третий день мы были уже здоровы. И у немцев не было причины нас расстреливать. Но доктора расстреляли. А тот, кто его выдал, тоже остался среди нас, и это было самое страшное. Это чувство, которое возникает у человека, подозревающего в каждом «иуду» из-за одной твари, которую бы разорвал на куски, если бы знал, кто это был...»

О том, как его и других освободили из плена, как он добирался домой, и как отнеслись к нему на Родине, Фёдор тоже рассказывал, но уже без той неприязни в голосе к человеку-предателю. Да и не человек он был, а иуда.

Судьба ещё раз благосклонно отнеслась к Фёдору – он не был репрессирован по возвращении на Родину, как многие другие. Об этом он всегда говорил: «Это мне помогла молитва моей матери, чтобы я вернулся домой!»

Он прожил свою жизнь. Дай Бог прожить её честно и в труде каждому из живущих ныне на земле.

Кирилл Коновалов

Родился в 1977 году в Норильске. Занимается в Центре литературного творчества «Водолей» с 1994 года. Пишет стихи и прозу. Печатался на страницах норильских газет, в альманахе «Аквариум», в сборнике «Да не покинет вас любовь». Автор поэтического сборника «Туман вечности».

Моррэдэ сказка

Далеко-далеко, на самом крайнем Севере, в тундре, там, где лета не бывает вовсе, и поздняя весна превращается в раннюю осень, и зима длится десять месяцев, а солнце зимой и не всходит – там живут белые медведи и олени, нерпы и волки, белые совы и комары. И еще люди. Люди там живут семьями в меховых домах, и называют дома чумами. Они пасут оленей. Те выкапывают из-под снега мох, а когда весь съедают, уходят в другое место. И тогда люди сворачивают чум и едут с ними. И так всю жизнь...

Давным-давно, много веков назад, жил в тундре один человек. Звали его Баррэдэ. Семья у Баррэдэ была такая большая, что размещалась в трех огромных чумах – сам Баррэдэ, его жена, двое старших сыновей с женами и младшенький – Моррэдэ. В тундре дети взрослеют рано, и Моррэдэ умел многое, чего мы с вами не умеем. Он ловил рыбу, читал следы на снегу, самодельным ножиком из обломка кости легко мог снять шкуру с оленя, без промаха бил из лука – словом умел все, что нужно для жизни в тундре. Правда, он не умел читать и писать, но не жалел об этом – он просто не знал что это возможно – взять лист бумаги и прочесть, что там написано; написано кем-то другим, кого ты, возможно, никогда и не встречал. Моррэдэ и бумаги никогда не видел – в тундре ее просто не было. А еще Моррэдэ никогда не умывался, не чистил зубов и не мылся – как и никто из его семьи – слишком холодно в тундре. Настолько холодно, что люди даже спят в шубе, и снимают ее

лишь затем, чтобы выбросить и сразу же надеть новую.

Днем Моррэдэ помогал старшим, лихо правил оленьей упряжкой, ходил на охоту, летом собирал ягоды и грибы, круглый год ходил за дровами, а вечерами, если было не очень холодно, садился возле чума, закуривал маленькую трубочку, и глядел на звезды, и думал о чем-то своем.

Однажды, в начале осени, спустя несколько дней после того, как серый дождь сменился на бесконечный снегопад, Моррэдэ спросил отца:

– Скажи, отец а почему мы живем здесь?

– Ты прав, сынок, завтра мы уйдем на новое пастбище – здесь олени уже весь мох съели.

– Нет, отец. Там тоже будет идти снег, и будет холодно, и будет мох. И мы будем греться у костра. Почему?

– Но ведь греться у костра так приятно...

– Да, огонь согревает... но ведь без него так холодно. Мы ездим всю жизнь, от одного пастбища к другому, и везде нам холодно. Наверное, мы просто заехали не на свою землю...

– Как это – не на свою? – удивился отец. – А на чью же?

– Не знаю. Но ведь мы не можем здесь жить. Мы – другие. Вот олени – могут. И волки могут, и совы. А нам нужны шубы, и костры и чумы. Мы не созданы, для того, чтобы жить здесь.

– А где же мы должны жить? – рассердился отец. Надо сказать, что все отцы на этой холодной земле очень сердиты, и могут даже стукнуть, правда в шубе это не так уж больно. – Так где же мы, по-твоему, должны жить?

– Не знаю. Гденибудь, где тепло, и нет ни снега, ни зимы, ни холодного ветра.

– Такой земли нет!

– Есть!

– Нет!

– Есть! Я найду ее!

– Такой земли нет! Я был там, где встает солнце – там море. Я был и там, где оно садится – там тоже море. А там, где нет солнца, там зима. И не смей спорить со старшими, Моррэдэ! Мал ты еще!

Задумался Моррэдэ. Долго думал – три дня и три ночи. А на четвертый день понял, что тепло не там, где солнце всходит или заходит, а в той стороне, где оно больше всего бывает. Как-то раз, когда снегопад уже закончился, и солнце светило вовсю, он вышел с рассветом из чума, воткнул в снег палку, и до захода смотрел на ее тень. Была осень, и солнце вышло всего-то часа на два, так что никто его не хватился. А Моррэдэ понял, в какой стороне тепло – тень от палки на рассвете легла в одну сторону, днем – в другую, на закате – в третью. И лишь в четвертую сторону она не указывала – значит, солнце там? Он сказал об этом отцу, но тот лишь рассмеялся – мал ты еще Моррэдэ! И тогда ночью Моррэдэ сел в упряжку и поехал, туда, где тепло. «Найду лето и вернусь за отцом!» – думал он.

Он ехал и ехал, и ехал, а лета все не было. И даже наоборот, зима начиналась. Но Моррэдэ был очень упрям, он подгонял оленей и верил, что лето впереди. Когда его догнала зима, и жгла холодом, он плакал, и слезы замерзали на его щеках, но он ехал. И на пути его все чаще попадались деревья, и Моррэдэ радовался – лето впереди. Но деревьев становилось все больше, и обходить их было все труднее. И Моррэдэ все больше времени проводил, лавируя между ними, пока, наконец, не оказался на реке. Она замерзла, и, что самое важное, она текла в нужном ему направлении. И Моррэдэ отправился в путь по льду. Целый день он гнал оленей, и неся в нартах по реке, и только к вечеру направлялся к берегу – там под снегом олени находили себе еду, а Моррэдэ – ветки для костра. Всю ночь он спал у костра и мерз, и просыпался утром и гасил костер, а за день замерзал еще больше. Силы его таяли. Он уже почти не верил в лето, и все чаще думал – а не вернуться ли ему?

И однажды утром сил совсем не осталось. Моррэдэ не погасил костер, а остался лежать, дожидаясь смерти – спокойно, как и подобает сыну тундры. Он знал, что умерев, попадет на

небо, а там солнышко светит всегда-всегда... Долго лежал. Вот уже и костер прогорел и погас. Вот уже ноги перестали чувствовать холод – замерзли совсем, как ледышки. Моррэдэ открыл глаза – в последний раз увидеть мир. И не поверил глазам. Закрыв их снова, опять открыл, и даже потерял их. Но, что бы он ни делал, всякий раз, открыв глаза он видел СОЛНЦЕ. Оно было совсем крохотным, но светило ярко, совсем не грело, но радовало. И Моррэдэ закричал. Кричал он долго и неистово. И он встал, и отряхнул с себя снег, и запряг оленей и помчался дальше. И с того дня солнце светило ему в глаза, и по щекам текли слезы, но не замерзали больше, ибо это были слезы радости. И зима постепенно отступала, становилось все теплее, и Моррэдэ шептал: «Еще немного и будет весна».

Дни шли за днями, и олени постепенно выбивались из сил, и становилось все теплее, и солнце становилось все больше. Но река все так же была скована льдом, и снег блестел на солнце, и Моррэдэ двигался дальше. Река становилась все уже и уже, пока не превратилась в ручей. И однажды упряжка провалилась под лед. И хоть ручей был неглубоким – всего-то по пояс, но нарты в нем утонули. Моррэдэ зарезал самого слабого оленя и погрузил мясо на самого сильного. Сам он сел на него верхом и продолжил путь. Он оказался недолгим. Дней через десять мальчик оказался в горах. Простившись с последним оленем, мальчик пошел дальше пешком, и блуждал в горах много недель. Он наверняка замерз бы там, если бы не весна. Весна пришла в мир, и даже там, где остался Баррэдэ, понемногу стал таять снег. А Моррэдэ все шел. И однажды он преодолел горы и спустился с противоположной стороны. Одежда его изорвалась, сам он очень исхудал и еле двигался от изнеможения. Он шел и не мог понять – что с ним. Ему казалось, что он заболел. Такого он никогда не испытывал. По лицу и по всему телу текли капли – горячие и соленые. На самом деле, ему было просто жарко. Вдруг он увидел речку, поющую, живую, не замерзшую речку. Он наклонился, выпил воды – она была теплая. И Моррэдэ засмеялся. «Здесь моя земля!» – закричал он. И он разделся весь, впервые в жизни, но ему не стало холодно. И впервые босой ногой ступил в траву, и это ему чрезвычайно понравилось. А еще он ступил ногой в теплую воду, и ему это тоже очень понравилось. И, взвизгнув, он

бросился в реку, и долго бродил по шею в воде, привыкая к новым ощущениям. Плавать он не умел, зато впервые в жизни вымылся. А когда он вылез, то растянулся на траве и так замер. Он был счастлив. Солнце припекало лучше всякого костра, и было просто хорошо.

Отдохнув и обсохнув, он поднялся и пошел гулять по своему раю. Вскоре он впервые увидел людей, которые не были его семьей. Они были одеты в яркие ткани и пели прекрасные песни. Увидев Моррэдэ, они заговорили с ним

– он не понял ни слова. Тогда они одели его в такие же яркие и легкие одежды и знаками предложили ему идти за ними. Моррэдэ пошел... «Жаль, отец остался там, в холоде» – лениво подумал Моррэдэ. И он представил себе отца, и мать, и братьев, мерзнущих в стывом чуме, и пожалел их.

Баррэдэ же в эту минуту сидел возле чума с трубкой в руке и думал: «Сгинул наш Моррэдэ! Наверное, он сейчас в раю!»

«Наверное, я в раю» – думал Моррэдэ.

Николай Надеждин

Родился в 1978 году в Норильске. Работает воспитателем в Норильском детском доме. Стихи пишет с 15 лет. Занимается в Центре литературного творчества «Водолей». Печатался на страницах норильских газет, в альманахе «Аквариум». В альманахе «Полярное сияние» публикуется впервые.

Что было бы, если...

рассказ

Вы когда-нибудь задавались вопросом, а что было бы, если... Если бы можно было изменить один день в своей жизни, поступить не так, как поступил, пойти не туда, куда пошел, сказать не то, что сказал. Тогда все было бы по-другому. И если вы хотя бы раз так думали, значит, и ответов на этот вопрос у вас было великое множество, и лишь один из них был тот самый, правильный, тот который уже вами выбран.

Это случилось со мной, наверное, уже давно, хотя для каждого «давно» и «недавно» – очень индивидуальные понятия. Я вместе со своими родителями переехал на новую квартиру, что само собой вырвало меня, обыкновенного подростка, из привычной среды обитания. Я по-прежнему посещал свою школу, дружил с прежними друзьями, только город вокруг меня немного изменился, и ходить на встречи к друзьям приходилось немного дальше.

Встречались мы с друзьями по выходным, если не считать времени, проведенного в школе, ведь все мы были одноклассники. Что собой представляли наши встречи? Да ничего. Мы собирались в подъезде, где жили два брата-двойняшки из нашего класса, и просто ничего не делали, болтали, шутили, иногда затевали игры на улице, около подъезда, если позволяла погода, все остальное время мы просто ничего не делали. То есть увлечения у каждого из нас, конечно, были, но наши встречи были именно такие.

Стоит заметить, что в то время в нашем городе такое подъездное времяпрепровождение

среди молодежи было очень популярно и называлось это – Тусовка! При каждой школе была своя тусовка, а то и две, и назывались они обычно по номерам домов, в подъездах которых тусовались, например: «десятка», «пятнашка», и т. д. Особо стоит вспомнить «шесть-ноль», одну из самых могучих и многочисленных в то время тусовок. Она получила свое название так же по месту, где собирались подростки, на первом этаже, тогда уже не популярного (т. к. кино в России умирало) кинотеатра «60 лет Октября».

Вот так зайдешь в подъезд, а там сидит возле батареи человек десять подростков, тусуются.

Тусовки часто враждовали между собой, ходили драться друг с другом, заступались за своих членов, отстаивали честь школы. По улице тоже ходили группами-тусовками, часто, встретив такую группу, можно было услышать вопрос: «Из какой тусовки?». И если называл какую-то большую и известную группу, да еще пару громких имен, то тебя оставляли в покое, но если же ты не принадлежал к числу какой-либо компании, значит ты был слаб, тебя просто обыскивали и забирали все ценное или били, если не успевал убежать. Вот такая это была сильная вещь – ТУСОВКА.

Но вернемся к моему повествованию. Тогда был обычный весенний день, но весна эта была северная, светило солнышко, снег блестел каждым своим кристаллом, было тепло; и по главной улице нашего города гуляли довольные выдавшимся теплым деньком горожане. Людей было на редкость много, и среди всех них легко шел я. У меня было все хорошо, хорошее настроение, я освободился от домашних поручений и теперь мог идти на все четы-

ре стороны. Как всегда, я направлялся к своим друзьям. Идти было недалеко, пересечь пару дворов, один перекресток, срезать угол, пройдя мимо «драмака» – драматического театра (также излюбленного места обитания молодежи, правда, в летний период), и я на месте. Эта весенняя погода меня тоже как-то радовала, я шел, не торопился, пытаюсь наслаждаться каждым вздохом, смотрел по сторонам, бегло окидывал взглядом прохожих и лениво переставлял ноги. И когда я пересек единственный перекресток на своем пути, появились они. Каждая фигура выплыла самостоятельно, но по мере их появления все они, как пазл, сложились в одно целое, и уже сейчас, вспоминая тот миг, я думаю, что они всегда были там и ждали именно меня.

Я сблизился с ними очень быстро, и сразу заподозрил неладное. Их было четверо, самые обыкновенные пацаны, каких много. Один из них, явно лидер – был старше, двое – приблизительно моего возраста, и один был помладше всех. Меня сразу обступили со всех сторон, как бы взяв в клещи, мне сразу стало все ясно, и я ощутил дикую, унижительную беспомощность перед ними. Раньше оказываться в подобных ситуациях мне не приходилось, и я испугался. Как же так, ведь это нечестно, вот он я, один, и вот они, четверо, окружили и уже ощущают свою власть. В тот момент, конечно, можно было убежать, остановить прохожего, привлечь к себе внимание, но я этого не сделал, я растерялся – настолько все происходящее было неожиданно, что я остолбенел и покорно стоял. Разговор начал тот, что был выше и коренастей всех, почему-то его лицо показалось мне знакомым.

– Ты один? – спросил он. На что я утвердительно кивнул, остальные трое ехидно улыбались и по-прежнему выполняли функции конвоиров.

– Пошли! – продолжил организатор задержания, заметно взбодренный моей покорностью. И меня повели через арку дома во двор. Двор был проходной, в нем также было много людей и меня, не долго думая, завели в подъезд.

В подъезде никого не оказалось. Квартиры на первом этаже не располагались, так как первый этаж дома занимал гастроном, и меня подтолкнули подняться выше, на площадку между первым и вторым этажами, где расположены почтовые ящики.

Трудно описать, что я чувствовал в тот момент, прошло довольно много времени, мне было страшно и обидно. Обидно за то, что я в этой ситуации совершенно беспомощен и ничего не могу сделать, это было так унижительно. Все мы были в то время увлечены фильмами о Сталлоне, Брюсе Ли и Арнольде, восхищались тем, как они бесстрашно справлялись со своими врагами на экранах телевизоров, все хотели быть похожими на них, старались им подражать, стены комнат были увешаны плакатами с их изображением. Но это в кино, а я стоял один в подъезде, в окружении четырех агрессивно настроенных пацанов, и ничего не мог сделать. Все происходящее в тот момент породило во мне самое ужасное чувство – чувство страха.

Никто, наверное, на все сто процентов не скажет, как поведет себя в той или иной ситуации. Я тоже не знал, что мне делать.

– Отпустите меня, у меня ничего нет, – взмолился я и, видимо, это получилось настолько жалобно, что вызвало откровенное веселье у моих задержателей.

Меня прижали к батарее. Тот, что постарше, стоял слева от меня, остальные на площадке прямо передо мной. У маленького в руках была какая-то пластиковая трубочка, наподобие тех, через которые пьют сок, он поджигал обратный ее конец и имитировал курение. С трубочки капали таявшие от огня капли пластмассы, он уворачивался от них, чтобы они не попали на него, и очень забавлялся этим занятием, казалось, все происходящее его совсем не интересовало. Остальные же были заняты именно мной, было видно, что на охоте они уже давно, и я не первая жертва.

– Деньги есть? – спросил один из стоящих передо мной.

– Нет, – ответил я.

Тогда он потянулся к моим карманам, я машинально одернул его руку, это взбесило его, он толкнул меня в грудь, остальные тоже подались вперед. Меня начали обыскивать, унижительно, карман за карманом, проверили даже варежки. Ничего ценного у меня, конечно, не обнаружилось, но кое-чем они все-таки поживились. Самое ценное, что у меня нашли, была цепочка с карабином, ее юные грабители и забрали.

Во время всей этой процедуры я молчал, руки начали дрожать, неопишуемая обида подкатила к горлу, все перед глазами поплыло, и

слезы упали на пуховик. Увидев, что я заплакал, грабители, видимо, совсем почувствовали себя хозяевами ситуации, ведь подонки всегда рады, когда им удастся сломать и унижить другого человека. Поняв, что взять с меня больше нечего и наслаждаясь моими унижениями, они отошли от меня, и тот здоровяк, что стоял слева, с размаху, локтем, ударил меня по лицу. Я закричал больше от отчаяния, чем от боли, так как удар получился неточным. Грабители исчезли, испугавшись, что на шум может кто-нибудь выйти в подъезд.

Я остался один, вытер слезы, и привел себя в порядок. Мне было ужасно стыдно перед собой за свою беспомощность и проявленную слабость. Выйдя из подъезда, я оглянулся, вздохнул поглубже и направился туда, куда и шел.

Подходя к дому, где мы собирались с друзьями, я увидел на крыльце подъезда две фигуры. Подойдя ближе, я смог разглядеть то, что одним из них был мой одноклассник, а вторым совершенно неожиданно оказался

один из моих задержателей, тот самый, который меня обыскивал. Внутри у меня все замерло. Увидев меня, оба заулыбались. Они смотрели в мою сторону и смеялись. Явно надо мной. Новой волной накатила обида. Было ясно, что один хвастал другому своими похождениями. Я опустил глаза и прошел мимо.

После этого случая что-то во мне изменилось, тот страх и унижение, которые я испытал в тот день надолго поселились во мне, подорвав уверенность в себе. Не один раз мне приходилось доказывать себе, что я не трус, что я не такой, что унижаться ни перед кем не буду. Для этого мне приходилось даже провоцировать себя на различные дерзкие поступки. И сейчас, оглядываясь назад, я знаю, какой день своей жизни я бы изменил. Именно тот, о котором я рассказал, день, который сломал меня, день, когда я повел себя неправильно, не попытавшись постоять за себя.

А еще очень интересно – кем стали те ребята, какими людьми они выросли?

Колыбельная

Свет погас в твоём окошке,
Спать ложишься – баю-бай.
Закрывай глаза ладошкой
И скорее засыпай.

Будут рядом мама с папой
Охранять твой крепкий сон.
Волк не тронет серой лапой,
Не укусит за бок он.

Будут темной ночью сниться
Только радужные сны.
Прилетит к тебе Жар-птица
Небывалой красоты.

У нее в хвосте есть перья,
Перья светятся в ночи.
Загадай свое желанье
И за хвост скорей тяни.

Если же тебе удастся
Овладеть ее пером,
Значит, будешь ты кататься
На мечте своей верхом.

И никто уже не сможет
У тебя перо отнять.
А оно тебе поможет
В сказку чаще попадать.

Закрывай глаза ладошкой,
Спи, любимая, усни.
Этих чудо-птиц – немножко,
Надо их еще найти.

Свет погас в твоём окошке,
Спать ложишься – баю-бай.
Сны несущ тебе в лукошке,
Поскорее засыпай.

Анна Сактобергенова

Родилась в поселке Потапово Дудинского района. Окончила Ленинградский государственный пединститут имени Герцена, в аспирантуре получила специальность лингвиста – исследователя. Работала в комсомоле, в школе, занималась исследованием самодийских языков. В настоящее время работает в Администрации сельского поселения Караул. В альманахе публикуется впервые.

Бабушкины пирожки рассказ-воспоминание

Меня назвали в честь бабушки, маминой матери – Анны Петровны Пальчиной (до замужества – Болина), и все родные звали меня ласково Аннушкой. Став старше, я узнала, что есть у меня и тезка – Анна Ивановна Дюкарева (Пальчина), наша родственница. В шутку родственники и близкие называли нас «маленькая Анна Ивановна» и «большая Анна Ивановна», а если случалось, что мы находились рядом, и кого-то звали по имени, мы обязательно откликались обе, а потом дружно выясняли, к кому же именно обращался собеседник.

В детстве как только меня ни называли: и Анькой, и Нюркой, и Анкой (еще и добавляли слово «пулеметчица»), а младший братишка вообще сократил мое имя, и некоторое время я ходила с прозвищем «АН-2».

Семья наша когда-то была многодетной. У моей мамы, Марии Николаевны нас было шестеро – четыре дочери и два сына (ныне троих уже нет в живых). Отец, Иван Андреевич Болин, умер рано, когда нашей младшей сестренке было всего три года. Мне тогда исполнилось восемь лет. В памяти об отце остались лишь отрывки воспоминаний, да рассказы взрослых о нём. Долгое время хранился у нас в семье отцовский портрет, нарисованный карандашом его другом, художником-любителем. Он был аккуратно натянут на деревянный подрамник. В связи с частыми переездами из посёлка в посёлок (Малая Хета, Носок, Усть-Порт, Хатанга) этот портрет затерялся. Сейчас в память об отце у меня остались лишь несколько фотографий, да записная книжка, в которой он сделал запись о работе с

Натальей Митрофановной Терещенко (известным ученым-лингвистом по самодийским языкам), наброски выступления на партийном собрании, фамилии передовиков и примеры нерадивого отношения к работе.

Мама большую часть своей жизни была домохозяйкой. Хлопот в большой семье ей хватало, но у каждого из нас, детей, в семье были свои обязанности. Старшие сёстры готовили, стирали, братья заготавливали на зиму дрова и уголь, топили печку, таскали воду, мне доставалось мытьё полов и посуды.

В детстве я любила читать книги. Читала много, запоем, всё подряд, но самым моим любимым занятием было прослушивание радиопередач (новости, радиопостановки, интервью с известными людьми). В то время уже у многих моих сверстников в домах были телевизоры, у нас же телевизор появился гораздо позже, в конце семидесятых годов. И именно с радиопередачами у меня связан один забавный эпизод из далёкого детства.

Сохранилось письмо, которое я написала старшей сестре в Красноярск. В нём я подробно описала весь свой день – какие новости я услышала по радио, написала о своих переживаниях за израильтян, на которых кто-то совершил вооруженное нападение. Написала о том, что сегодня не состоялся любимый концерт по заявкам, о том, какой радиоспектакль я слушала, и кто там играл. Таких писем было много, пару писем сестра сохранила и, однажды, когда я была уже студенткой, показала их мне. Перечитывая их, мы с ней смеялись до слёз.

Возможно, поэтому я тоже храню детские письма и открытки моих племянников и своего старшего сына, чтобы потом, когда они

станут взрослыми, они могли вспомнить своё детство.

Сколько себя помню, мы никогда летом не выезжали на «материк». Во время летних каникул наша семья ездила к дедушке и бабушке, которые жили на Прилуках, семейно-родовом месте Пальчиных и Болиных, находящемся на левом берегу Енисея, недалеко от поселка Потапово Дудинского района. Мама, побыв немного с родителями и с нами, уезжала на «Омике» в Носок, где мы в то время жили, чтобы подзаработать в наше отсутствие и заготовить что-нибудь на зиму.

Отдых в Прилуках у бабушки и дедушки был самым интересным. Мы всё лето жили почти самостоятельно, в отдельном чуме, который старики устанавливали на лето специально для детей. Весь день мы были заняты: заготавливали дрова с дедушкой, носили воду из озера, ходили на рыбалку с взрослыми, а чаще всего с двоюродным братом Геной и дядькой Виталиком. Они были нашими ровесниками, но мы всегда прислушивались к их мнению. Когда возвращались с рыбалки, любили зайти на чай к другим родственникам, чьи чумы стояли ближе к берегу.

Каждый день бабушка, как главнокомандующий, распределяла обязанности среди «своего войска» – кому стирать, кому воду таскать, кому идти с дедом за дровами, а кому-то и сходить на берег, узнать поселковые новости. Старики вставали рано, пили чай с тёплыми, только что приготовленными лепёшками. А мы не любили и не хотели вставать рано, но подъём был для всех, в том числе и для детей, и нам приходилось подниматься.

Бабушка была строга, немногословна, в чуме у неё всегда было аккуратно и чисто, каждая вещь имела своё место и своё предназначение.

Она была выше среднего роста, худощава, длинные волосы заплетала в косы и прикрывала платком. Как все пожилые люди, бабушка просыпалась очень рано, и весь ее день проходил в заботах и хлопотах. Но если выдавалась свободная минутка, то любила она покурить на свежем воздухе. Выйдя из чума, бабушка набрасывала на плечи мужской пиджак, в карманах которого всегда лежали папиросы и спички, кусочки сахара или лепёшки, которые предназначались её любимым животным – собакам да неповоротливому гусёнку. Этот гусёнок по кличке Чамлик бегал за всеми, постоянно выпрашивал еду, очень больно щипал нас за ноги, но бабушку, свою

кормилицу, он не трогал. Она с ним разговаривала, и нам казалось, что они друг друга прекрасно понимали.

Наша бабушка плохо говорила по-русски, с нами она общалась только на родном, энецком языке. Мы же говорили на русском, по-энецки могли сказать всего несколько фраз или предложений. Забавно было, когда я, не понимая смысла того, что сказала бабушка, делала иногда совсем не то, что нужно, и вот тогда она могла позволить себе прикрикнуть или пожуричь меня за бестолковщину. Нравилось мне, когда бабушка разбирала содержимое нарты, особенно, если это были нарты с продуктами. Тогда я старалась в суматохе, делая вид, что помогаю ей, тайком положить в карманы своих шаровар пряник или конфеты.

Когда попевали ягоды и грибы, перед нами стояла задача собрать, как можно больше морошки и голубики, чтобы увезти с собой в Носок, заготовить на зиму бабушке с дедушкой, а самое главное – вдоволь самим полакомиться ягодой. Бабушка великолепно готовила ягодные и рыбные пирожки – вкусные, сочные. А так как нас было много, то она делала их большими, почти с ладонь, чтобы каждому достался пирожок, которым сразу же можно было насытиться и не просить добавки. Любила она угощать пирожками не только нас, но и других родственников. Обязательно кормила стряпней брата дедушки – Сергея Николаевича Пальчина, который был одинок и жил рядом с нашими стариками. Угощала пирожками она и родственников, живущих на берегу Енисея. Бабушка давала нам поручение отнести их, а мы с удовольствием исполняли её просьбу, так как там снова пили чай с бабушкиными пирожками.

В теплые дни мы купались в озёрах, почти не замечая комаров, так как постоянно разжигали дымокур. Мы брали с собой еду и наслаждались простором и свободой – старики нас не сильно опекали, и мы были предоставлены сами себе. А бабушка всегда заботливо давала нам в дорогу (пусть даже недолгую и не в дальний путь) вкусную лепёшку или пирожок.

Осенью мы возвращались домой, в Носок, загорелые, со своими припасами – морошкой, голубикой и грибами, а самое главное – с желанием снова приехать в Прилуки, пожить самостоятельно жизнью рядом с любимыми дедушкой и бабушкой. И сейчас, уже совсем взрослая, я с грустью вспоминаю то счастливое время, наших мудрых стариков и необыкновенные бабушкины пирожки.

Владимир Солдаков

Родился в 1949 году на Украине. На Таймыр приехал в 1979 году после окончания ленинградского университета. Профессиональный журналист, более 25 лет работает в окружной газете «Таймыр». Публиковался в центральной печати, на страницах краевых и окружных газет, в альманахе «Полярное сияние». Живет в Дудинке.

Жмеринский скрипач рассказ

Зимний день. Пасмурный и холодный. И так зябко на улице, неуютно. Кажется, всей кожей ощущаешь всю промозглость этого южно-украинского города, куда приехал в отпуск из Дудинки с ее бодрящим морозом.

Может быть, и не казалось бы так холодно, если б не эти воробьи, печально рассеявшиеся по голым яблоневым ветвям в саду. Нахохлились, не чирикают даже, какие-то совершенно опущенные. Посмотрел на них – и сразу захотелось вернуться в тепло, накрепко затворить дверь, в которую выглянул, чтобы узнать, как с погодой на дворе.

– Смотайся на базар, – говорит жена. – Там сегодня привоз. Возьмешь сметаны деревенской, по кусочку свинины и сала, пляшку олию (бутылку подсолнечного масла), колечко домашней колбасы. Все покупай только у тетки Оксаны. Олий – тоже. Она недавно на маслобойню ездила. Ты же знаешь, у нее всегда все самое лучшее...

Действительно, знаю. А домашнюю колбасу люблю с детства. Потому что она, щедро сдобренная чесноком и подкопченная до золотистого цвета, всегда обалденно вкусная. Для меня когда-то этот продукт был редким лакомством. Помнится, даже спрашивал маму свою, Юзефу Феликсовну, почему чеснок колбасой пахнет. Она, улыбаясь, на смеси русского, украинского и польского говорила: «То так и есть, сынку, но тилькы навпаки (наоборот). Ешь, не спрашивай та богу барзо дзенькуй!».

Уговаривать, ясное дело, не требовалось. Ел, когда такой случай нечаянно подворачивался,

и, как мать велела, бога благодарил. Даже тогда, когда в пахучей колбасе много сала попадалось. Но его пожелтевшие от копчения кусочки всегда, тайком от мамы, можно было и выковырнуть...

Жмеринка – маленький провинциальный город. Как раз где-то на половине пути между Киевом и Одессой. И говорят, что если б в Жмеринке было море, то об Одессе никто бы и не знал, наверное.

Город не только провинциальный, но и патриархальный к тому же, хотя в этом своем статусе он существует всего-то сотню с небольшим лет, а если точно – с 19 ноября 1903 года. Но названия сел, Большая и Малая Жмеринка, на месте которых и возникла крупная узловая железнодорожная станция, уходят в глубь веков и отмечены в летописях XVI века. А рядом есть более древние поселения, чьи первые письменные упоминания относятся еще к XIII столетию – ко временам татаро-монгольского нашествия! И потому здесь, в райцентре с полусотней тысяч жителей, все дышит стариной, смесью украинской, польской и еврейской культур с их православными церквями, костелом и синагогой.

Центр города – вокзал и его привокзальная площадь, прочно оккупированная таксистами и менялами-валютчиками. На ней не так давно установили памятник Остапу Бендеру, вместе со стульями гамбсовского гарнитура тещи Ипполита Матвеевича Воробьянинова. Вот только турецкого подданного окружают почему-то не двенадцать, как положено было бы быть, а всего лишь шесть или семь стульев. В городе шутят, что это уже жмеринские урки расстарались...

Вокзал до недавнего времени считался одним из самых красивых в бывшем Союзе. Построен в виде корабля, с лепными башенками-шпилями, в стиле позднего ренессанса и модерна. На открытие вокзала, который, по задумке железнодорожного начальства России и строителей, должен был соединять четыре стороны света, приезжал в 1903 году сам Николай Второй. Он восхитился красивейшим архитектурным сооружением, радостно пошутив при этом по адресу его автора – архитектора Зиновия Журавского: «Вот сукин сын! Такому можно доверить и царские конюшни строить...».

Еще однажды, а было это незадолго до революции, в 1915 году, царь останавливался в Жмеринке проездом, по пути в Левадию.

На перроне, наряженные во все белое, выстроились красавицы из земской гимназии. Когда подошел литерный поезд, они, подметая длинными шлейфами шелковых платьев паровозную гарь, осевшую на платформе, с алыми трояндами (розами) в руках шагнули навстречу императору. Пораженный изяществом и красотой юности, самодержец расцвел в улыбке и приказал сыпануть к ногам гимназисток дорогих конфет. Но ни одна из девушек не бросилась поднимать царскую милость...

Позже, в 1918 году, под сводами вокзала, а вернее в его огромном зале ожидания, принимали в партию большевиков героя гражданской войны Григория Котовского. В двадцатых годах через Жмеринку добирался в Гуляй-Поле Нестор Махно со своими бесшабашными и трудно управляемыми монархистами.

Но я, кажется, отвлекся. Надо ведь идти на рынок. По-здешнему – базар, привоз. Сюда по четвергам и воскресеньям съезжаются торговать плодами рук своих жители окрестных сел. И на базаре, имея деньги, легко купить все, в том числе и промышленный товар – от иголки до пулемета «максим» времен гражданской войны.

Здесь не только можно все приобрести, но и про все узнать: про то, какой будет весна, и ожидается ли урожайным грядущее лето. Каким нынче видится прогноз цен на пшеницу и жито, а, следовательно – почем будет к осени хлеб. Про то, кто победит на выборах в мэрию – Жеребнюк или Рябокони, и про истинные причины неучастия Кучмы (тогдашнего президента Украины) в очередном саммите самостоятельных незалежных держав...

Потому и люблю ходить на рынок, где, несмотря на капризы погоды, два раза в неделю собирается масса разношерстного народу. Где все про все и про всех знают и без обиняков могут этой своей информацией широко поделиться. И жмеринский базар в такие дни становится центром общественно-политической жизни не только районного центра Винницкой области, но, наверное, всей Украины, да и, пожалуй, более масштабной территории.

Прежде чем выполнить поручение жены, сворачиваю направо от лотков и прилавок, в сторону Заречья – к высокому каменному забору, в котором отворена нараспашку широкая дверь. Десяток ступенек вниз – и вот тебе стойка бара с пивом на розлив, пяток крепких столиков с заставленными питьем и снедью дубовыми столешницами. Неяркий свет, клубы табачного дыма...

Заказываю кружку пива с таранькой (вяленой рыбой), домашней колбасой, разумеется, а к ней, вдобавок, еще и сто граммов немировской водки. Она здесь совсем дешевая, потому что старинное местечко Немиров, где эту водку производят, совсем рядом со Жмеринкой. Хозяин местного «Гамбринуса» покупает ее прямо на заводе. Так же, между прочим, как и пиво.

А его варят из собственных солода и хмеля, прозрачной родниковой воды в селе Чернятин, известном тем, что тут еще в 60-х годах рос трехсотлетний дуб, под которым, по преданию, сиживал Александр Сергеевич Пушкин. И, как говорят, именно под ним у него созрел замысел написать поэму «Руслан и Людмила». Помните – «У лукоморья дуб зеленый...»?

В 1966 году, когда сборная Луко-Барской средней школы, участвуя в областном первенстве по футболу, встречалась с командой Чернятинского сельскохозяйственного техникума, дуб еще стоял. Из-за этой игры и экскурсии по парку старинного имения, принадлежавшего когда-то польским магнатам Витославским-Львовым, я чуть было не опоздал на свой школьный выпускной вечер. Жаль, спилили пушкинский дуб, спустя три или четыре года...

В полумраке корчмы, а это питейное заведение называется «Козак», – невысокая сцена со стареньким пианино. На нем два подсвечника со свечами, которые не зажжены оттого, видать, что здесь слабо и подслеповато горит

электрический свет. На сцене лысенький еврей возится с потрепанным футляром, а затем бережно извлекает из него скрипку со смычком.

Собравшаяся публика никакого внимания на него не обращает. В «Козаке» стоит тугой многоголосый гул от разговора подвыпивших людей, выясняющих, кто кого и насколько уважает, от звяканья вилок о фарфор тарелок. Словом, в буквальном смысле дым коромыслом.

Но вдруг зазвучала скрипка. Знакомые венгерские мелодии кальмановских оперетт, полонеза Огинского, напевных и зажигательных украинских, польских, еврейских песен. Затем скрипка выдает блатные одесские напевы и мелодии военной поры.

Этим музыкальным поппури разных времен и народов невзрачный с виду, в поношенной одежде и обуви скрипач битый час, пожалуй, развлекает-потчует собравшихся «волею судеб» в корчме людей. И все мы напрочь забываем о том, зачем, собственно, зашли сюда...

Такого мастерского исполнения никогда в жизни слышать не доводилось, хоть и удавалось посещать приличные музыкальные концерты, особенно в ту пору, когда жил в Ленинграде, и друзья, бывало, вытаскивали в филармонию. Но тут совсем иное дело – замечательная классическая и популярная музыка в задрипанной корчме, в исполнении какого-то шаромыги.

А шаромыга, между тем, поклонился всем со сцены, спрятал скрипку со смычком в футляр и, прежде чем надеть на облысевшую голову шляпу, прошелся с ней меж столиков. Сидящие за ними дружно опускали в этот фетровый «кошелек» бумажные деньги и монетки. Я же оказался в неловкой ситуации, потому что в кармане оставался только выданный женой червонец, который, понятное дело, отдать было нельзя, и ничего больше...

– Присаживайтесь, пожалуйста, – сказал я в смущении скрипачу, когда он подошел к моему столику.

– Благодарю вас, молодой человек. Только не могу, право, на привоз тороплюсь...

– Тогда извините, ради бога.

– Ничего, – сказал он понимающе и направился к выходу.

... Минут через двадцать я тоже вышел на улицу. Прошелся по торговым рядам, где продавали всякую всячину, а затем направился к тетке Оксане. По дороге увидел знакомого уже

музыканта со скрипкой в руках, торговавшего у краснощекой молодницы курицу.

– И вы просите за нее десятку? Та где ж это видано, чтобы в моей родной Жмеринке кто-то дал за курицу червонец? Она, видит бог, и пятерки не стоит...

– Та вы шо дядьку, з глузду зыхалы? Кто ж вам виддасть за таку цину?

– Я вас очень прошу, уважаемая пани, скиньте хотя бы рубля три.

– Ни в якому рази. Я ж ее, мою голубку, одним хлебом годувала.

– Ну, тогда рубля два... Побойтесь бога!

– Ой, лишенько мэни, ото прычэпывся! Нэ продаж, – упиралась деревенская пани. – Кращэ назад, до дому видвэзу. Хай соби бигае по сэли.

Я молча наблюдал. А торговались они долго. И женщина упрямо стояла на своем. Уступать не хотела – только червонец ей подавай. Видать, и вправду хлебом кормила курицу-голубку.

Скрипач понял, что ему не удастся сломить торговку. Отошел в сторонку, начал озабоченно считать-пересчитывать мелочь. Денег явно не хватало. И он вдруг сник. Из азартного поначалу покупателя, надеявшегося на успех, превратился в попрошайку. Стал похож на печально нахохлившегося воробья, которого я видел утром на голой яблонево ветке.

На лице проступила обида. И как-то по-детски это у него получилось (не дали конфетку ребенку...). Вот-вот слезы из глаз брызнут.

А курица была такой красивой! Плотной, упитанной. В белых-белых перьях, с малюсеньким, ярко-красным хохолком на куцой головке. Что курица, что хозяйка – не поймешь, кто краше...

Скрипач стоял такой обиженный, такой грустный. В поношенном, старого сукна пальто, в стоптанных ботинках, называемых «прощай, молодость!». Со шляпы-кошелька каплями стекал растаявший снег. Мокрыми были и его «мокасины».

Мне стало жалко старика. Подошел к нему, протянул червонец.

Почему-то так неловко стало вдруг. И за себя, и за эту женщину, крепко державшую в руках курицу со связанными бумажной бечевкой ногами, и, в общем-то, за всю нашу нищую жизнь, когда не имеешь возможности наскрести у себя в кармане даже жалкий червонец...

Когда оглянулся, уходя, увидел, как медленно бредет по мокрому асфальту тощая фигура старика. В одной руке он бережно держал футляр со скрипкой, в другой – цепко, за ноги, курицу.

... У тетки Оксаны взял в долг все, что велела купить жена. Подсолнечное масло было янтарно-прозрачным, поджаренная в копилке колбаса остро пахла чесноком, а хозяйка товара оказалась, что называется, в ударе – веселой и разговорчивой. И я рассказал ей про скрипача, из-за которого остался без денег. Она долго-долго смеялась, а потом сказала.

– Так цэ ж Лейба Коган. Самый богатый в Жмеринке олигарх, як-то кажуть. А на скрипке, хоть ты что, каждый день играет по шалманам. Впрямь болезнь какая-то. Учился когда-то в консерватории во Львове. Большу-ущий талант. И за рубежом выступал со своей скрипкой. В Жмеринке он все частные обувные и часовые мастерские, парикмахерские пид контролэм дэржыть. Детей всех в Израиль отправил. Живет на Заречье. Видал, какие там особняки? Вот в одном из них и бобыльствует, прислугу тримае. Я, часом, ему туда продукты ношу.

– Нич-ч-его себе нищий скрипач! – удивляюсь я вслух.

– Да, да. Вот такой он «жебрак» поневоле, наш Лейба. Хоч хлебом нэ годуй, дай в забегаловке на скрипке попиликовать. То ли придурь, то ли мания какая, – разводит руками тетка Оксана.

– А чего ж он, тетя Оксана, к своим, на историческую родину, не подается?

– Здесь его родина. Он в местечке Браилове родился. Тут, неподалеку. Хоть и еврей, но в роду у него – какие-то польские магнаты. А в

Отечественную мать и отца немцы на выгоне в Малой Жмеринке расстреляли. Лейбу поляки Чернецкие у себя в доме спрятали. Здесь, рядом – на улице Верхнебазарной. Он потом дядю Казимира за отца считал. Помер старик. Сын его, Виктор, остался – лучший портной в городе. Болеет вот только сильно в последнее время...

Сердобольная тетка Оксана вытирает кончиком теплой хустки (платка) повлажневшие вдруг глаза и продолжает:

– Был на кладбище? Видал там, у входа, красивый такой мраморный памятник с фигурками ангелов? Это Лейба маме с папой где-то аж в Италии, что ли, заказал. Привез оттуда и поставил. Здесь, у нас, такого камня, видите ли, не нашлось. И себе место возле них заранее огородил. Так що нэма йому резону батькивщину покидыты, – вздыхает тетка Оксана и как бы подводит черту разговору.

...Я возвращался домой через опустевший уже базар. Погода, наконец, стала налаживаться. Подуло бодрим северком с той стороны, где угадывались Таймыр и Дудинка. Под ногами захрустел раскисший было снег. А, добравшись до дома, не захотел идти в тепло. Присел возле крыльца на скамейку.

На воздухе было хорошо, свежо, из сумки пахло далеким детством – чесноком и подсолнечным маслом. Смотрел на взбодрившихся от легкого мороза, весело чирикающих воробьев. Но эта картина, что была сейчас перед глазами, заслонялась другой. Той, где с футляром и курицей в руках сгорбленная, жалкая до невозможности фигура Лейбы Когана шлепает в рваных башмаках по мокрому асфальту родной ему Жмеринки...

Исторические справки позаимствованы из книги «На перехресті шляхів і доль. Жмеринка і жмеринчани», выпущенной в Киеве в 2002 году – к столетию города.

Ангел мой! художественно- документальная повесть о жизни газетчика

Прикидывая и так, и этак, прихожу к мысли, что встреча наша была не случайна, а предначертана судьбой. Свыше, как говорится, чему с возрастом начинаешь верить все боль-

ше. Потому что случайность – это когда один раз, ну, два от силы. А если они, эти случайности, выстраиваются чередой, то тут уж явно прослеживается закономерность.

... Познакомились мы с ней в Ленинградском университете, чьи аудитории в ту пору размещались на набережной Васильевского острова, в здании Двенадцати коллегий, жарким летом, на вступительных экзаменах. За-

помнился последний, когда, собственно, и состоялось наше знакомство.

Перед дверью в аудиторию, на которой висела табличка с надписью «немецкий», ожидало своего часа худенькое веснушчатое существо с огромными от страха глазами, и в них, казалось, можно было утонуть. Они совсем распахнулись, когда я подошел и спросил:

– А можно мне без очереди?

– Передо мной троих уже «зарубили». Я, наверное, тоже не сдам... – робко произнесла переполоханная девушка.

Мне крупно повезло. Схватил, что называется, удачу за хвост.

В ответ на ее безмолвный вопрос, когда, сдав экзамен, выходил из аудитории, показал пять растопыренных пальцев, и она тут же проскочила в незахлопнувшуюся дверь. На самом же деле мне поставили в экзаменационный лист «тройку»...

Конечно же, было интересно, чем закончится ее встреча с экзаменаторами. Но, когда из той же двери это чудо выскочило улыбающимся, стало все ясно.

Долгих шесть лет мы с ней грызли «гранит науки» на заочном факультете журналистики Ленинградского университета. А на втором или третьем курсе случилось вот что.

Наша комсомольско-молодежная бригада трубоукладчиков повредила телефонный кабель на участке прокладываемого водовода. Где-то между Тарховкой и Сестрорецком. А кабель-то непростой был. По нему переговаривались Леонид Ильич Брежнев с Урхо Кекконеном, руководившим в то время расположенной рядышком соседней Финляндией.

Возникла жуткая катавасия. Буквально через каких-то полчаса на объекте появились чекисты из Сестрорецка, а затем и их ленинградские коллеги. Из гэбэвской машины, чуть ли не на ходу, выскочила... моя однокурсница с фотоаппаратом.

Видели б вы ее лицо, когда девушке представили руководителя одного из лучших в тресте «Спецстрой» Главленинградинжстроя молодежных коллективов!

– Здравствуй, бригадир, – сказала она обалдело. – Вот уж, Володька, не ожидала тебя здесь встретить.

– Да и я, поверь, не горю желанием стать героем скандальных хроник. И как только узнала о случившемся?..

– Сам ты хроник. Забыл, чему нас на факультете учат? Репортер должен быть на месте события еще до его начала. А я, как видишь, малость опоздала...

– И что теперь? Тебе ребята из КГБ все равно ничего напечатать не позволят. А если и так, то я прочесть не смогу. Никуда ж из «застенков» не выпустят, пока не разберутся... Будешь передачи носить?

– Да ничего не будет. Уже разобрались. Считай, повезло вашей бригаде. Кабель этот свое отработал. И давно уже новый действует. С большей степенью защиты или что-то в этом роде. Так что радуйтесь, ударники!

Нет, без разборки, конечно же, не обошлось. Однако мы отделались легким испугом. Через день прочитали в хроникальной колонке областной молодежи четыре коротких строчки про наши «подвиги» под Сестрорецком. Под ней стояла Галкина фамилия.

...Пока она работала в газете, куда ее взяли сразу после окончания средней школы, я строил Байкало-Амурскую магистраль. Встречались во время сессий. Два раза в году.

Зимой, чтобы угостить друзей, я привозил баргузинского омуля, а по весне, обычно в мае, – ветки еще не успевшего распуститься багульника. «Доходил» он уже дома – в трехлитровой банке с водой, после чего распустившиеся веточки доставались однокурсницам и женщинам-преподавателям, которые оттого становились благосклоннее на экзаменах и зачетах.

Один раз решил пропустить очередную сессию, и думал, что не увижусь нынче с однокурсниками. Так оно, впрочем, и получилось. Но только с одной из них встретиться все же пришлось.

Долго рассказывать, но если коротко, то это было так.

Автомобильный мост на подъездной дороге к Бурятскому участку БАМа мы построили зимой и довольно быстро. Из публикации в «Комсомольской правде» о том узнала вся магистраль. И наш ленинградский молодежный отряд «Балтиец» очень гордился этим обстоятельством.

Но по весне с Северо-Муйского хребта в долину Верхней Ангары побежали талые воды, и таежная речка Туколали моментально от них вспухла. Мостик наш рухнул. Его подмыло внешней водой, поток которой инженерная служба рассчитала, видать, без поправки на такое бурное половодье.

Получился скандал. Ну, да ладно. Чего не случается в строительстве... Только вот было очень обидно. Ведь как мы этот мост-игрушку сдавали!

Наш бригадир, Витя Сорокин, перед тем как пустить по нему тяжелый бульдозер «Камацу», забрался под мост. Откуда-то ему было известно, что так поступал, проверяя на прочность железнодорожные сооружения, один из русских инженеров-строителей, пропуская над своей головой состав из нескольких десятков вагонов. Так вот, по-гусарски, демонстрировалась в былые времена уверенность в надежности инженерной мысли и ее исполнения.

Но Аркадий Витвицкий, начальник строительного-монтажного поезда № 358 Нижнеангарсктрансстрой, уже в последнюю минуту вытащил нашего «гусара» из-под моста. Тут же выяснилось, что Сорокин ничем не рисковал – «Камацу» спокойно осуществил инспекторскую проверку, а рамно-лежневые опоры сплошь деревянного сооружения даже не дрогнули.

И вот сейчас детище и гордость отряда «Балтиец» лежит в руинах.

Это жалкое зрелище усугубляет комариная пора. Только-только отцвел в тайге багульник. От гнуса и мошки не спрятаться. По обе стороны моста – вереницы скопившихся автомашин. Водители гоняют чай, жгут костры, спасаясь от комаров, и ждут, когда откроется движение.

Пахнет хвоей и антикомариной мазью «Дэ-та». В небе кружит вертолет, а затем аккуратно присаживается на прибрежную гальку. Из кабины «Ми-8» выскакивает... Галка с фотоаппаратом. Вот те раз!

– Привет, бригадир! – ехидно улыбается она, показывая рукой на то, что еще недавно было мостом. – Твоя, Володька, работа?

– Я не бригадир, Галя, – отвечаю с полным недоумением. – В настоящий момент комиссар отряда...

– Момент, момент... Что за ментовская терминология, комиссар?

– А ты-то откуда здесь?

– Откуда, откуда. От верблюда. Событие у вас на трассе уж очень знаменательное. Не опоздала? Осветить его прислали...

– Кто, откуда? Как ты узнала об этом?

– Событие есть? Есть. А знать раньше всех о нем нас с тобой учили на журфаке. Чего же спрашиваешь? Если серьезно, то нашего ре-

дктора из «Смены» в Москву перевели. Руководит теперь «Комсомольской правдой». По старой дружбе получила от него задание. Просил тебя разыскать. Ты ж обещал ему материалы с БАМа слать. Давай, в «Комсомолку» теперь пиши... – А кто у вас, комсомольцы-добровольцы, самый главный? – неожиданно вдруг спросила Галка.

Показываю на долговязого Сорокина, который, почуввав неладное, уже было собрался намылиться с объекта. Но разве от этой конопатоной убежишь?

Когда минут через двадцать мы прощались, она сказала:

– Здорово у вас тут, Володька. И ребята замечательные! Как я вам завидую... Везучий ты!

Примерно через полтора-два месяца (почта приходила в тайгу с большими опозданиями) мы увидели в «Комсомольской правде», под популярной в то время рубрикой «Фотообвинение», снимок порушенного моста и короткую, в телеграфном стиле, Галкину текстовку. С точным названием географического места и времени «несчастливого случая» на БАМе. Но без имен и фамилий, которые прозвучали бы позором на всю страну...

Но нам и того было достаточно, чтобы казнить себя до последних дней работы на магистрали. А немного погодя, уже в ленинградской «Смене», где работала Галка, появился очерк о Викторе Сорокине. И узнали мы, что Витька наш из древней династии строителей, что его репрессированный отец тоже когда-то лазил под мосты...

Ефим Сорокин погиб. Нет, не под мостом. Его расстреляли на Лубянке. И только в конце пятидесятых реабилитировали, а семье русского инженера на прокорм осиротевших детей государство от щедрот своих отвалило аж 1700 рублей тех денег...

Еще мы узнали из публикации, что наш бригадир не только человек интересной судьбы, но и поэт, оказывается. Одно из стихотворений Галка даже поместила в газете. В нем были такие строчки про затаенную Витькину любовь:

Ну, а вдруг позовешь в печали
В суету ленинградских дней,
Будет речка моя, Туколали,
Долго-долго грустить по мне...

Корреспондент «Смены» общалась с бригадиром всего-то минут двадцать, а узнала о

человеке больше нашего, открыв в нем интересную и яркую личность, о чем мы, впрочем, и сами догадывались. Но, как говорится, большое видится на расстоянии.

Опубликованный в газете очерк стал своеобразной реабилитацией нашего комсомольско-молодежного отряда. А однажды, сопоставив случай под Сестрорецком и этот, бамовский, я вдруг сообразил, что Галка стала для меня как бы ангелом-хранителем. Подтверждением тому был дальнейший ход событий.

... Открываю глаза. Об оконные стекла шоркаются ярко-зеленые листья, подсвеченные лучами расплавленного солнца. За всем этим – небесная синь. На подоконнике – стеклянная банка с расцветшими ветками багульника.

– Очнулся, Володь?

Это Галка в накинутом на плечи белом халате. Слезы на глазах.

– Не опоздала, кажется?

– А где твой фотоаппарат? – спрашиваю ее, сам не зная, почему.

– Очнулся, наконец! – счастливо улыбается конопатое лицо. – Рассказывай, как там туннель?

– Северо-Муйский?

– Да нет же.

– Галка, ты что?

– Я вижу, ты ничего не понимаешь...

– Нет, конечно.

– Тогда слушай, – вводит она в курс дела. – Началась сессия, а тебя все нет. Звоню соседям. Они говорят, ты в больнице. В коме, прямо из дому забрали. Хоть понимаешь, что ты сейчас в реанимации?

– Нет.

– Ну, так знай. Спасли тебя. Будешь жить. А сессию придется пропустить. Багульник распустился. Я в университет увезла немного и сюда взяла чуток.

– А чего ты про туннель спрашивала?

– Так ведь все, кто перенес клиническую смерть, его обычно видят.

– Вон оно что... А ты, как всегда, тут как тут – интервью с вернувшимся с того света...

– Шутишь. Значит, у тебя все нормально, – вздыхает она облегченно, радостно. Но слезы с выгоревших на солнце ресничек – кап-кап, кап-кап...

Так вот вдруг пришла беда – обнаружился сахарный диабет. А Галка сдавала сессию, каждый день приходила в больницу, пока не

приехали в Ленинград со всех городов и весей мои родственники.

... Прошло много-много лет. Приближался праздник Нового года. Конец уходящего выдался ужасно невезучим. Свалились вдруг все напасти и несчастья. В Алыкеле разбился «Ту-154». А буквально на следующий день в «Советском Таймыре» вышел материал внештатного автора из Волочанки, который в этой катастрофе погиб.

Публикацию готовил я. И тут все понятно, если учитывать газетную технологию. Когда материал сдавали в номер, автор еще был жив. Газету печатали, а в это время самолет шел на посадку...

Но представьте реакцию родственников, которые, спустя какое-то время (почта приходит с опозданием), видят в газете материал, подписанный близким им человеком!

Много звонков было в редакцию газеты. Боязно стало подходить к телефону. Разные случаются ошибки, из-за которых приходится страдать, но эту, изводящую морально и физически, перенести было невмочь. А тут очередной звонок. Междугородный.

– Здравствуй, Володька!

– Здравствуй, Галя!

– Я неделю буду у вас на Таймыре. Наградили творческой командировкой в любой конец Союза...

– Во даже как!

– А куда ж лететь, как не к тебе. Хочу махнуть в тундру, к оленеводам. Окружной комитет комсомола поможет?

– Конечно. Прилетай.

Первую ночь Галка ночевала у нас дома, в бараке на Стройплощадке. Комфортно поместить ее в «клоповнике» было негде. Спала с одним из сыновей на раскладушке. Всю ночь рассказывала ему сказки. В благодарность он гостью обмочил. Утром смеялись над случившимся. А к вечеру она улетела в тухардскую тундру.

Вернулась дней через пять. Под вечер пришла ко мне в редакцию. Назавтра ей надо было улетать в Ленинград. И я позвонил жене в школу, где она работала, чтобы приготовила прощальный ужин. Но с ужином случился прокол...

Всей журналистской братией собрались послушать Галкины впечатления о Таймыре, а заодно узнать, чем живут коллеги в столичных городах – в Москве и Питере. Беседа эта затя-

нулась, а продолжили мы ее на квартире у ответственного секретаря. Пели под гитару. Долго. До тех пор, пока таймырская гостя не запомнила слов известной песни о Дудинке, которая ей очень понравилась.

– Мне еще надо забрать вещи у Догадаева, – сказала Галка, когда компания стала расходиться по домам.

– Заберем – и на Стройплощадку. Там ужин уже, наверное, остыл, – согласился я.

Первый секретарь окружного комитета комсомола Владислав Догадаев встретил нас приветливо. Сразу уйти из гостеприимного дома не удалось. А потом было уже поздно. Оказалось вдруг, что до утренней электрички в Алыкель осталось всего ничего...

Еще не совсем рассвело, когда я пришел домой с вокзала. Долго стучался, но никто не открывал. Потом к двери подошел старший из пацанов. Как ни старался, не смог открыть запертую изнутри дверь. Никак не мог совладать с защелкой.

Тогда я велел ему открыть форточку на кухне. Благо, бараки на Стройплощадке заметает по самые окна. Не составило труда проникнуть в квартиру, куда первый раз за всю жизнь меня, по понятной причине, не впустила жена. Были очень молодыми тогда, ревнивыми...

Как-то с семьей ехали через Питер в отпуск на Украину. В очередной раз попытались продать мою комнату в коммуналке. Все равно ведь пустует, и никто в ней не живет. А Галка всегда была против этого, каждый раз отговаривала: «Ты что, с ума сошел – лишиться жилья в Ленинграде!?»

Решили не сообщать ей о своем приезде, а комнату втихаря продать. Начали оформлять сделку. И вдруг она звонит. С чего бы это вдруг, с какой стати? Как узнала, что мы здесь?

Не стала слушать мои невнятные объяснения по телефону, и через час уже звонила в дверь.

– Здравствуйте, ребята! Я, кажется, чуть было не опоздала, – и улыбается довольно...

Короче говоря, доказала нам, что поступаем неправильно, а покупателя прямо-таки проводила за порог.

С недавних пор комнаты в Ленинграде решили приватизировать, что мы и сделали. И теперь кто-то из троих сыновей, если захочет,

сможет в ней жить. Конечно же, благодаря тете Гале.

... На промысловой точке в Дорофеевске метет который день. В дымоходе старого обветшавшего дома натужно завывает ветерюжак. На улицу выходим, если только прищипит.

Правда, ребята из бригады Васютовича время от времени отправляются по очереди на лед, чтобы предупредить случившееся недавно, когда ледокол, пробивая новый канал, наехал прямо на майны. В результате десятки тонн выловленной рыбы смешались и застыли в ледяном крошеве, часть улова ушла под лед.

Дело получило широкую огласку. Первый секретарь окружного комитета партии Валерий Колодько лично контролировал случившееся. И корреспондента окружной газеты, первым сообщившего о том, вместе с комиссией, которой поручили выяснить причину инцидента, послали на место события.

Все подтвердилось. Беда случилась по вине Мурманского морского пароходства. К такому выводу пришла комиссия. На это потребовалось совсем немного времени.

Но вдруг, как писал Александр Пушкин в известной повести, сделалась метель.

Мы ждем погоды. Распорядок дня один и тот же: проснулся–умылся–поел–поспал–пообедал–поспал–поужинал–поспал, а дальше все по-новому. И так несколько дней кряду. Потом перестали понимать – день это или ночь, сон или явь.

Вдруг слышу знакомый голос и произносимые им обрывки фраз: «... уважающей себя репортер должен быть на месте события еще до его начала. И запомните: надо стараться не опаздывать никогда!»...

Это работало Таймырское радио, потому что следом прозвучало сообщение о погоде. При небольшом морозе и ветре больше двадцати метров в секунду в Дудинке объявляли активровку по восьмой класс.

Да, был ветер, и сильно мело в Дорофеевске. Но я теперь был уверен в том, что скоро все стихнет. Пурга уgomонится, и прилетит вертолет. Потому что слышал Галкин голос, а это неслучайно...

Тут же прибежал Васютович.

– Корреспондент, сейчас по рации просили передать, что у тебя жену забрали в роддом.

– Кто передал?

– Воронцовский радист. Ему из Караула сообщили. А туда пришла радиограмма из Дудинки, вроде бы из сельхозуправления. Раз так, то это Старченко. Анатолий. Знаешь, наверное, такого?

– А кто ж на Таймыре его не знает?

Ветер действительно прямо на глазах угмонился. И хоть солнце пряталось за облаками, видимость была хорошая. Стали ждать вертолет. Подошли ребята из промысловой бригады.

– Сколько рыбы будешь брать, корреспондент?

– Пару «хвостиков» сунуть в кофр не откажусь...

Промысловики весело рассмеялись. И притащили большой синий рюкзак, набитый рыбой, как поленьями.

– Она у нас тут тоннами пропадает ни за ... собачий, а ты кочевряжишься. Бери, не обижай хозяев. Жену, детей угостишь, а рюкзак как-нибудь занесешь Васютовичу. Он рядом с тобой живет – на Щорса, 37.

... Из Дорофеевска лететь недолго. Примерно через час был дома. Забрал у соседей пацанов, а утром повел их по садикам – в «Льдинку» и в «Снежинку».

День 30 марта был солнечным и ярким. В «Снежинке», прямо на пороге, встретила, загадочно так улыбаясь, воспитательница. Но не удержалась и выпалила:

– Пляши, папа. Сын у тебя родился!

Навсегда запомнилось – день какой-то весь разноцветный. Милая женщина на крылечке садика, где теперь Центр национальных культур, и долгое ожидание у магазина, в котором, помимо того, что он поздно открывался, еще и не всегда шампанское можно было купить.

Да, вот еще что. А сына своего, среднего, мы с женой назвали Володькой. Конечно же, по предложению вездесущей Галки...

В этих радостных хлопотах прошли несколько дней. Я совсем забыл о том, что собирался пойти на радио, к Ольге Рынковой, которая тогда им руководила. Вспомнив, сразу же побежал к ней. Стал рассказывать о своих «галлюцинациях»...

– У Светы Романовой в одной из недавних программ был ленинградский сюжет. Она тебе все объяснит, – заулыбалась Ольга Дмитриевна.

– Был мой репортаж из Дома журналистов, – обрадовала меня Света. – Я всегда туда захожу, когда езжу в отпуск в Ленинград. Одна журналистка из «Смены» рассказывала молодым о секретах репортерского мастерства. Очень занятно, между прочим. Высокая такая, рыжеватая. Еще на Кристину Орбакайте похожа...

– На Кристину, говоришь?

– Да, я это сразу подметила.

«Точно, – подумал я. – Это Галка».

В нашем семейном альбоме есть одна ее фотография, подаренная в конце семидесятых. Каждый раз, когда смотрел на черно-белый Галкин снимок, всегда казалось, что кого-то она мне напоминает.

Так вот, значит, кого. И Света, выходит, это сходство увидела.

В одном лишь не права Романова. Галка ни на кого не может быть похожей. Она одна такая на свете. Единственная! А Кристине, значит, повезло, если она немного на нее смахивает...

После встречи со Светланой никаких сомнений уже не оставалось. Я действительно слышал в Дорофеевске Галкин голос.

Вот и все. Одно лишь осталось сказать в заключение.

Прочел написанное, и самому себе удивляюсь. Какая-то невероятная история получается. Еще удивительнее то, что так оно и есть на самом деле.

Бывшая однокурсница по-прежнему живет в Питере, занимается своим любимым делом. Работает в еженедельнике «Ваш тайный советник» при Агентстве журналистских расследований, офис которого располагается на красивой улице города – улице зодчего России.

...Давненько я уже там не был. А сын заходил к тете Гале в нынешнем году. Отнес ей по устоявшейся традиции омуля в подарок. Нет, не баргузинского, как я когда-то, а нашего – енисейского. Вручил цветы – пышные-пышные розы, купленные за бешеные деньги у Финляндского вокзала.

Но я-то знаю, что Галке больше нравятся скромные ветки багульника, с мелкими розовато-фиолетовыми цветами...

Ирина Сотникова

Родилась в 1938 году, потомственная тундровичка. Педагог по образованию, отработала в школах округа 44 года. В настоящее время преподаёт долганский язык в Таймырском колледже. Автор образовательных программ и учебника по долганскому языку, публиковалась на страницах окружной газеты, в альманахе «Полярное сияние».

Ах, осень тундры вековой

Для меня самое прекрасное время года – осень. Вместо короткого летнего зелёного полотно тундра незаметно, постепенно накрывает на себя покрывало небывалой красоты. Не так как весной, но буйство красок не только поражает, но и навеивает лёгкую грусть: жёлтое с красным, золотистое с синим, цвет охры на оголенных стволах лиственниц – всё это преддверие прощания с неповторимым временем года.

В тундре для меня всё знакомо и любимо: вот мой пенёк, я сажусь на него, отдыхаю. Меня догоняют овчарка Дик и Джон, помесь дворняжки с лайкой. Дёргая за полы куртки, обливаясь, они стаскивают меня с сиденья, валят на прелую землю и устало укладываются рядом со мной. Через секунду слышу их равномерное дыхание, в такт дыханию опускаются и поднимаются их рёбра, как клавиши немого рояля. Ноги забрасываю на Дика, голову на Джона, и мы погружаемся в небытие. До чего же небо голубое! Облака, как бы проверяя, всё ли спокойно на земле, лениво проплывают над нами, как нимфы. А воздух! Не хватает силы в лёгких, чтоб вобрать в себя эту свежесть.

Птицы парят, не видя никакой опасности для себя. Они спокойно усаживаются на сучья деревьев, кустарников, тальников и, ни на минуту не смолкая, ведут шумные переговоры на своём птичьём языке. Как пахнет земля! С первой росой ушли в землю все червячки, земные насекомые – пусть питают землю, всему своё время. Всё закономерно: кто – то теряет, кто – то находит. Я зарываюсь лицом в ягель, в шелковистый мох и шепчу про себя, как учила мама: «Боже, мать – земля, забери

мои болезни, которые от рождения преследуют меня, а те, что приобрела по своей неосмотрительности, с ними, но тоже не без божьей помощи, справлюсь сама».

Между тем, собаки мирно посапывают, а я, душой и телом, отдохнув, лёжа осматриваюсь вокруг себя: протяну руку и несую в рот доживающую голубику. Как налилась брусника – янтарём брызжет алый сок. А там маслята выстроились. Что-то надоело их собирать, столько с ними работы дома. Да и закрома все забыты. Лёгкий ветер ласково теревит волосы, пробегает по лицу и с еле слышным свистом улетает вдаль, оставляя за собой запахи уходящей осени.

Великий Пушкин, Александр Сергеевич клятвенно восклицал: «Ох, лето красное! Любил бы я тебя, когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи». Именно потому и прелестна осень: ни комаров, ни мошек в тундре. Хотя, как мы знаем, мошкара – докучливый народ, но и они недолго играют в прятки с явными признаками надвигающейся осени – ранней росой, первыми дуновениями заморозков. Почему-то братья с лукавой улыбкой уверяют нашу молодёжь, что с наступлением августа стоит только убить одного комара и при этом воскликнуть одно магическое слово «Решето!», комары тысячами падут к ногам. Не знаю, не знаю. Сколько раз поддавалась этой невинной авантюре, но поверженных врагов у своих ног не видела... «Деды так говорили, – оправдываются братья.

Почему-то в описаниях тундры чаще всего мелькают выражения: «карликовая берёза, низкорослые кустарники, чахлые болотные травы». Увы, это чаще всего не так. Около меня покачивают головой величественные лиственницы. Из высокой макушки дерева несётся

пение оперившейся птицы. Ей всего месяц, но как заливается! Все понятно – у неё свои гимны осени. Прекрасны весенние закаты, туман, который покрывает все построения, можно разгрести руками и не увидеть ничего, кроме своих пальцев.

Постепенно редуют деревья, с тальников опадают листья. На смену приходит другая картина. Во всей прелести выступают зеркала озёр. Они величавы, спокойны, их воды подчиняются только ветрам. Берега, как платья девушек, из года в год в тех же рюшках, оборках, заплатах. Дно навек забетонировано. А вода как молоко: купайся – не хочу. Еле вытаскиваю из воды внуков. Я их понимаю: бабье лето подарило такую благодать. Ну и дни!

Воды рек ведут себя по-иному. Они открыты любым капризам природы: быстро темнеют, пенятся. Волны, подгоняя друг друга, с тихим шуршанием несутся вдаль, ожидая первых заморозков, шуги, которая скуёт реку и остановит этот вечный бег.

Именно осень – житница для людей тундры, кормилица. Каких только ягод не набрали в эту осень, грибов. Осенью переливаются озёра серебристой чешуёй, как бы приглашая:

«Поставь сеть, я озолочу тебя, лишь бы ты освободил меня от бремени. Видишь, я выхожу из берегов от скопления рыбы, от плавающей на поверхности озера икры».

И только осенью не спят, не знают отдыха настоящие рыбаки, охотники совхозов, заядлые промысловики, да и браконьеры не дремлют. Ещё бы – мигрируют дикие олени с северных берегов залива на юг. Они в эту пору нагуляли тело, их шкура так и лоснится, рога тяжелы, ноги быстры. Нерестится рыба, несётся, сломя голову, только по ей известным извилинам рек. Днём и ночью ловятся горбатый от накопленного жира чир, подчирки, муксуны, омули, круглые пелядки, невероятных размеров щуки, налимы.

На юг проплывает вереница перелётных птиц. Их не трогают, по ним не стреляют. По вековой, устоявшейся традиции, их провожают лёгким взмахом руки: «Обязательно возвращайтесь!». И весной по первым гусям не стреляют, их приветствуют люди тундры тем же взмахом руки: «Здравствуйте! Спасибо, что не забыли нас!».

Да, на севере любое время года прекрасно, но осень....

Странная дружба рассказ

Даже заголовок этого рассказа удивит вас. Дружба и есть дружба. Она иногда просто выражена жестами, мимикой, взглядом. Помните у «Трёх мушкетёров» скрепленные ладони рук? У славян? Прикоснулись плечом друг к другу и можно ничего не говорить, ничего не обещать – всё понятно без слов. У долган – крепкое, короткое рукопожатие, многозначительный взгляд. У нганасан – будь то мужчина, женщина – мимолётный поцелуй в щёку. Все эти ритуалы общения – приветствие и знакомство, обещание поддержки и помощи, настоящей дружбы.

А эта дружба была именно странной. У брата Александра Павловича много привязанностей, но к преклонным годам, приобретая родовое хозяйство, он как-то острее стал чувствовать природу: реже ездил в посёлок, хотя стол, комната всегда к его услугам в доме. А приедет в посёлок, сдаст рыбу, справится со всеми делами, отчитает своих детей и обратно в дорогу, в свою, как он говорит, «обитель». Там спокойно читает любимые книги, ведёт

дневник, чинит невод, проверяет сети, контролирует свои владения. «Странно, – говорит он, – как приеду в посёлок, начинаю кашлять, недопомогать, хотя еду к родным с радостью. В чём дело?» Мы-то знаем, в чём.

Дело в том, что новые привязанности не дают ему стареть душой. Одна из них – его соседи. Посудите сами: есть у него закадычный друг и враг – чайка. Она в этом месте обосновалась вместе с ним. Так и живут они в соседстве припеваючи...

Александр Павлович, с самого начала, каким-то образом вычислил её из всех прожорливых собратьев. Других изгнал только ему известным методом. Как только весной появляется чайка, старик на берегу выставляет приготовленный ей гостинец: с осени припасённую рыбу (река еще скована льдом, а чайка голодна). «Кто знает, с каких краёв прилетела, а нашла – таки свой уголок» – с радостью поведствует внукам старик.

Он с раннего утра сидит, ждёт у малого костра. Радуюсь визиту друга, тихонько про себя

бормочет. Чайка тоже что-то лопочет, важно вышагивая по песку на своих кривых ножках. Быть может, благодарит его за такую торжественную встречу, за память о ней и её детях, которых старик выкормил в ту холодную осень? А может, просит добавки? С неё станется. Ну, уж этому не бывать! Они друг друга хорошо знают. Чайка делает несколько заходов около деда. Потом она, решив, что ритуал встречи несколько затянулся, принимается за трапезу. Не спеша, с чувством, с толком, с расстановкой, поминутно поглядывая на человека, расправляется с едой. Затем, во всю мощь широко расправив свои крылья, она улетает.

С этого дня распорядок жизни у брата меняется, вернее им руководит его друг – чайка. Их объединяет одна страсть – рыбная ловля. Мы все вовлечены в этот непонятный азарт и даже плохо спим, пока не привыкнем. Казалось бы, с чего – ведь это повторяется из года в год?

Брат, как всегда сети ставит у берега. Благо весной рыбы полно: вся река предоставлена его хозяйству. Мы, ночующие в балке, доме, палатках, просыпаемся от истошного крика чайки. Это означает только одно: в сетях рыба, а старик проспал, позор ему! После вечерней проверки сетей старик уснул только под утро. Через мгновение слышно как он успокаивает собак, берёт котомку для рыбы, садится в ветку и идёт проверять сети.

Через некоторое время малышня, как всегда встречающая деда с рыбалки, появляется с котомкой. Рыбу вываливают в ванну, и мы видим обычную картину: прекрасные чирьи, весом около девяти килограммов каждая, без брюшины, самой жирной и достойной части рыбы, заполняют тару. Старик смущённо отводит глаза. Ворчит на друга: «Вот зараза, хоть бы раз разбудила до своего завтрака, и ведь только самую вкусную часть рыбы съест, остальную хоть выбрасывай, а на маленькую рыбу даже внимания не обращает. Ну, я ее накажу – будет знать». Но дальше угроз дело не идёт.

Мы не вмешиваемся в их взаимоотношения, они друг друга понимают, ну и бог с ними!

Самое потешное начинается, когда старик собирается в посёлок. В день отъезда мы все встаём рано, идём снимать сети, чтобы за наше долгое отсутствие пойманная рыба не протухла. С вешал вьнуки убирают сухие сети, сворачивают невод и всё это складывают в сарай. Для детей это привычное дело: дед с раннего детства приучает их к этому немудрому делу.

За работой не забываем наблюдать за поведением его друга: она сначала важно расхажи-

вает на том берегу, потом с гортанным криком перелетает на этот. До чего наглая – не боится ни собак, ни людей. Наклонив голову, часто поглядывает на деда, что-то ворчит, поминутно взмахивая крыльями. Дед доволен, час отщипывания настал, оглядываясь на неё, он назидательно говорит: «Так тебе и надо, умрёшь с голоду, а то привыкла всё вкусное – себе».

Мы все уезжаем на неделю, убрано у берега и у владений. Наконец всё уложено в три лодки. В последнюю очередь ребята в лодку забрасывают рыбу, её надо свежей довести до Волочанки.

Перед отъездом взрослые сели на берегу, поговорили о мелях, подводных камнях, плывущих деревьях, что могут встретиться на пути, и о том, как можно избежать встречи с ними. Между тем чайка беснуется, чуть ли не за полу хватает деда, а тот не обращает на неё никакого внимания. Чайка бродит около него, как бы что-то требуя, о чём-то напоминая. Старик, наконец, не выдерживает, и кричит сыну: «Коля, принеси те рваные сети!» Как будто оправдываясь, он ворчит, ни к кому не обращаясь: «Ладно, пожалею тебя в последний раз, но учти...». Берёт у сына сети и сам, лично, никому не доверяя, ставит их у берега. Чайка внимательно и молча, напряжённо наблюдает за этим процессом, она довольна, она добилась своего. На всём пространстве реки белеет поплавками только её сеть! Отныне она хозяйка всей округи. Выкрикнув своё: «Коль – оок!», она улетает на противоположный берег, и оттуда наблюдает за нашим отплытием.

За первым поворотом она нас догоняет. «Провожает», – комментирует довольный дед. Действительно, чайка не отстаёт от нас. Пролетает над рекой, как будто указывает путь, потом возвращается и реет над нашими головами. Через два поворота она, прокричав что-то, возвращается домой. Дед в лодке нам рассказывает, что в любое время дня и ночи, она встречает его на этом же самом месте и ведёт до самого дома. Вот уж действительно, рыбак рыбака видит издалека.

Каждую осень чайка приводит к нему птенцов, таких же прожорливых, неугомонных. Кормит их, учит летать, добывать рыбу. А осенью они улетают, но возвращается к деду она всегда одна и становится хозяйкой нашей песчаной отмели, другом деда. Других чаек не допускает до своих владений, разогнала всё вороньё. Царствует одна.

Наталья Фомина

Родилась в 1968 году в Норильске. Выпускница Омского государственного университета, по профессии библиотекарь-библиограф. Литературным творчеством увлекается с детства, пишет стихи и поэму. Печаталась на страницах норильских газет, в альманахах «Аквариум», «ЛитКлуб» (Москва). В альманахе «Полярное сияние» публикуется впервые.

Мужская доля рассказ

Почти первоклассник Петька, впуская в комнату через открытое окно прогретый солнцем воздух августа и каких-то мошек, вот уже полчаса лежал животом на подоконнике, подложив обе руки под подбородок, и неотрывно смотрел в одну точку. Там, напротив него, в самой глубине двора, в тени большого тополя, на высокой деревянной самодельной лавке, сидела его ровесница, соседская девчонка Светка. Она сидела там уже давно, беспрестанно раскачивая взад и вперед ноги.

Было около полудня и во дворе больше никого не было. Конечно, Петьку она видела, и то и дело косила в его сторону глазами, но подчеркнуто не замечала. С равнодушным видом Светка, сидя на лавке, то нагибалась вперед, небрежно касаясь руками застежек на своих изрядно потоптанных сандалиях. То вдруг, схватившись за край лавки обеими руками, наклонялась назад, высоко поднимая и вытягивая вперед ноги, и тогда белесые хвостики на самой макушке ее головы смешно дергались в такт резким движениям. То, как-то уж очень театрально сложив обе руки лодочкой, медленно терла ими свои острые коленки. Она просто наслаждалась своим положением. Светка посматривала то в одну, то в другую сторону, щурилась, и все время ехидно так, в никуда, улыбалась.

Но интерес Петьки вызывала не Светка. Светка-то как раз надоела до смерти. Дело в том, что вот уже полчаса рядом с ней, в глубине двора, возле большого тополя, на высокой деревянной лавке лежала огромная, ну просто

огромная конфета в ярко-желтой обертке, с которой Петьке так же ехидно, как и Светка, улыбалась девочка с корзинкой в руках и в ярко-красной шапке. И Петька был готов поспорить на свой новый школьный ранец, что она шоколадная и с вафлями внутри. Не то, чтобы он никогда не ел этих шоколадных, с вафлями конфет. Просто эта была какая-то необыкновенная. Ну, прямо не конфета, а конфетища! Она лежала от Светки на таком расстоянии, что та могла свободно дотянуться до нее в любой момент. Но она не дотягивалась и не брала ее. Она, казалось, забыла про нее совершенно. И это Светкино равнодушие и странная, затянувшаяся неопределенность в отношении этой конфеты немного портили замечательный день, а если честно, то просто сводили Петьку с ума. Сил больше не было. Петька слез с подоконника, быстро оделся и вышел во двор.

Медленно передвигая ноги, Петька вышел из дверей дома, минуту поразмышлял и, повернувшись спиной к сидящей на лавке ехидной соседке, медленно вынул из кармана брюк большое отцовское увеличительное стекло в черном пластиковом ободке. Бросив короткий взгляд в сторону роковой лавки в конце двора, он пристально стал разглядывать через него жирную пушистую муху, которая, разомлев, нежилась в лучах летнего марева, на свежескрашенной в коричневый цвет стене дома. На Светку он больше не смотрел, да ему и не надо было смотреть на нее. Он весь просто превратился в слух. Он слышал весь двор и представлял его себе как на ладони. Петька слышал все: хлопанье крыльев и мелкие, частые шаги гуляющих по железным крышам гаражей ленивых дворовых голубей, которые переливались в лучах солнца разноцветной радугой;

непрерывный звон посуды, доносившийся из открытых форточек кухонных окон; и скрип открывающихся оконных рам; и шум машин, откуда-то из подворотни. И то, как у кого-то в комнате, наверняка над диваном, негромко отбивали полдень часы. Он был весь одно больше ухо. Не оборачиваясь, он спиной слышал и все то, что происходило в глубине двора, там, под тополем. А там совершенно ничего не происходило.

Петька уже давно перестал следить за мухой, которая предусмотрительно отползла от него на безопасное расстояние, но все еще держал в руках увеличительное стекло. Он замер. Он слушал. От напряжения Петька слегка вытянул шею и прикрыл глаза. И вдруг Петькины коленки предательски дрогнули от неожиданности. Ну, такого он просто не ожидал! Он настолько ясно услышал шорох фантика той самой огромной Светкиной конфеты, что даже на секунду увидел ее короткие толстые пальцы с обкусанными ногтями, безжалостно тормозившие красивую обертку! Нужно было срочно что-то делать! Петька медленно повернулся на негнущихся ногах, и, сделав над собой огромное усилие, чтобы не побежать вприпрыжку к высокой лавке, на которой сидела Светка, сжав в руке увеличительное стекло, не спеша, поплелся навстречу своей судьбе, в глубине души надеясь на чудо. Одного беглого взгляда было вполне достаточно. Да, он не ошибся! Теперь конфета уже не лежала как раньше, на лавке. Она была в Светкиных руках и более того, была почти наполовину развернута.

Светка цепко держала конфету в одной руке, прямо перед собой. Другой рукой она с нескрываемым удовольствием разворачивала ее, оттопырив в сторону толстенький короткий мизинец. Пока Петька неверной походкой, полной презрения к происходящему, шел через двор, Светка успела почти до конца развернуть желтую бумажку и завернуть ее края наружу так, что от девочки с корзинкой на фантике остались видны только одни ноги в больших странных башмаках. Теперь из яркого желтого фантика и белой, сияющей фольги в ее руке торчала толстая, широкая, шоколадно-коричневая, в мелкую вафельную клеточку, немного подтаявшая от дневной жары та самая конфетища.

Если бы на Светкином месте сидел, ну, например, соседский Стас, или Толик из второго

подъезда, то развязка наступила бы мгновенно. Но Светка была девчонкой, и в многострадальную Петькину голову совершенно нехотели стали приходить бесконечные материнские наставления о том, как следовало бы обходиться с девчонками в различных житейских ситуациях. Хотя, к слову сказать, если бы Петьке пришла в голову шальная мысль помериться со Светкой в этот день силой, то вопрос о победителе схватки был бы спорным. То ли все-таки воспитание сыграло с Петькой злую шутку, то ли еще была жива надежда на наличие у Светки хотя бы немного совести. Петька, как настоящий мужчина, ни словом, ни взглядом стараясь не выдать того, что происходило у него внутри, обогнув тополь, молча подошел и сел на свободный край лавки. От такой близости возделенной конфеты его с ног до головы обдало горячей волной желанья. Петькин нос сразу же уловил дурманящий запах ванилина и подтаявшего шоколада. Внутри у него противно засосало.

Светка повернула голову в Петькину сторону, молниеносно смерила его взглядом хитреньких смеющихся глазок. Потом, мельком взглянув на зажатое в Петькиных руках увеличительное стекло, стала внимательно рассматривать свое сокровище, свою конфетищу. Ехидно улыбаясь, она смотрела на нее с таким нескрываемым вождением, что у Петьки во рту начала скапливаться липкая слюна. Вдоволь насмотревшись, Светка слегка приоткрыла рот, провела кончиком язычка по губам, сглотнула слюну и быстро засунула конфету в рот до самой середины! Конфета смачно хрустнула под ее зубками. Светка чмокнула и слегка склонила голову набок. Одна часть конфеты осталась у нее во рту, а другая – в руке, в желтой обертке. Верх оставшейся в руке половинки стал полосатым от слоев розовой начинки и вафель внутри конфеты и неровным от Светкиных зубов. Рот сделался у нее полный, а на верхней губе повисли маленькие вафельные крошки. Внутри Петьки сердце бешено заколотилось. Он зажмурился, а язык во рту занемел. Перед глазами поплыли красивые радужные круги, чем-то напоминающие дворовых голубей. Ему нестерпимо захотелось закричать на весь двор что-нибудь обидное и, чтобы не издать предательского стоны, Петька сжал зубы.

Пока Светка, не торопясь, наслаждаясь каждым движением, жевала, Петька мысленно

успел несколько раз подряд повалить ее с лавки на землю, дать пару хороших подзатыльников и смять в руках ярко-желтый фантик. Он приоткрыл глаза. Светка все так же сидела на другом конце лавки с оставшейся половинкой конфеты в руке. Даже не посмотрев на Петьку, улыбнувшись кому-то, она церемонно подняла руку с остатками конфеты, оттопырив в Петькину сторону локоть. Петька похолодел. Свободной рукой она слегка отодвинула прилипшую фольгу, и, наклонив голову вниз, самыми кончиками зубов вытащила остатки конфеты из желтой обертки. Петька смотрел не отрываясь. Ее мелкие зубки утонули внутри мягкого конфетного шоколада почти до половины. Потом она резко запрокинула голову назад и разжала зубы. Половинка конфеты скрылась у нее во рту. Петьку затощило. Во рту стало сухо, и почему-то сладко.

На этот раз Светка не жевала. Она просто держала конфету во рту и ждала, когда на ней растает шоколад и сползет на язык, а потом делается мягкой и не хрустящей вафельная начинка. По лицу Светки волнами растеклось блаженство. Петька сидел, боясь пошевелиться, и смотрел на ее запрокинутую назад голову, на закрытые глаза, на острый подбородок, и кожей на спине чувствовал, как во рту у Светки растекалась и таяла эта необыкновенная конфетища вместе с его последними надеждами. Вдруг Светка сделала какое-то судорожное движение и одним большим глотком

отправила внутрь себя все то, что таяло и растекалось у нее во рту на глазах у притихшего Петьки. От неожиданности он вздрогнул. Все было кончено.

День был испорчен окончательно. Петька молчал. И вдруг его тело как-то сразу обмякло. Жаркая волна, все это время душившая его схлынула, и ему стало абсолютно все равно. Он разжал неизвестно когда сжатые им кулаки, спрятал в карман отцовское увеличительное стекло.

Если бы в этот момент сидевшая рядом Светка ухмылялась во весь рот, а в ее глазах плясали разноцветные чертики – Петька бы чувствовал себя намного легче. Но Светка не ухмылялась, и чертиков не было. Она тоже как-то равнодушно молчала, смотрела куда-то в даль двора, и от этого Петька стал чувствовать себя совсем по-дурацки. Нужно было уходить. Но тут Светка разгладила фантик, сложила его в несколько раз и полезла рукой в карман платья. У Петьки от неожиданной надежды закружилась голова. Светка вытащила из кармана белую веревочную скакалку, намотала ее на руку и, не поворачивая в Петькину сторону головы, спросила капризным голосом:

– Ну, что тебе еще нужно?

Петьке захотелось заплакать. Уйти, не ответив ей, Петька не мог.

– А знаешь, – сказал он, вставая с лавки, – мужчины сладкого просто не едят. Доля мужская такая.

Мишкина ангина

рассказ

Не то, чтобы Мишка сильно страдал. Он просто смирился и поставил на своем здоровье большой крест. Про крест – это мама так всегда говорила, когда имела в виду что-то то, что поручалось сделать папе. Мишке почему-то это выражение, про крест, нравилось. Вот он и поставил его на своем каком-то не правильном здоровье.

Мишка весь сентябрь, уже почти спокойно слушал, как на первом уроке каждого нового школьного дня длинная Ленка, староста его, 5 «Б» класса, обязательно говорила про кого-то: «Его нет, он заболел».

Ангиной болели все. Не болел почему-то ею только Мишка.

Домой он каждый раз тащился нарочито медленно, волоча по земле свой тяжелый, прошлогодний еще, ранец, собирая под ним на мокрой асфальтовой тропинке охапку желтых листьев. Куртку он не застегивал и шапки не надевал. Дома, каждое утро, стоял перед зеркалом широко раскрыв рот, и только тогда, когда не находил в своем горле ничего подходящего, начинал чистить зубы. К концу сентября Мишка перестал заглядывать каждое утро в горло и стал, по привычке, надевать шапку. Тут-то все и случилось.

Людмила Николаевна, очень строгая и очень молодая учительница математики, предупредила всех в пятницу о том, что надвигается первая контрольная в этом году. Надвига-

лась она в понедельник. Впереди были долгожданные выходные. Однако в субботу с самого утра шел дождь и в воскресенье шел тоже. Да и гулять все равно было не с кем: Петька и Лешка, лучшие Мишкины товарищи, давно слегли с ангиной. Мишка, скорее от скуки, чем от усердия, стал листать учебник по математике, вспоминая все пройденные в сентябре параграфы...

В понедельник, перед уроком математики, Мишка чувствовал себя так, будто бы это именно он, а не какой-то там Македонский перешел через Альпы, и снисходительно, сверху вниз, всем улыбался. Обычной дрожи перед контрольной не было, а было какое-то не знакомое Мишке желание, чтобы Людмила Николаевна, войдя в класс, скорее написала бы на доске задание по вариантам. Как-то ужасно хотелось что-нибудь решать.

Прозвенел звонок, Мишка с нетерпением плюхнулся за свою парту. Чувствовал он себя, ну уж если не гением, то великим математиком – это уж точно. У него, видимо от нетерпения, жарко пылали щеки. В этот-то момент и подошла к нему Людмила Николаевна:

– Остапцев, что это с тобой? – спросила она, и приложила к Мишкиной голове свою прохладную, пахнущую мелом руку. – Да ты просто горишь весь. Да у тебя температура, Мишенька. Сходи-ка, дружок, в медицинский кабинет, быстренько, быстренько.

Мишка нехотя поднялся и быстренько сходил. Школьная медсестра смерила температуру, спросила мамин рабочий телефон и велела сейчас же обязательно сразу идти домой, потому что температура действительно была. Вернувшись в класс, он сложил свои вещи, забрал портфель и поплелся одеваться в гардероб. Шел урок. В школе было как-то странно, непривычно тихо. Мишка почувствовал себя обиженным и лишним. «Ну вот, – думал он, натягивая на первом этаже свою выдавшую виды куртку, – выучи им математику, раз в жизни выучи и что? Да ничего! Не учил сроду, и начинать было нечего!»

Веселый небритый дядька в белом халате, совсем не похожий на детского врача из районной поликлиники, прописал Мишке всякие там полоскания для горла, таблетки и чай с медом. Лежа на своем любимом диване, укрытый теплым бабушкиным пледом, совершенно один в квартире, под частый гулкий стук капель по мокрому оконному стеклу, в первый

же день Мишка понял, как выглядит оно, настоящее счастье. Не было ни уроков, ни контрольных, ничего, а длинная староста Ленка теперь наверняка сказала на первом уроке и про него: «Его нет. Он заболел».

Счастье и покой были полными, и Мишка, не смотря на то, что в горле кололо, щеки горели и постоянно хотелось пить, теперь уже искренне удивлялся тому, как и почему он так расстроился в понедельник. Он то засыпал, то просыпался, и медленно уходил обратно в дрему. Особенно нравилось Мишке, уже почти засыпая, проваливаясь в теплое мягкое никуда, представлять себе свой класс, пишущих что-то в тетрадях одноклассников, зная наверняка, что оно так и есть на самом деле сейчас, в эту самую минуту. Зная точно, что он, Мишка, в эту минуту лежит дома, на диване, тепло укрытый и, если захочет, то уснет прямо сейчас.

На столе, рядом с его кроватью, стояли и лежали какие-то баночки и лекарства, кружка с чаем, недочитанная еще с прошлого года какая-то толстая книга, пульт от телевизора и огромный белый кот Мося, свесивший со стола пушистый толстый хвост и положивший большую, ушастую голову на открытую пачку с Мишкиными таблетками.

Всякий раз, когда Мишка просыпался, он видел стоящую на столе высокую зеленую корбочку, на боку которой было крупно написано «Суприма-бронхо». Эта самая «Суприма» и приснилась Мишке сразу несколько раз за один день, в виде большой толстой тетки с градусником в руках, в белом коротком халате и в босоножках без задников на толстую голую ногу. Она, громко ими шаркая, шла по длинному коридору навстречу Мишке, доставала из кармана какие-то огромные зеленые пилюли и грозила ему градусником, размером с кошачий хвост. Через день Мишке полегчало и «Суприма» перестала сниться.

Но и счастье Мишкино тоже кончилось. Сначала к нему зашел кто-то из класса, но мама не пустила, чтобы ангиной не заразились. Потом, вечером одного дня, к ним домой зашла Людмила Николаевна, принесла для Мишки домашнее задание сразу по всем предметам за все четыре дня. Она пообещала зайти на следующий день, чтобы поменять тетради с готовыми заданиями на другие, проверенные. И с тех пор стала заходить каждый день, ближе к вечеру, по той причине, что оказывается, жила в соседнем с ним подъезде.

Иногда она приходила, разувалась и проходила на кухню вместе с мамой. Они пили там чай и негромко о чем-то разговаривали. Мишка изо всех сил прислушивался, но слышал только, как они гремят чашками. Потом они с мамой о чем-то шептались около дверей в прихожей, и она уходила, забрав его тетрадки со сделанными уроками. Иногда Людмила Николаевна, громко здороваясь, менялась с Мишкиной мамой тетрадками наспех у дверей и быстро уходила. Но всякий раз, когда она приходила, Мишке становилось, на всякий случай, значительно хуже и он обязательно лежал на диване до тех пор, пор, пока за Людмилой Николаевной не хлопала, закрываясь, подъездная дверь. Каждый раз, пока она спускалась, громко стуча в подъезде по ступенькам высокими каблучками, Мишка, не вставая с дивана, согнув руки в локтях размахивал растопыренными пальцами вправо и влево, в такт стука каблучков Людмилы Николаевны. Вытянув губы трубочкой, закатив глаза под лоб и мелко перебирая ногами, лежа на спине, раскачивал бедрами из стороны в сторону так, как будто это он спускался на каблучках по подъездной лестнице. После того, как хлопала на первом этаже дверь, возвещая о том, что Людмилы Никола-

евны до самого завтра больше не будет, можно было вставать. А вставать было нужно, потому, что все равно сейчас, как обычно, зайдет мама с тетрадками, и надо будет срочно садиться делать уроки на завтра.

Теперь Мишка, сидя за столом с разложенными учебниками, на которых дремал беспардонный кот Мося, думал о своем невезении и о том, почему именно с ним рядом живет Людмила Николаевна, грыз карандаш и вожаденно ждал утра следующего дня. Ждал возвращения, пусть ненадолго, пусть до обеда, до маминого прихода, тех нескольких часов полного, безмятежного счастья своего, когда, обнявшись с котом, или выгнав его совсем, можно просто лежать, закрыв глаза. Просто лежать на теплом, мягком диване, прислушиваясь к тому, что происходит за окном и за стеной. Ни о чем не думать, ничего не делать, ничего не помнить и не понимать. Просто лежать в полудреме, и ощущать всей душой и телом блаженное, почти осязаемое в тишине спокойствие. Где-то на самой грани яви и сна, настоящего и нереального, видимого и придуманного, утопая в пасмурном октябрьском утре всем телом, как в вязком сиром сиропе. И пусть, пусть даже эта «Суприма» опять приснится...

Ольга Фалькова

Родилась в 1973 году в поселке Хета Хатангского района. После окончания школы училась в медицинском училище, работала воспитателем детского сада, директором сельского дома культуры. В настоящее время живет в Талнахе и работает санитаркой. Еще в детстве, слушая бабушкины сказки и страшные истории, проявляла интерес к преданиям, к загадочным явлениям в тундре. Литературным творчеством занимается уже пять лет, но постоянными ее читателями пока являются родственники и близкие друзья. В альманахе «Полярное сияние» публикуется впервые.

Мертвое стойбище мистическая повесть

Местность, где находилось озеро Собачье, отличалось от других мест своей богатой растительностью. Сам водоем окружали заросли ивняка, опустившие ветви к самой кромке воды. С двух сторон пролегал густая стена высокоствольной лиственницы. Попадались и тонкие березы, белеющие, словно альбиносы сквозь зелень. В изобилии пестрели бисерной россыпью ягоды: сонная морошка с каплями росы, поблескивающими в лучах солнца, голубика, спрятавшаяся в кустах, и множество полян с крупной черникой. Водилась и живность, начиная с юрких белок, скачущих с ветки на ветку, заканчивая крупным зверьем вроде медведей, волков и выдр.

Само озеро небольшое, но глубокое, очертанием походило на морду собаки с одним оттопыренным ушком. Чуть левее белел песчаный пригорок, и от озера к нему вела протоптанная дорожка. Здесь вразброс стояли конусообразные чумы, покрытые облезлыми шкурами оленя. Рядом были нарты, заполненные хозяйским скарбом, тут же – пристройки для копчения, состоящие из трех соединенных жердей с крюком посередине для вывешивания рыбы и мяса. В двух шагах находился очаг. В жаркую погоду готовили на свежем воздухе. Допоздна здесь не смолкали голоса людей и лай собак – главных помощников пастухов. Голопузые детишки сновали по утрамбованному ступнями песку, с азартом играли в свои игры.

Сегодня у людей рода Муно праздник. Справляют первое лето на озере Собачьем.

Женщины в больших котлах варят мясо. Самые жирные куски подадут, конечно, шаманке Кыче. Она привела своих земляков в это чудное место. Раньше они кочевали возле пролива моря, в пустынной тундре, где одни мшистые кочки и нет таких густых лесов. Сами люди Муно забыли, откуда взялся их род. Старики говорили, раньше предки Муно жили в прекрасном теплом краю с высокими деревьями, макушками касавшимися неба, и кроме оленей в хозяйстве находились дивные животные, дающие много белой воды, такой, что человек мог её пить и быть сытым весь день. Теперь так говорят о себе и потомки рода. Старая шаманка указала путь, пусть духи сопутствуют ей.

Мясо готово. Две женщины положили сочные куски в глубокую миску и унесли в самый крайний чум, отличающийся от других своим убранством, более добротной шкурой оленя и даже местами покрытый медвежьей. Шаманка Кыча редко выходила из чума. Старое тело ослабло, ноги не держат, как раньше, приходится все дольше сидеть у очага. Нет у нее замены. Никто не подходит для такого великого дела, разве только Мате. Кычу передернуло, бросило в дрожь. Нет, лишь бы не он – злой, завистливый, вечно смотрит волком на сородичей, покупает у купцов зелье, от которого сходит с ума. Хотя у Мате есть дар шаманства. Он может предвидеть, когда хорошее настроение – лечит больных, но не бесплатно. Шаманка смотрит на куски мяса. Есть не хочется. Она кладет в рот крохотный кусочек, чтобы не обидеть людей. Старуха откинулась на лежанку отдохнуть. Ночью она будет камлать, просить духов указать ей преемника.

Женщины, приносившие еду, удалились, присоединились к общему веселью. Смех и веселая болтовня звучали у костров, казалось, праздник продлится вечно. Вечерело. Кто постарше – разошлись по своим чумам, молодые продолжали веселье, пели песни.

Омрачил праздник опять невыносимый Мате, снова принялся колотить свою тихую забитую жену. Недавно он уплывал на лодке по устью реки к русским купцам, привез опьяняющее зелье, и, не делясь с мужиками, в одиночку пил.

– Иди к старой росомахе. Отведи сына, если не веришь моей силе! – орал пьяный Мате.

– Сын весь горит, ты пьян, кто вылечит его? – жалостливо пререкалась с ним жена.

– Нет! Не ходи, – передумал муж. – Лучше сохнем, к ней не пойдем. Дышит еле-еле, а вцепилась, как росомаха, за место шамана. Мне пора стать на ее место, – буйствовал Мате.

Старая Кыча слышит крики Мате. Пусть орет пьяный дурак, никогда не быть ему шаманом.

Молодые девки и парни устали слушать бесчинства алкаша, ушли в лес дальше продолжить праздник. Разъяренный Мате вышел из чума с бутылкой в руке, юркнул в полог соседа.

Григорий – уважаемый человек в стойбище, люди прислушиваются к его мнению, сама шаманка любит вести беседу с этим умным молодым охотником. Один недостаток у него – он тоже любит выпить проклятого зелья. Хитрый Мате решил воспользоваться этим. Он сел возле Григория. Поставил на низкий столик бутылку. У Григория заблестели глаза. Мате наблюдает сверху вниз за этим маленьким человеком. Сам Мате имел высокий рост и сильное тело, которое начало заплывать жирком.

– Пей, Григорий, веселись, сегодня праздник – пропел Мате.

Григорий залпом выпил из чашки водку и не поморщился. После третьей Мате решил на разговор.

– Слушай, говорят, плоха наша Кыча?

– Приболела немного, хвала добрым духам, стало лучше ей.

Мате молчит, думает, как привлечь Григория на свою сторону. Если получится, люди послушают его и вместе изгонят Кычу и поставят Мате на место шамана.

– Григорий, ты умный правдивый человек. Как ты думаешь, не поменять ли нам Кычу?

Стара стала, толком камлать не может. Отдохнуть ей пора.

Мате подметил, как напрягся Григорий.

– Зачем? Кыча великая шаманка. Она привела нас в богатую землю. Не себя ли хочешь поставить на ее место? – засмеялся он.

Мате стал пунцовым от злости, понял ошибку свою в выборе пьяницы. Григорий верен шаманке.

– Почему смеешься, я тоже могу лечить, сказать какой будет зима и много чего.

– Шаманка сама знает, кого поставить вместо себя, – поставил точку в разговоре молодой охотник.

Мате встал, согнувшись в низком чуме, зло уставился на Григория.

– Ладно. Забудь о разговоре. Не забывай, если меня обидеть, я могу наслать болезнь тебе.

Захмелевший Григорий вскочил, брызгая слюной двинулся на Мате.

– Ты меня не пугай. Думаешь я не видел, как ты кривляешься у костра за озером. Пытаешься вызвать духов. Ничего у тебя не получится. Кыча останется нашей шаманкой.

Мате застряло от ярости: маленькая вша узнала его тайну. От бессилия он храпнул и смачно плюнул в лицо Григорию. Не ожидавший такого поворота охотник, пылая от праведного гнева, подпрыгнул и вцепился в шевелюру Мате. Оба повалились на потухший очаг, забарахтались в золе ругаясь и употребляя русский мат, что слышали от заезжих торговцев.

Жена Григория в страхе выскочила наружу, взывая о помощи. Прибравшие люди разняли драчунов. Отволокли брыкавшегося Мате в его чум, затолкали внутрь на попечение жены Ульяны. Сами заторопились к Григорию – успокоить его.

Ранним утром Мате выполз из чума. Голова раскалывалась от бесконечных пьянок. Присев на бревно, расслабился. Утренняя свежесть прохлады облегчает состояние пьяницы. Кругом тишина, люди отдыхают после праздника. Сизый туман стелется над землей, поднимается выше, укрывает пеленой конусы чумов. Мате повернулся к открытому пологу и обратился к жене:

– Ты, доска неотесанная, вынеси мешок.

Рано состарившаяся жена Ульяна молча подает мешок, уголкем платочка прячет синяк под глазом. Мате увидел дело своих кулаков, довольно хмыкнул. Скверное настроение приподнялось. Его всегда радовало, когда случилось несчастье, либо кто из сородичей серьезно заболел. Мате взял мешок, спустился с пригорка и, обогнув озеро, зашагал дальше. Он задумал поменять место камлания и для этого выбрал противоположный берег реки. До протоки, где находилась его лодка, было не близко. Мате шел, то и дело спотыкаясь, острые сучки кустов цеплялись за штанины, старые торбаса промокли в росе. Вдобавок кружилась голова, его мутило. И вот, очередной раз споткнувшись, он не удержался, шлепнулся плоским носом в сырой ягель. Негромко ругаясь, поднялся, отряхнулся. На ладонях налипла прозрачная нить паутины. Мате присел, внимательно приглядываясь. Где нить, там и паук – размышлял он. Ему с детства нравилось следить за этим насекомым. Казалось, жизнь паука схожа с его жизнью. Мате тоже расставлял невидимые сети, в которые попадали глупые люди, и вертел ими, как ему вздумается. Ребенком он с отцом весело смеялся, наблюдая как бьется в паутине мелкая мошка, а безжалостный паук, подбираясь к жертве, высасывает из нее жизненные соки. Потом отец привез ему янтарного паука, про сверлив дырочку, вддел шнур и надел на шею сына. С тех пор Мате не снимал свой амулет.

Вволю налюбовавшись пауком, Мате встал, снова двинулся вперед. Вскоре вдали засеребрилась река, Мате прибавил шаг. Туман пропал, идти стало легко.

У песчаного бережка притулилась его одностная узкая лодка. Он столкнул ее с берега, и не спеша поплыл к другому берегу. Скоро лодка уткнулась острым носом в песок. Мате поволок ее в заросли, припрятал от чужих глаз. Отошел подальше, развел костер, достал из мешка бубен и костяную колотушку. Сосредоточился и принялся приплясывать на месте, затем закружился в танце, запел гортанным голосом, произнося непонятные слова, где звучало имя бедняги Григория.

Вернулся он поздно. Жена сидела у ложа сына, мочила в настое тряпку и прикладывала ко лбу ребенка.

– Все-таки ходила к старой росомахе, – зашипел он на Ульяну.

– Ходила, что мне было смотреть, как угасает сын.

Он не повышал голоса, боясь потревожить мальчишку:

– Лечи. Кто тебе не дает.

– Устала я, Мате, отпусти меня с сыном.

– Опять за свое? Хочешь опять быть побитой? Уходи сама, Василия не отдам, – чуть повысил голос муж.

Ульяна заплакала. Она ненавидела Мате, только ничего не могла сделать. Знала – он не отдаст сына или накликает смертельную болезнь на нее. Страх удерживал женщину.

– Завтра приготовь еду и шкурки песцов, поеду в факторию, отоварюсь.

Ульяна обрадовалась: хотя бы временно не видеть ненавистное лицо. Вот только опять привезет поганого зелья. Тем временем Мате разделся, завалился спать. Ноги болели от долгих плясок, зато, наверно, получится, злорадно думал он, вспоминая Григория.

Прошла неделя после отъезда Мате. Стойбище гудит, как рой оводов.

Случилось несчастье – погибла жена Григория, утонула в озере во время купания. Мужчины в лодках бросали сети, пытались выловить тело. Потерянный Григорий бегал вокруг озера, неистово орал, звал жену. Они вдвоем были бездетными, но это не омрачало их счастья. Жили, заботясь друг о друге. Теперь Григорий остался один.

Спустя час выловили утопленницу сетями, перенесли в чум. Григорий упал на колени перед телом, рыдал, просил духов вернуть жену. За это он принесет в жертву много мяса. Увы, никакая сила не может оживить мертвеца.

Григорий уполз в темный угол. Так и сидел три дня, пока не подошел день похорон. Григорий, поддерживаемый с двух сторон, шел за гробом. Подошли к кладбищу, остановились у готовой ямы. Четверо мужчин после прощания с усопшей опустили гроб. Каждый, уходя, бросал вниз комья земли. Мужчины засыпали яму. И вот, среди крестов вырос свежий холм, где успокоилась навеки жена Григория.

После похорон слег сам Григорий, отнялись ноги. Он позвал шаманку. Старуха, опираясь на палку, пришла, всю ночь камлала у постели больного. Потом, изможденная, она долго сидела молча, и, наконец, произнесла:

– Духи говорят: не просто несчастье случилось с тобой. Наслали на тебя болезнь и смерть жены.

Григорий застонал: «Мате насрал, я знаю, он мне грозился».

Он пересказал шаманке о том, как Мате пытался с помощью Григория убрать с власти ее, Кычу. У старухи от гнева потемнело в глазах. Решено: если Мате не вылечит Григория – изгнать его из стойбища. Она знает – не будут защищать люди жестокого Мате. Много напакостил он сородичам.

Шаманка сразу вызвала всех на совет. Мужчины и женщины собрались вокруг старухи. Ульяну с сыном усадили в центре.

– Я собрала вас решить, что делать с Мате, – начала Кыча. Он насрал несчастье и болезнь Григорию. Хочет сам встать на мое место. Решайте люди Муно. Хотите чтобы он встал во главе вас?

Возгласы протеста раздались в толпе.

– Не хотим! Сколько зла он нам сделал! – кричали наперебой они.

Хилый сморщенный мужичок выскочил на середину:

– Мате на моих глазах убил мою собаку, за то, что облаяла его.

– А помните, как он поджег чум Николая, когда тот защитил Ульяну? – крикнула молодая девка.

Шаманка повернулась к жене Мате.

– Ты что скажешь, останешься с нами или уйдешь с мужем?

– Останусь, – вскрикнула женщина. – Он постоянно бьет меня, все вы знаете.

Тут запротестовал сын Мате и Ульяны девятилетний Вася.

– Я пойду с отцом, хочу с ним, – заплакал он.

Мате был жестоким человеком, а сына своего обожал и наставлял его против матери. Ульяна хотела обнять ребенка. Василий вырвался, пнул мать и побежал к чуму.

Шаманка смотрела вслед мальчику, качая головой. Она видела в нем второго Мате.

– Итак, решайте, если Мате не вылечит Григория, выгоним его из стойбища.

– Выгнать! – орала толпа.

Так решила участь Мате. Люди еще немало повозмутились и разошлись по своим делам.

Только через месяц пришел Мате, трезвый с побитым лицом. Видимо, и в фактории наде-

лал пакостей. Его встретила толпа во главе с шаманкой, они еще у озера заметили Мате.

– Что ты сделал с Григорием? – с ходу начала шаманка, когда Мате приблизился к чуму.

– Ничего я не сделал, – ответил он.

– Григорий сказал, ты грозился ему, и я знаю – насрал ты ему несчастья.

Мате украдкой улыбнулся, прикрывая рот ладонью. Это не ушло от внимания шаманки Кычи.

– Ты вылечишь Григория, – приказала старуха.

– Не собираюсь, – огрызнулся тот.

– Тогда мы – род Муно – изгоняем тебя из стойбища. Уходи сейчас, – торжественно закончила Кыча.

Лицо Мате исказилось в гримасе удивления и злости.

– Выгоняете меня? Ладно, уйду, только я вернусь, и вам будет плохо, как и мне сейчас. Я поселюсь над вами.

Мате под недобрыми взглядами земляков зашел в чум.

– Собирайся, уходим, – прикрикнул он на жену.

– Мы не уйдем, – твердо сказала Ульяна.

– Пойдешь, поползешь как собака, – пыхнул Мате и, ударив жену по голове, принялся собирать вещи.

С улицы забежал сын Василий, бросился к отцу. Они обнялись.

– Сынок, мы уходим далеко, одевайся.

Мальчишка с восторгом стал помогать отцу. Мате вынес вещи, принялся сворачивать чум, затем сходил к стаду, отобрал несколько оленей. Привязал их друг к другу. Навьючил на хребты животных свои пожитки и, взяв сына за руку, зашагал вглубь леса, ведя за собой караван крепких олешков.

Несчастливая Ульяна плелась позади стада, не в силах расстаться со своим сыном. Мате остановился на возвышенной кочке, повернулся к сородичам, смотревшим им вслед.

– Ждите, я пошлю на вас кары духов и поселюсь над вами! – закричал он. Закат солнца озарил изгнанников кровавым цветом.

Жизнь в стойбище началась спокойная, нет рядом дебошира Мате, люди вздохнули с облегчением. Конечно, случались и скандалы, как без этого. Например, вчера подрались се-

стры Праско и Феня. Не поделили яркий цветастый платок, что привез от торговцев отец, кстати, для матери. Сестры просто выпросили платок у нее и теперь повздорили – кто надеет его первым. После ссор люди успокаивались, в отличие от Мате не желали беды ближнему.

В сезон лета занимались сбором ягод и грибов, скоблили камуса и шкуры, чтобы выгодно продать торговцам. Мужики охотились, ловили рыбу в озерах и на реке, следили за стадом. Таков быт северного человека.

В один из дней мимо Собачьего проходил аргиш нганасанов, они принесли весть о новом торговце, который привез много товаров, в том числе и блестящие украшения для женщин. Девки и молодухи стали вытаскивать из своих запасов лучшие шкурки песцов и белок. Отправили в факторию трех молодых охотников, наказав поменять шкуры на чай, муку и другие необходимые продукты. И только после этого взять безделушки для местных красавиц.

На каменистом берегу реки стояла готовая лодка – просторная, смазанная свежей смолой. Ребята расселись по местам, взмахнули веслами. Провожающие столпились у воды, махали руками и, перекрикивая друг друга, в сотый раз, напоминали, кому что привезти.

– Серго, не забудь – серьги должны быть с камнями! – орала дородная деваха.

Сидевшим в лодке надоели наставления близких, они налегли на весла, отдаляясь всё быстрее от галдевшей оравы.

Плыть против течения предстояло два дня. Солнце склонилось к закату, и ребята почувствовали усталость. Руки отекали от бесконечных взмахов, хотелось есть. Парни причалили к берегу. Выбравшись из лодки, принялись разжигать костер. Достали из сумки вареного мяса, лепешек, сытно поели. Молодой человек, которого звали Серго, сходил к лодке за брезентом, постелил на землю.

– Ефим, Борис, ложитесь, я посторожу у костра, потом разбужу тебя, Ефим.

Второй парень – Ефим – коренастый с кривыми ногами, согласно кивнул, улегся на брезент, моментально заснул рядом с засыпающим Борисом.

Ранним утром вновь продолжили путь в далекое село. Ближе к вечеру следующего дня показались деревянные постройки. Сидевший впереди Серго указал место остановки. Он не впервые выезжает в факторию и уже ориенти-

руется в местности. Парни прыгнули на берег, привязали лодку к колышку и, прихватив мешки со шкурами, поднялись по крутому склону, на котором и находилась фактория.

Село было небольшое: десяток домов и два барака для заезжих. Единственная главная улица, по которой бродит народ, занятый своими делами. Ребята безошибочно вычислили дом, где находился новый торговец. Там столпилась гурьба. Размахивали связками шкурок. Парни, работая локтями, протиснулись внутрь. За самодельной лавкой полноватый, среднего роста, с огненно рыжими волосами торговец считал шкурки белок. Его помощник, юркий, белобрысый мальчишка, кидал в раскрытый мешок, который держала женщина, плитки с чаем. Женщина, хоть и держала свой мешок, голову повернула к столу, где сверкали стеклянные бусы, кольца и прочая чепуха.

Серго вытащил шкурки песцов, бросил на прилавок. Глаза торговца алчно загорелись. Шкурки стоящие, не обычные белые, а большинство с голубым отливом. Попадались и редкие темно-коричневые...

– Что хотите за шкурки? – лъстиво заулыбался торговец.

– Сахару, чаю давай, муки побольше, не жалея. Шкуры хорошие, – по-русски проговорил Серго.

Они набрали кучу продуктов и еле смогли поднять мешки. Не забыли набрать и украшения для женщин. Сгибаясь под тяжестью ноши, отправились к лодке: нечего оставаться здесь. Соблазн один – напешься, порастеряешь мешки, лучше возвратиться домой. Они дошли до извилистой тропинки, спускающейся к реке, и тут Борис увидел Мате, сидящего на траве в кругу друзей-собутельников. Ребята сделали вид, что не заметили его, поспешили к лодке. Но острый на глаз Мате узнал своих. Пошатываясь, приблизился к ним.

– Набрали много товару, не поделитесь с бедняком Мате? – начал он разговор.

Ребята отмалчивались, не хотелось говорить с пьяным Мате. Он это понял. Суровые складки собрались между бровей.

– Не хотите разговаривать. Ладно, пусть так, жрите, пейте. Недолго вам осталось, – опять заладил свое Мате.

Парни уже отчалили от берега, а пьяница все не успокаивался.

– Плывите, скажите там в стойбище: Мате еще посмеется над вами!

И долго еще доносились с берега угрозы Мате.

В стойбище веселье. Женщины и девки примеряют украшения, навесили на себя кучу бус, примерили кольца и серьги. Серго и другие делят поровну на человека провизию, разносят по чумам. Вначале старикам, затем одиноким вдовам с детьми и только потом – остальным. Ефим отнес порцию продуктов в чум Григория. Тот до сих пор не отошел, ноги как колода, не чувствуют ничего. Парень подсел ближе к нему. Григорий просил рассказать, как они съездили. Ефим откликается на его просьбу, пересказывает. В конце рассказа спрашивает:

– Григорий, Мате опять грозит. Не накликал бы беду?

Мужчина вздрогнул. После случая с ним, он стал побаиваться Мате. И правда: он черный шаман, может наслать болезнь всему роду как ему, подумал Григорий. Сам вслух произнес:

– Не бойтесь, с нами шаманка Кыча, она сильнее.

Ефим успокоился, пошел дальше раздавать привезенные продукты.

Лето в северных широтах короткое. Не успели вдоволь обласкать землю солнечные лучи, как подул холодный ветер, чаще стал накрапывать дождь, с каждым разом все больше и дольше. Листья осыпались, приобрели красно-желтый цвет. Осень – пора рыбаков. Нужно уезжать на лов селедки. Стар и млад вышли на берег провожать их. Почти все рыбаки – молодежь. Их не будет до первых заморозков. Зато привезут вкусной, икристой рыбы, на всю зиму хватит. Караван лодок, груженных неводами и людьми, потянулся по реке.

Скучно в стойбище, малоллюдно, остались старики, женщины, да несколько молодых охотников, чтобы охранять покой сородичей от диких зверей. Когда начинало темнеть, собирались в чуме Григория – послушать старые легенды у яркого огня. Даже шаманка любит посидеть у очага, послушать байки земляков. Засиживались допоздна, пока не начинали слипаться глаза. Тогда расходились по чумам. Так обыденно проходил месяц. Дни стали короче, солнце почти не грело, быстрее опуска-

лось за горизонт, чтобы ярче засиять, когда придет весна.

Однажды, перед приездом рыбаков случилось неприятное событие. Когда река начала покрываться тонкой коркой прозрачного льда, приплыла лодка с тремя людьми на борту. Двое сошли на берег, третий остался в лодке. Он размахивал руками вдогонку своим спутникам, видимо указывал, как пройти к стоянке и не заблудиться.

Двое в штормовках и в зимних бокарях легко поднялись на макушку холма, скрылись в зарослях кустов. Мужчина в лодке уселся у кормы, прикрылся от холода медвежьей шкурой, затих, дожидаясь товарищей. Мужчины переговариваясь, постепенно приближались к стойбищу. Протопанная узкая дорожка указывала направление. С собой они несли лишь ружья, закинутые за спину. Дошли до озера, остановились. Со стоянки доносились обрывки разговоров и крики детей. Двое стали подниматься на пригорок. К ним с лаем кинулись собаки, намереваясь укунить за ноги. Мужчины сняли ружья и прикладами стали отгонять псов, пока мальчишки не успокоили их. Чужаки остановились, не доходя до чумов, устали на женщин, хлопотавших у очага. Из большого котла поднимался аромат вареного мяса, щекотал ноздри.

Люди Муно тоже с интересом разглядывали незнакомцев. Один из них, явно местный, чернявый, с узкими глазами, с маленьким без переносицы носом. Второй чужак – с большими глазами, носом похожим на клюв и рыжими волосами.

– Кто у вас главный? – спросил чернявый.

Одна из женщин бросилась к чуму шаманки. Старуха вышла, оперевшись на свою палочку, смотрела на чужаков.

– Кто вы такие, что вам надо?, – спросила Кыча

– Я Семен, сын Уйбана, мои родители живут в верховье реки, – сказал чернявый.

– Знаю твоего отца. Хороший человек. Так ведь сын его давно ушел с торговцами.

– Я вернулся. Теперь работаю с ним, – Семен указал на рыжего.

– Так что он хочет? – снова спросила шаманка.

– Шкурки песцов. Тогда ваши люди привозили ему необычные шкурки, он просит в долг.

– Скажи ему – мы не даем просто так. Пусть привозит товар, и мы поменяем.

Рыжий торговец не понимал языка и, толкнув плечом товарища, спросил:

– Что говорит эта лахудра?

– Просто не отдаст, говорит, товару нужно.

– Скажи – вернем с процентами.

Семен повернулся к старухе:

– Он в два раза больше даст товару, чем стоят шкурки.

Кыча покачала головой: не так просто обмануть старуху, и так меньше дают продуктов за такие шкурки.

– Нет, пусть везет товару.

Торговец понял, что им отказывают и, оттолкнув Семена, со словами: «Что с ними церемониться?», вошел в чум шаманки. Бессовестно копался в вещах, отыскивая шкурки.

– Что он делает? – удивилась Кыча.

Семен от стыда не знал, куда деться. Рыжий вышел, держа в руках шкурки.

– Смотрите, сколько гниет товару просто так. Давай, Семен, наберем шкурок.

– Ты обещал попросить у них, а не отбирать, – возразил парень.

Михаил Вальдемарович Гаюрский, так звали торговца, слыл среди купцов неvezучим человеком. Не было у него той хватки, что присуща людям, занимающимся коммерцией, к тому же был расточительным, любил кутить в увеселительных заведениях. Но самая главная беда его – игра в азартные игры. Не успевал он поменять меха на наличные, как, добравшись в край, тут же проигрывал все в карты и еще оставался должен кредиторам. Проценты росли неимоверно быстро, и теперь Гаюрский пошел на крайние меры – любым путем достать шкурки. Не получается похорошему, надо решить дело по-плохому.

Торговец подошел к Семену вплотную.

– Забыл, что я прогорел? Мне нужны шкурки, чтобы выгодно продать и рассчитаться с долгами.

– Я своих не граблю и тебе не дам!

Торговец сорвал с плеча Семена ружье и нацелил ствол на него.

– Кто мне помешает? – с ехидством спросил он. – Да я тебя, сопля, сейчас тут...

Договорить Гаюрский не успел. Меткий выстрел заставил его отбросить ружье. Он в испуге завертел головой, отыскивая взглядом стрелка.

Серго сидел за толстым стволом дерева. Вытащил использованный патрон. Снова зарядил одностволку. Знаком показал охотникам окружить стоянку. Они как раз возвращались из леса после проверки западней и капканов. Увидели, как чужак целится в другого, намереваясь застрелить. Охотники вышли из укрытия, держа ружья наготове.

Серго узнал рыжего, у него они брали товар и украшения девкам. Видимо, здорово ему понравилась пушнина, лежащая рядом в ногах.

Семен подобрал брошенное ружье и в свою очередь нацелился на хозяина. Торговец по лицам охотников не уразумел для себя ничего хорошего и, пятясь назад, отошел на край пригорка. Потом, развернувшись, побежал, чувствуя спиной нацеленные стволы. Уставший и запыхавшийся добрался он до лодки, влез в нее. Третий напарник сладко храпел под шкурой. Торговец со всего маху пнул лежащего по мягкому месту.

– Болван, Мате, ты ведь говорил, что в стойбище одни старики и девки.

Мате непонимающе хлопал глазами.

– Вставай, поплыли отсюда! – заорал торговец.

Мате схватился за весла. Пока плыли, Михаил Вальдемарович жестами и наполовину на местном наречии стал рассказывать ему о случившемся.

– Лучше я взял бы Мате, а не паршивца Семена, – изрек торговец, рассматривая свирепое лицо и злые глаза Мате. Такой запросто убьет и не поморщится.

В стойбище охотники ужинали, накормили и Семена. Тот все оправдывался.

– Я не знал, что он начнет грабить. Он говорил, что попросит в долг, а не дадут – уплыvem.

– Кто указал вам путь? – спросила шаманка.

– Мате. Он сдружился с хозяином и сказал, что у людей Муно много красивых шкурок.

– Опять этот Мате, – покачала головой Кыча. – Что ты дальше будешь делать? Хочешь, оставайся у нас, – предложила старуха.

– Нет, поплыву к родителям, буду кочевать с ними. Если дадите лодку, буду благодарен.

Утром все вышли проводить Семена. Дали ему запас продуктов. Двое охотников пошли с ним к реке. Дали крепкую лодку. Семен уп-

лыл. Он никогда не забудет добрых людей рода Муно.

А в стойбище снова радость. Вернулись рыбаки, прибавилось работы у людей. Уйму селедки привезли, нужно насолить, накопить.

Зима наступила неожиданно. Резко подул северный ветер. Крупные снежинки закружились, оседая на землю, окрасили ее в белый цвет. Больше не будет таять снежок. Зима вступила в свои права. Вскоре поднялась вьюга. Люди сидят в чумах у жарких очагов, не высовываются на улицу, разве только набрать дров и занести водицы.

Григорий сидит у огня, ремонтирует старые лыжи для сородичей. Уход за ним хороший, постоянно кто-нибудь рядом. Григорий кладет лыжу на неподвижные ноги, забивает острый гвоздь в сухую древесину. Вместо молотка – тяжелый булыжник. Он размахивается и нечаянно попадает себе по ноге. Боль пронзила его. Григорий не может поверить. Слезы радости навернулись на глазах. Если чувствуешь боль, значит ноги оживают.

– Скорее позовите шаманку, – просит он.

Женщина отложила мокрую тарелку, вытерла руки и, натянув парку, вышла из чума. Несмотря на вьюгу, шаманка пришла в сопровождении сиделки Григория.

– Мои ноги, они чувствуют боль, – сказал он, как только вошла старуха.

Кыча присела у его ног. Стала ощупывать ступни, поднимаясь выше, при нажатии пальцем Григорий морщится.

– Проклятье снято. Ослабел Мате, духи отворачиваются от него. Скоро будешь снова ходить, – произнесла шаманка.

Весть об исцелении Григория вмиг обошла стойбище. В чум охотника пришли сородичи. Все искренне радуются. Ефим пытается поставить его на ноги. Григорий падает.

– Не трогай его. Должно пройти много дней, и он сам встанет, – говорит шаманка.

Толпа немного пошумела, и, пожелав Григорию быстрого выздоровления, разошлась по своим чумам. Счастливый больной опять принался за лыжи.

В этом году зима выдалась суровой. Морозная стужа сменялась пургой. В затишье охотники уходили на промысел. Приносили убитых волков. Разделявали на снегу, мясо с

костями кидали собакам, шкуры чистили, скоблили, чтобы продать в торговом пункте.

Серго тоже собрался проверить петли на куропаток. Надел лыжи, скользнул с пригорка. Решил в первую очередь посмотреть капканы. Серго минул озеро, легко бежал по твердому насту. Уже скрылись вдалеке острые верхушки чумов, когда парень остановился у первого капкана. Серго с досадой плюнул, песец отгрыз себе лапу, убежал. В зубьях лишь передняя лапа и застывшие пятна крови. Серго щурится, в глазах резь от белизны снега. Только кое-где торчат в сугробах заиндевевшие кусты. Вдруг вдали молодой охотник увидел движущегося ему навстречу человека. Серго поспешил навстречу. Человек упал, да так и остался лежать в снегу вниз лицом. Серго подошел, склонился над ним, прикоснулся к лицу незнакомца. Человек одет в длинный, не по росту, сокуй. Парень осторожно перевернул его. Ульяна, жена Мате, еле шевелила замерзшими губами, пытаясь что-то сказать. Серго поднял женщину на руки, заторопился назад в стойбище, пока она совсем не очурилась на морозе.

Когда дошли до пригорка, Ульяна согрелась на широкой груди парня и уже могла тихонько идти сама. Серго проводил ее до своего чума, где жил с матерью и отцом.

Сам пошел звать шаманку, может, обморозилась совсем Ульяна. Женщину положили подальше от очага – нельзя близко к огню, кости так зануют, хоть волком вой.

Шаманка пришла, намазала побелевшие участки кожи вонючей мазью, которую делала сама, дала попить горячего бульона. Ульяна отпила, присела на шкурах, с благодарностью посмотрела на Кычу и родителей Серго. Она рассказала, что Мате совсем спятил от пьянства, приучил к зелью сына Васеньку и вместе пьют эту гадость. Житья не стало Ульяне, хлеще стал бить её муж и сын добавляет – ударит мать по лицу и прячется за спиной отца.

Мате не оставляет ребенка с ней, таскает за собой. Ходят вдвоем в тундру шаманить. Все пытается наслать беды на род Муно. Ульяну выгнал, взял себе жену помоложе, не отказывающуюся с ним выпить. Вот и вернулась Ульяна в родное стойбище.

– Правильно сделала, дочка. Не место тебе рядом с Мате, – произнесла шаманка.

Она укутала женщину потеплее, дала попить снадобье и вышла из чума. По пути заглянула к Григорию. Он сидел и разминал ноги, как показывала Кыча. Старуха под села ближе к огню.

– Слушай, Григорий, – начала шаманка. – Вернулась Ульяна. Прими к себе в чум. Один живешь, будет помощницей.

Григорий перестал мять ноги, потянулся за трубкой, пока раскуривал – молчал, обдумывал предложение шаманки. Затем сказал:

– Пусть живет. Твоя просьба для меня всегда в радость, Кыча.

Так и осталась Ульяна в чуме Григория. Она оказалась чистоплотной, хорошей хозяйкой. В чуме прибрано. Григорий ухожен, сияет, словно медный таз. Ульяна пылинке не даст сесть на него. Он рад такой заботливой подруге. Сама Ульяна стала разговорчивей, общительней с другими. В былые времена Мате не позволял ей поболтать со сверстницами, а ведь она молода, тридцати еще нет. Только иногда ночами Ульяна плачет у себя на лежанке. Жалеет сына, ставшего непутевым и жестоким как отец.

Ближе к весне, благодаря заботе Ульяны и лечению шаманки, Григорий стал подниматься. Пробует делать шаги, заново учится ходить. А весной, когда зажурчали первые ручьи и начали проклевываться почки на кустах, он самостоятельно вышел на свежий воздух, вдыхая аромат весны и греясь на солнышке.

Оживленнее стали люди, не сидят в прокопченных чумах, даже престарелые старики повылазили на встречу с солнцем. Приятно сидеть на поляне, слушать щебетание птиц. Не только люди встрепенулись от зимних дней, проснулись и голодные медведи, шастают неподалеку в поисках пищи. Опасно становится в стоянке. Мужчины охраняют жильё. Полно работы охотникам. Приходилось следить за стадом, беззащитным от диких зверей, вдобавок начался сезон охоты на гусей и уток, прилетевших из теплых краев.

Григорий собрал возле себя подростков. Мастера из досок макеты уток, чтобы охотники клетком заманивали ближе к макетам глупых птиц.

Снег тает на глазах. Проталины расширяются, от них идет пар. Земля словно дышит, отходя от тяжести снегов. Детишки собирают прошлогоднюю чернику. Пригоршнями кладут в рот, жмурясь от удовольствия. Мелкие озера

оттаяли. Вскоре пришел черед и Собачьему озеру. Засверкала на солнце вода, покрылась легкой рябью, будто радуется освобождению от крепкого льда. Скоро на реке тронется лед. Ребятишки побегут глазеть, как глыбы льда, догоняя и надвигаясь друг на друга, уносятся течением вдаль.

Женщины занялись грандиозной уборкой. Выносят сырые, прокоптелые шкуры на улицу – пусть их обсушат теплые ветры. Ульяна тоже вынесла почти всю утварь. Григорий помогает ей, трет песком до блеска черные от сажи чайник и кастрюли.

Не может пока Григорий охотиться – ноги быстро устают при ходьбе. Ульяна подметает мусор, и щепки только так летят из открытого полога.

Счастливы люди Муно, но счастье их недолго.

Весна отступила, жаркое сухое лето заняло ее место. Народ изнывает от палящего солнца, прячется в темных чумах.

Ульяна сидит возле чума у очага, кипятит воду в чайнике: Григорий попросил крепкого чаю. К ней под села Агафья. Ее муж уже месяц как ушел на факторию и не вернулся. Агафья жалуется – сердце щемит от тревоги. Ульяна успокаивает, как может.

– Не бойся, придет твой Митя. Никуда не денется.

Действительно, через пару дней приплыл Митя. Его лодку, проплывавшую мимо, увидели рыбаки. Побросав сети, мужики догнали лодку. Внутри, скорчившись, лежал Митя – весь желтый, горячий как огонь, бредил и кричал, отмахиваясь от рыбаков. Перенесли его в чум. Агафья не отходит от мужа. Больной не ест, не пьет, живот вздулся.

Кыча выгнала всех из чума, камлает у постели Мити, готовит снадобье. Не помогла ему шаманка. Скончался Митя, не приходя в себя, а вскоре слегла и Агафья, как и муж пожелтела вся.

Шаманка недоумевает. Впервые видит такую болезнь. Когда заболели в двух соседних чумах, старуха запаниковала. Собрала сородичей.

– Беда пришла, люди. Мор появился в стойбище.

Люди испугались, скрылись в своих чумах. Отказываются подходить к умирающим, больные так и остаются лежать в своих чумах. Рой мух копошится внутри. Вонь распространяется по стойбищу. И пошла гулять неведомая болезнь, косит костистой лапой людей. Пустынно в стойбище, тихо, лишь писк комарья и жужжание мух заполнили воздух.

Некому следить за стадом, безнадзорные олени разбрелись по местности, уходили дальше в тундру. Некоторые сородичи стали покидать родное стойбище. Они больше не верили шаманке Кыче, считали, что сила ее ослабла. Старуха не могла остановить людей, осталась одна с несколькими преданными ей земляками. Среди них Григорий, Ульяна, Серго.

Остатки рода собрались в чуме шаманки. Внутри полутемно. У потухшего очага, скрестив ноги, сидит Кыча. Скрюченные пальцы сжимают бубен с колотушкой, который издает монотонное звучание. Она камлает, покачиваясь, поет. Голос звучит громко и плавно переходит почти в шепот. Старуха одета в летнюю парку, грудь украшает нагрудник, поблескивающий серебряными пластинами с изображениями зверей и птиц. На голове с длинными седыми космами ободок с такими же пластинами, на плечах накидка из шкуры росомахи. Она подняла свое худое лицо, взгляд остановился на кучке людей, сидящих рядом. Старуха поежилась, поправила накидку, прошамкала:

– Духи отвернулись от нас. Все мы скоро умрем.

В чуме поднялся плач, последняя надежда растаяла, как дым. Женщины заголосили, прижимая к груди детей. Мужчины свесили головы, изредка смахивали слезы. Шаманка опустила голову, ее мало интересовала собственная болезнь и смерть. Душу жгло бессилие, что не может помочь сородичам. Стадо ушло. Многие убежали, и дальше будут распространять заразу. Маленькая, сгорбленная, она вся съезжилась. Ничего не осталось от былой властной шаманки, державшей власть над сородичами много лет.

Сломленные горем люди не заметили, как в приоткрытый полог протиснулся высокий мужчина, одетый в одни холщовые штаны. Остановился в проеме, со злой усмешкой смотрел на них. Узкие щелки глаз излучали радость. Он откашлялся и громко произнес:

– Ну что, старуха, где твои духи? Почему не излечат тебя?

Шаманка посмотрела на говорившего. Выражение безразличия отразилось на её лице, она узнала Мате.

– Не радуйся, Мате, и твой конец близок, и после смерти не будет тебе покоя.

Пьяница вздрогнул (все-таки он побаивался Кычу), стал нервно тереть на голой груди своего янтарного паука и, нарочно придав голосу твердость, заявил:

– Я великий шаман, принесший вам болезнь и голод. Вы изгнали меня. Теперь я смеюсь над вами, червями.

– Будь ты проклят, Мате, – устало произнесла шаманка.

Сородичи вслед за ней, как заклинание, произнесли слова проклятия. Ульяна схватила мужа за штаны, пытаясь завалить ненавистника, задушить, изорвать на мелкие куски.

Он со злостью отпихнул ногой протянутые ослабевшие руки. Изрыгая ругань, выскочил наружу. Там он остановился, как сыч покрутил башкой, осматриваясь по сторонам. Неподдалеку лежала вязанка хвороста. Мате подскочил, сгреб охапку, лихорадочно принялся стелить вокруг чума, затем поджег.

Сухая древесина вспыхнула. Огонь медленно, потом быстрее охватил чум. Внутри раздались крики живьем горевших людей, но никто даже не пытался выбраться из пламени. Мате постоял и вскоре зашагал прочь, оставляя позади смерть своего рода.

.....

Зима выдалась снежной, и упряжка двигалась медленно, увязая в рыхлом снегу. Мужчина на нартах яростно размахивал хореом, часто подскакивал с места, вытаскивая полость саней из сугроба. Человек торопился. Смеркалось, когда сани выбрались на более твердый наст. Каюр ткнул хореом в бок вожака, олени помчались быстрее.

Бригадир оленеводческой бригады Иван сидел, запахнувшись потеплее в шубу. Его клонило в сон. Но он старался не заснуть и подгонял оленей, чтобы быстрее добраться до поселка. Там ждала его умирающая бабка. Иван рано остался сиротой, родители погибли во время рыбалки, перевернулись на лодке. Растила будущего бригадира бабушка по от-

цовской линии. Вот теперь ее не станет. Ивана срочно вызвали по рации. Не откладывая, сразу собрался. Оставил вместо себя старого оленевода Петра.

Уже затемно вдали замерцали огни села. Олени почуяли жилье, ускорили бег. Иван ослабился, прикрыл веки. Он вспомнил свою бабушку Таты, веселую шустрю старуху.

Маленькая, сухонькая она целый день допоздна вела хозяйство, что-то стряпала, готовила, перешивала ему вещи и всегда – с улыбкой. Бывала и строга, поблажек ему не давала. Поэтому Иван рос самостоятельным и строгим к себе. Не зря в двадцать с небольшим его поставили возглавлять бригаду, хотя и самую маленькую по численности поголовья. Старая Таты была рада, и одновременно ее опечалило назначение внука. Теперь Иван больше времени будет проводить в тундре среди оленей, а старая Таты останется в одиночестве. Она делится с соседями новостью:

– Мой Ваня бригадир, скоро уедет, останусь одна на старости лет.

Соседка Нюра успокаивает старуху:

– Будет часто приезжать, зато у тебя будет вдоволь мяса и жирной рыбы.

Таты улыбается, щурясь, смотрит на дорогу – не идет ли внук. Улица пуста, лишь бегают с чавканьем собаки, дерутся из-за кости. Другая соседка Капа подходит к Таты:

– Слышала, новая медсестра у нас работает. Красивая, мужики глаз не отводят. Начнет вертеть хвостом.

– Все ты, Капа, знаешь. Может скромница она. Ладно, пойду, надо камуса скоблить.

Таты поплелась к крыльцу, охая, взобралась по ступеням, держась за поясницу. В доме возле печи кучка камусов портила неприглядным видом уютную кухню. Старуха села на низкую скамейку, положила на колени длинную доску, взяла камус и скребок, принялась за работу. Возле дома залаяла Умка. Внучек идет, заулыбалась Таты. На крыльчке раздались быстрые шаги. Иван влетел домой, не останавливаясь, пробежал в свою комнату.

– Бабушка, где мои новые рубашка и штаны? – донеслось до Таты.

– В шкафу лежат. Что случилось?

– Палец загноился. Пойду в больницу.

Таты отложила скребок, вспомнила новость Капы, усмехнулась:

– Когда тебя собака укусила, не ходил к доктору.

– Так я скоро уеду, кто меня в тундре лечить будет? – Стал объяснять непонятливой бабушке Иван.

– А то правда, иди внук, – испугалась Таты.

Иван переоделся, вышел, не спеша зашагал по запыленной дороге к больнице. Стояла жара. Иван отмахивался руками от назойливых комаров. На самом деле его мало интересовал палец. Хотелось увидеть новую медсестру. Мишка Турдагин говорит: красавица, какую не видел никогда.

Иван вошел в пропахшее лекарством помещение. В небольшом коридоре сидело мало народа, в основном мамы с детьми. Иван уселся на стул, дожидаясь своей очереди. Минут через двадцать его вызвали в кабинет.

За столом сидела врач пенсионного возраста Лидия Степановна. Она посмотрела на вошедшего поверх очков.

– Садись, молодой человек, что беспокоит?

– Палец болит, – Иван протянул руку, оттопырив большой палец.

Врач осмотрела ранку.

– Ничего страшного. Иди в соседний кабинет, там наложат мазь, – и добавила, что за один день вся молодежь мужского пола вдруг разболелась.

Иван поспешил в другую дверь с надписью «Процедурная». Медсестра стояла к нему спиной, раскладывала таблетки. Иван устался на длинную до колен косу. Девушка повернулась.

– Что вы хотели? – спросила она.

Голос хриловатый, но приятный.

– Мне палец забинтовать, – пролепетал оробевший Иван, чувствуя что краснеет.

Пока сестра перевязывала палец, Иван, не отрываясь, смотрел на нее. Хороша. Девушка и в правду отличалась необыкновенной красотой. Миндалевидные глаза с длинными пушистыми ресницами, прямой нос, пухлые губы бантиком, на щеках ямочки и ростом не обижена – почти на уровне самого Ивана, а фигурка хрупкая. После перевязки Иван, поблагодарив, пошел к двери. Остановился.

– Как зовут тебя?

– Анной, – тихо ответила девушка.

– Меня Иваном, – сказал он, выходя из кабинета.

Дома за обедом Таты спросила о пальце.

– Ничего страшного. Сказали на перевязку ходить, – соврал Иван, хотя ничего такого врач

не назначала, просто дала мазь с бинтом и велела делать самому перевязки.

На следующий день он снова явился в больницу. Анна удивилась:

– Что опять случилось?

– На перевязку пришел, – заявил Иван.

– Сам не можешь?

– Не умею. Дома бабушка, она тоже не умеет.

Так и бегал он в больницу, пока палец окончательно не зажил. Прошла неделя, до отъезда оставалось не так много времени, а Иван не набрался храбрости предложить Анне проводить её домой. У Ивана теперь разболелась нога. Войдя в кабинет врача, он поохал для приличия, потирая колено.

– Я не вижу у тебя ничего серьезного, – сказала Лидия Степановна, ощупывая ногу.

– Болит сильно. Дайте справку о нетрудоспособности, – закончил Иван.

Врач улыбнулась.

– Ладно, недельку отдохни, – и села писать ему справку.

Иван взял бумажку и по забывчивости, чуть не бегом намерился выскочить из кабинета. Вовремя вспомнил о ноге, удержался. Он заглянул в процедурку. Анна писала за столом.

– Привет, – поздоровался Иван.

Девушка кивнула. За все дни перевязки они успели поближе познакомиться. Иван узнал, что она из соседнего села, приехала на практику, может, если понравится, остаться здесь.

– Анна, можно тебя проводить после работы? – осмелился Иван.

Девушка смутилась, захлопала длинными ресницами.

– Не знаю, удобно ли, я ведь здесь недавно.

– Наоборот, все нормально. Я буду ждать! – воскликнул Иван и снова убежал.

Анна отложила ручку, повернулась к окну. За стеклом мелькнул Иван, помахал рукой. Девушка задумалась: «Месяца нет как приехала, злые языки будут судачить, увидев нас вместе». Но Анна ничего не могла с собой поделать, Иван прочно засел в сердце. Она хоть и блистала красотой, но была обделена вниманием мужчин. Они заглядывались на нее, только не подходили, тем более руку и сердце не предлагали. Может, боялись быть отвергнутыми. Природная скромность Анны со стороны выглядела гордостью и надменностью. В медучилище, где Анна училась, девчонки однокурницы бегали на танцы, имели парней.

Она корпела над книгами, сидела днями в комнате, редко выходила на прогулку. Анна склонилась над тетрадь. «Хватит, нужно и о себе подумать, а то останусь старой девой,» – решила она.

Вечером Иван ждал ее у крыльца больницы. Капал мелкий дождь. Небо разделилось на две половинки: одна часть сияла голубиной, другую покрывали серые тучи. Анна вышла, подняла воротник плаща. Иван подал руку, и она после секундного колебания протянула свою ладошку.

Девушка жила у тетки в самом конце села. Нужно пройти всю главную улицу. Возле конторы находилась волейбольная площадка. У ее сетки с двух сторон стояли парни и девчата, с азартом перекидывая мяч. Анна с Иваном проходили мимо и обратили внимание на то, как перестала играть молодежь и уставилась на них. Парни с завистью, девчата с затаенной обидой. Иван-то симпатичный, и многие особы женского пола желали быть с ним. Иван проводил Анну до дома. Договорились встретиться завтра, пойти погулять на берег реки – излюбленное Иваном место.

Утром Таты еле добудилась внука.

– Вставай, сатана, в контору зовут.

Иван сел в кровати, встряхнул головой, отгоняя остатки сна. Оделся и, не позавтракав, поплелся в контору, не забывая при этом хромать. Зашел в контору. Удивительно тихо, лишь за дверями кабинетов слышен стук печатных машинок. Обычно здесь толпа зевак. А сейчас у двери кабинета директора никого. Ивана обрадовало такое обстоятельство, а то повседневно мужики атакуют директора, заваливают своими проблемами. Иван спросил разрешения у секретарши, она кивнула. Директор, высокий худой человек в мешковатом костюме, приветливо улыбнулся, указал на стул.

– Говорят, ты заболел? – спросил он.

– Да. Вот справка, – Иван подал бумажку.

– Ничего, лечись. Ты нам нужен здоровым, а пока дед Петр справляется, – директор потрепал Ивана по плечу.

Они немного побеседовали о предстоящей работе в должности бригадира, затем Иван ушел отлеживать свой больничный. Сначала Ивану хотелось быстрее уехать в стойбище, а теперь, после знакомства с Анной, не хотелось покидать девушку. Вдруг отобьют – парней со смазливými рожами полно.

После вылеченного колена он решил симулировать гастрит желудка, так подсказала Анна. Но в очередное посещение больницы Лидия Степановна попросту выставила его за дверь.

– Работать пора, а не шуры-муры разводить! – крикнула она вслед пристыженному бригадиру.

Пришлось Ивану готовиться к отъезду. Старая Таты собрала целый мешок теплых вещей. Завтра должен прилететь вертолет, отвезти оленеводам продукты, заодно забросить Ивана на его точку. Грустный и поникший бригадир переоделся в чистое, собрался на последнее свидание.

– Пошел я. До утра не жди, – сказал он бабке.

Всю ночь влюбленные бродили по каменистому берегу, смотрели на реку с серебристой дорожкой от лучей солнца. Ушли далеко от села. Погода была теплая, самая подходящая для длительного свидания. Иван остановился у кустов ивы, обнял девушку.

– Будешь ждать до осени?

– Ты как думаешь, – игриво спросила Анна.

– Знаю, будешь. Мы поженимся. Ты моя невеста, я твой жених.

Счастливая Анна прижалась к нему.

– Приезжай скорей.

Утром Иван улетел. Таты одна осталась у взлетной площадки, всматриваясь в улетающий за горизонт вертолет. Таты смахнула слезу, повернулась и столкнулась с новой медсестрой.

– Ты что стоишь, дочка?

– Жениха своего проводила.

Старуха оторопела, глаза округлились.

– Кого это? Ивана что ли?

Не любительница сплетен Таты всегда поздно узнавала новости. Все село знало о встречах Ивана с молоденькой медсестрой. Старухе не говорили, знали: Таты не любит слухи, вот увидит своими глазами, тогда поверит. Иван тоже не рассказывал об Анне, а то что пропадал дни и ночи, старуху не беспокоило, привыкла что Иван с детства бродяга.

Анне стало не по себе, поняла поздно, что перед ней бабушка Ивана, думала – просто стоит себе бабуля. Девушка не всех знала в лицо. Старая Таты не ходила в центр, не делала покупок в магазине, все входило в обязанности внука. В больницу тем более не обращалась, лечилась сама по своим рецептам.

Сидела всегда возле крылечка, поэтому Анна не знала старуху. Девушка не делала тайны из своей любви к Ивану. На вопросы отвечала прямо – Иван мой жених. А сейчас Анне почему-то стало стыдно. Не ответив на вопрос, она торопливо отвернулась и зашагала. Всю дорогу винила себя за свой длинный язык.

Таты, усталая, вернулась домой. Ей, не выходящей дальше своего порога, дорога от посадочной площадки показалась вечной. Старая Таты присела на ступеньки. Слова Анны не выходили из головы. Мимо проходили земляки, здоровались с ней. Старуха рассеянно кивала. Наконец она увидела ту, которую жаждала встретить. Капа шла с необъятными сетками в обеих руках к дому, стоящему рядом с четырехквартирным домом Таты.

«Вот и местная сплетница идет – спрошу у нее», – подумала старая Таты и окликнула женщину.

Неповоротливая толстуха Капа поставила на землю сетки, засемила к Таты.

– В магазине такая очередь, духота страшная, – затараторила она. Капа всегда разговаривала странно: начинает говорить одно, заканчивает другим и не в тему.

– Капа, мой Иван дружит с новой медсестрой? – спросила Таты.

– Не знала, да? Любовь у них. А хлеб такой хороший завезли.

Таты поморщилась от болтовни Капы. Женщина, обмахиваясь платком, снова завелась.

– Внучат жди или правнуков.

Старуха больше не слушала. Глаза заблестели, широко улыбается беззубым ртом. Наверно хорошая девка. Иван плохую не выберет.

Дни для Таты и Анны тянулись слишком медленно.

А время все-таки бежало. Пролетело лето, пришла власть осени. Листья пожелтели, осыпались. Земля замерзла, покрылась инеем. Когда выпал первый снег, вернулся Иван, и в тот же день привел Анну вместе с пожитками к себе домой.

Через месяц сыграли свадьбу. Пригласили родителей Анны. Гуляло все село.

После женитьбы Иван снова вернулся в стойбище. Временами приезжал на упряжках встретиться, как он любит говорить, со своими девочками.

Таты вначале встретила Анну с распротертыми объятьями.

– Вот и помощница мне, а заболēju и доктора звать не надо, – поговаривала она.

Так и жили. После работы Анна, придя домой не отдыхала, начинала помогать старой Таты. И камуса помнет, и починит старые торбоса мужа. Идиллия в семье продолжалась целый год.

В канун очередного праздника накрыли стол, созвали гостей. Анна вышла к ним в новом платье с глубоким декольте. Гости восхищались красотой девушки. Таты тоже заулыбалась, повернулась к ней, и улыбка вмиг сошла с ее лица. Старуха смотрела колючим взглядом на грудь Анны, точнее на амулет.

– Откуда у тебя это? – указала Таты.

Анна растерялась под строгим взглядом, еле слышно пролепетала:

– От матери досталось, сказала, по родству переходит.

– Проклятое отродье, – вымолвила Таты и, отвернувшись, ушла в комнату.

Как ни звали ее гости, к столу старуха так и не вышла.

С тех пор Таты словно подменили. Добродушие сменилось постоянной ворчливостью и придирками по пустякам. Доставалось все злополучной невестке. Анна не понимала причину такого отношения к себе, лишь догадывалась, что связана она с амулетом. Только причем тут она?

В семье, где росла Анна, не принято было говорить о происхождении амулета. Мать никогда не вспоминала, кто ее предки, даже о родителях неохотно рассказывала. Когда тяжело заболела, она с каким-то облегчением сунула дочери амулет и просила не показывать никому. При выздоровлении амулет обратно не взяла.

Только раз нарушила Анна запрет в тот праздник. На душе стало муторно, и после очередной моральной взбучки Анна ревела. По ночам, когда Иван возвращался из тундры, тихонько жаловалась мужу. Он успокаивал ее, просил не обращать внимания на бабу, ссорится с Таты не хотел и в конфликт не вступал. Терпения Ивана хватило на месяц. А потом он узнал о коварстве бабушки. Таты подговорила местную гуляку Натаху охмурить парня, и тогда отродье Анька из ревности сама уйдет от внука.

Наталья старалась больше недели, строила глазки, звала Ивана к себе в гости выпить по рюмашке. Затем поняла – пустое это занятие, и по пьяни призналась ему во всем.

Иван пришел домой, оскорбленный поведением Таты. Высказал бабушке все обиды, причиненные жене. Таты слушала, не перебивала, села на скамейку, указала внуку на стул. Иван, бухча себе под нос, уселся, выжидательно глянул на нее.

– Оставь Аньку – ненавистного роду она. Ее предок извел наш род: наслал болезнь, сжег последних людей Муно. Злой был шаман, черный. Моя прабабка тогда спаслась, еле вылезла с ребенком из горевшего чума. Ненависть наша переходит из поколения в поколение, – старуха вздохнула тяжело, продолжила, – Даже не в этом дело. Проклято его семя. Не будет счастья тому, кто породнится с ним. Видел паука на шее Анны? Это от шамана. Говорят, его дух бродит на мертвом стойбище, и нет ему покоя.

Атеист Иван усмехнулся, не принимая всерьез слова бабушки.

– Сказки не рассказывай и давай кончай Аньку обижать. Может, кто поджег твою бабу, а ведешь себя так, будто тебя хотели поджарить.

После этого разговора Таты поубавила свой пыл, только игнорировала Анну, не откликаясь на ее житейские вопросы, словно она пустое место. Жить стало вместе невмоготу.

Весной Анна уволилась с работы и поехала в бригаду мужа, в должности чумработницы.

Олени остановились у крыльца. Иван слез с нарт, привязал упряжь, закинул на спину мешок с отборной рыбой. Поднялся по ступеням, открыл дверь. На кухне у печи стояла соседка Нюра, помешивала в кастрюле варево. Когда Таты слегла, он оставил бабу на попечении соседки. За заботу привозил оленину и жирных чиров.

Нюра поднесла к губам палец, как бы прося быть потише, и шепнула, что больной сделали укол, и она уснула. Иван разделся, прошел в комнату, осторожно присел на край кровати. Старуха лежала, укутанная ватным одеялом, с трудом дышала. Худое, изможденное болезнью лицо осунулось. Она казалось, почувствовала

приезд внука, веки дрогнули, глаза открылись. Сухоньякая рука легла на протянутую ладонь.

– Приехал, родной, попрощаться со старой бабкой, – еле слышно произнесла Таты.

Она с нежностью посмотрела на внука – высокого, с черными волнистыми волосами. Нос, такой же, как у отца, с горбинкой. Карие глаза чуть с прищуром смотрели на нее.

– Лежи, не разговаривай, береги силы.

Иван поправил сползшее одеяло. Противный комок встал в горле. Иван судорожно сглотнул, не выдержал, слезы закапали по щекам. Он прижался губами к старушечьей руке.

– Прости меня. Иногда был грубым с тобой...

– Ты хороший. Прошу, будь с Анной осторожен. Плохое семя, ох плохое...

Таты снова забылась в бреду, посылая неведомому проклятья.

Через день Таты умерла. После похорон собрались в опустевшем доме Ивана на поминки. За столом чинно сидели старики, сверстники самой бабки, вполголоса переговаривались между собой. Вспоминали о молодости Таты, какой доброй женщиной она была. Как говорится, о покойнике либо хорошо, либо ничего. Иван сидел, опустошенный потерей, уставился в одну точку перед собой, и только когда опустилась чья-то рука на плечо, поднял голову. Позади него стояла полная женщина средних лет.

– Как мои сыновья, Ванюша? – спросила она.

– Нормально, работают хорошо, здоровы.

– Ты уезжаешь завтра, я отправлю с тобой посылку.

– Конечно.

На том разговор закончился. Гости посидели, напускали слез и разошлись по домам. Иван помог женщинам прибраться и, после их ухода, лег спать: завтра в дорогу.

Утром Иван заскочил в магазин, набрал продуктов. По пути зашел к Степаниде, матери его пастухов-братьев, взял посылку. Придя домой, попил чаю. Затем уложил в нарты продукты, заколотил досками двери, предварительно навесив амбарный замок, закрыл ставни и к полудню отбыл в стойбище.

Пастухи радостно встретили Ивана. Для приличия посокрушались о кончине Таты, хотя толком ее не знали, годами аргишили по тундре и выезжали в село только по необходимости.

Грустит Анна. Все-таки, Таты раньше хорошо относилась к ней. Стала накрывать на стол. Нарезала привезенный хлеб, поставила тарелку с жирной строганиной, тут же появились дымящиеся сочные языки на подносе. Иван из мешка достал водку. Обычно он не одобрял пьянок, но по такому случаю можно, решил бригадир.

За едой собрались все. Рядом с Иваном сел Петр, самый опытный оленевод лет шестидесяти со все еще крепким жилистым телом. Умные глаза пронзительно смотрели на каждого, никто не мог долго выдержать его взгляда. Седая жидкая борода смешно топорщится, он поглаживает ее мозолистой ладонью, пытается уложить – не получается. Далее за столом расположился Аркаша – тощий мужичок средних лет, вечно кашляющий. Иван неоднократно посылал его в район на обследование. Бесплезно, оленевод ни в какую не соглашался, предпочитая жить и умереть в родной стоянке. Рядом с ним сидели братья Степа и Костя, отличающиеся между собой характером и внешностью. Степа – толстый коротышка с круглым, как блин лицом, узкие без выреза глаза, пуговкой нос. Пентюх и весельчак. Костя невысок, среднего телосложения с круглыми грустными глазами, светлой курчавой шевелюрой. Младше брата года на два. В селе поговаривали, что их мать согрешила с русским, вот и получился Костя. Парень замкнутый, неразговорчивый, слишком серьезен, сам себе на уме.

Засиделись допоздна. Анна успела еще долить керосин в лампу. Мужчины и не собирались ложиться. Захмелевшие, перебивая друг друга спорили о своем. Иван трезвый наблюдал за ними, слушал в пол-уха. Когда уставшие от перепалки спорщики умолкли, Иван заговорил:

– После сорока дней Таты будем аргишить на Собачье озеро.

Пастухи остолбенели, уставились на бригадира.

– Зачем? – заикаясь спросил Аркаша.

– Ягелю мало, зима в самом разгаре. На Собачьем навалом еды для стада. Земля не истоптана, можно надолго остаться там.

– Можно и навсегда, – бросил Петр и продолжил – Зачем нас на погибель тащишь? Слышал ведь, место нехорошее, люди не возвращаются оттуда.

– Говорят, там раньше стойбище было. Теперь назвали его мертвым, – заплетающимся языком подал голос Степа и пьяно захихикал.

Иван психанул. Он вообще отличался вспыльчивым, необузданным характером. Если Иван что задумал, не успокоится пока не осуществит свои планы.

– Я комсомолец и рассказням старух не верю! Кто не желает – скатертью дорога. Других наберу, – рявкнул бригадир.

Затихли остальные. Однако молчание длилось недолго. Очередная бутылка – и пастухи согласились пойти с Иваном хоть на край света. Только старый Петр неодобрительно помалкивал, теребя свою бороденку.

Проснулись с больной головой. Степа лежал, уставившись в потолок, смутно припоминая, как расходились по балкам. Брат сидел за столом, как всегда уткнувшись в книгу, что прислала в посылке мать. На полу валялся Аркаша. А он что тут делает? У них же с Петром свой балок?

Аркаша заворочался, нудно раскашлялся, потянулся за водой. Ведро с ковшом стояло рядом. Аркаша напился и, кряхтя, опять растянулся на полу.

– Шел бы ты в свой балок, раскашлялся тут. Итак голова раскалывается, – сказал Степа.

– Не могу. Ноги не держат, – простонал Аркаша.

– Слышь, Костя, что там Иван говорил о Собачьем?

– Аргишить собирается, – буркнул брат, не отрываясь от страниц.

– Ты согласился? – снова спросил Степа.

– Да, – был короткий ответ.

– Аркаша, пойдешь на Собачье?

– Куда я денусь, пойду, страшно только.

Аркаша с трудом встал, натянул бокари, собрался на улицу.

– Подожди. Вместе пойдем, есть хочу.

Степа оделся, оба вышли на свежий воздух. На морозе почувствовали себя лучше. Дошли до балка-столовой, где хлопотала Анна.

– Кушать хотим, – с порога заявили пастухи.

– Ешьте, суп на печи.

Анна только что подмела полы.

– Притазились, оглоеды, – прошептала она.

Степа с Аркашей загремели посудой, накрывая на стол.

– Иван с Петром к стаду ушли? – спросил Аркаша.

– Нет, капканы проверяют. Вчера они не напивались как вы, – съехидничала Анна.

– Тебе не страшно аргишить на Собачье? – пристал с вопросом Степа.

Анна пожала плечами, она не верила в предрассудки, и предстоящая дорога ее не пугала. В отличие от Петра, не отговаривала мужа. Но скоро ее мнение изменится подчистую.

Дни шли своим чередом. Приближались сорок дней кончины Таты. Иван заарканил трех быков – собрался в село, благо погода выдалась теплой, падал мелкий снежок. Бригадир еще раз предупредил о подготовке к аргишу на Собачье озеро. Угрюмый Петр пытался отговорить.

– Одумайся! Плохое дело ты задумал.

Иван сделал вид, что не слышит старика, копошился у нарт, запрягал оленей. После положил все необходимое в нарты и благополучно отъехал.

Вечером ужинали в общем балке. Пастухи поели, разбрелись по своим жилищам. Анна сделала уборку и неспеша пошла к себе.

Умылась перед сном, легла, пытаюсь заснуть. Сон не шел. Анна устала в темноту, прислушиваясь к тиканью настенных часов над головой, и незаметно задремала. Пробудилась она внезапно, как от толчка. Смутная тревога охватила ее.

В кромешной тьме чувствовала постороннее присутствие. Вроде закрылась на задвижку, – мелькнула мысль. Анна села, протянула руку к столу, нащупала спички и свечу. Резкий свет огонька резанул по глазам. Женщина зажмурилась, потом осмотрелась, и тут вскрикнув, отпрыгнула назад. Рядом боком стояла старуха в черном платье, голова повязана белым платком. Старуха медленно повернулась. Лицо бледное, с синеватым отливом, глаза слепо смотрели на нее. Перед онемевшей от ужаса женщиной стояла мертвая Таты. Анна задрожала, в жизни она не испытала такого страха. Преодолев себя, Анна выдохнула.

– Что я тебе сделала плохого, что и мертвая преследуешь меня?

– Не отпускай Ивана на Собачье. Погибель ждет вас, – прошептала мертвая Таты. – Теперь мне пора, я предупредила.

Легкий холодный ветерок задул свечу в руках Анны. Очнувшись она от настойчивых ударов. Взглянула на часы – десять утра. Поспешно надев халат, открыла задвижку. Недовольные пастухи топтались у входа.

– Что долго спишь? Жрать хотим, – сказал недовольный Аркаша.

– Бегу уже.

Анна ополоснула лицо и руки холодной водой, вытерлась полотенцем, и накинув пальто, побежала в балок-столовую. Буржуйку мужчины давно затопили, оставалось отварить лапшу. Анна принялась открывать банки с тушенкой. Вскоре голодные пастухи всю еду довали ложками. Насытились, не спеша собрались выйти на перекур.

– Дядя Петр, останься, – попросила Анна.

Остальные искоса глянули на женщину, вышли. Они заметили странную перемену в ней: рассеянная, вздрагивает при малейшем шуме. Петр сел возле нее, достал незаменимую трубку, закурил в ожидании. Старик догадался – за ночь случилось что-то, такой боязливой Анна никогда не была.

Анна собиралась с мыслями. Как рассказать пастуху, вдруг не поверит? С другой стороны – больше некому. Иван засмеет, с остальными даже смешно говорить на эту тему. Анна взглянула на Петра, поняла, что старик поймет, поверит. После ее сбивчивого рассказа о прошедшей ночи, Петр долго молчал. В детстве, когда аргишил с родителями, олениводы огибали Собачье озеро. А если волею случая находились рядом, старались до темноты уйти подальше от тех мест. Он слышал о стойбище с шаманом, погубившем свой род. Петр прочно верил суевериям, казалось проникшим к нему с молоком матери. Наконец старик произнес:

– Знаешь, почему Таты отвернулась от тебя?

– Нет.

– Амулет у тебя шамана. Мне Иван сказал.

Петр поведал ей легенду о мертвом стойбище.

– Что нам делать, дед?

– А ничего. Иван не поверит.

Оба горько вздохнули. Они прекрасно знали характер Ивана. Он так просто не отступит. Даже если бригада не согласится кочевать с ним, он добьется замены бригады. Это была первая причина; другая заключалась в нехватке ягеля и корма для стада. Богатое Собачье идеально подходило для выпаса оленей. В третьих, своенравный Иван, в случае отказа, найдет способ отправить Петра в село по нетрудоспособности, Аркашу – подавно с его чахоточным кашлем. Если останутся одни

братья, они скорее всего, согласятся. Молодость не знает страха. Так думал Петр, не замечая, что посасывает потухшую трубку.

– Ты вот что, дочка, не говори никому о ночи, не поверят. Придем на Собачье – не снимай амулет.

Анне оставалось согласиться. Не сможет она удержать мужа. Твердо решила для себя не спускать с Вани глаз.

Пастухи неторопливо готовились к предстоящей дороге. Путь не близкий. Вернулся Иван, привез новую рацию. Хмурые Анна и Петр с неохотой помогали остальным. Братья и Аркаша, наоборот, в предвкушении перемены мест с воодушевлением выполняли приказы бригадира. Дня через два прилетел вертолет. Оленеводы разгрузили ящики с провизией и медикаментами, унесли в специально оборудованный балок. Скоро настал день отбытия. Пастухи забегали, собирая стадо. Две крепкие лайки, звонко лая, подбегали к зазевавшемуся оленю, отгоняли к остальным. Стадо собрано. Двинулись в путь. Аргиш тронулся к югу, предстояло обогнуть скалистый хребет и спуститься к реке. Грузенные нарты и полозья балков зарывались в сугробы. Олени разбежались, приходилось заново собирать стадо. Усталые пастухи выбивались из сил. Половину пути прошли и вскоре вышли к реке. Стало легче, твердый снег обеспечивал легкий путь. Перешли на другой берег, остановились на привал. Оленеводы распустили стадо, занялись своими делами. Иван подошел к Петру.

– Сколько примерно километров осталось?

– Близко уже, за день дойдем, если дорога позволит, – старик не понимал в километрах, прикидывал дорогу по памяти.

Бригадир похлопал его по спине.

– Пойдем в балок, поесть и выспаться надо.

– Ты прав, надо хорошо поспать. Ближе пойдём к Собачьему – отдыхать не придется. На моей памяти зверья там много, волки одолеют, – нахмурился Петр.

Вошли в натопленный балок, продрогшие олениводы с удовольствием хлебали чай из кружек. Улеглись спать.

Утром двинулись дальше. Бесконечная снежная дорога вела аргиш далеко вперед. Торопились, полярный день короткий, вдобавок стал поддувать северный ветер, приближалась метель. К ночи разыгрался настоящий буран. Казалось, сама природа противилась приближению к Собачьему озеру. Оленеводы заби-

лись в тесный балок, затихли, прислушиваясь к вою ветра с яростью бьющегося о брезентовые стены. Чем ближе приближались к намеченной цели, тем более подавленным становилось у пастухов настроение. Страх медленно вползал в людские души, один Иван беспечно насвистывал. Он видел себя почетным бригадиром, сытых приумноженных оленей, он стремился сделать бригаду самой передовой и огромной по количеству поголовья.

– Как стихнет пурга, двинемся дальше и завтра будем на месте.

Голос Петра отвлек размечтавшегося Ивана.

– Надеюсь, – отозвался тот.

Пурга не только не утихла, она, наоборот, усилилась, и к стенанию ветра прибавился волчий вой. Пастухи приготовили ружья. По двое выходили на дежурство. Волки кружили неподалеку, но подойти к стоянке не пытались. Буран стих на пятые сутки. Пастухи откопали снежные валы со стен балков и продолжили путь. Караван двинулся. Аркаша с Костей ехали впереди, прочищали дорогу. И вот через день встали на Собаьем озере, именуемом в народе «мертвым стойбищем».

Стоянку разбили на открытой местности, подальше от леса, опасались волков. Притихшие оленеводы вяло переговаривались, то и дело озирались по сторонам. Бригадир лишь удивлялся страхам пастухов.

– Не призраков нужно бояться, а волков. Перегрызут стадо.

Тем же вечером бригадир с Аркашей взяли двустволки, кликнули собак, ушли к стаду. От нечего делать братья резались в карты. Старик помогал Анне по хозяйству. Петр склонился к уху женщины.

– Не настораживает тебя, Анна, ничего?

Та испуганно глянула на старика.

– Тихо слишком, – продолжил Петр. – Волки странно ведут себя, будто следят за нами.

– Да ну тебя, мерещится тебе всякое.

– Наверное, – вздохнул Петр. – Ладно, пойду спать, следующая очередь моя с Костей. Хватит играть, пошли спать, – прикрикнул он на братьев.

Ребята послушно бросили карты, потянулись и, пожелав Анне спокойной ночи, скрылись за дверью.

Время летело незаметно. Февраль принес свои морозы жгучие, крепкие. Пастухи обвыкли, даже повеселели, стали мнить себя хозяевами здешних краев. По одному уходили

вглубь леса. Ставили петли на зайцев и куропаток и капканы на песцов. В озере прорубили прорубь, ставили сети. Анна ходила мрачной, когда Иван собирался на охоту, тащилась за ним словно, собачка. Ивана стал раздражать постоянный контроль жены.

– Шла бы ты домой, занималась своими делами, – ворчал он.

– Мне лучше рядом с тобой, – отозвалась Анна, поправляя лыжи.

– Лучше ей рядом, – передразнил ее Иван. – Белье грязное накопилось, постирай.

– Успею, вот вернемся с тобой...

Бригадир с досадой посмотрел на жену, и, плюнув себе под ноги, побежал вперед. За ним вслед Анна. Они проверяли петли. Попались два крупных зайца. Довольный, Иван забросил добычу в мешок и повернулся к жене.

– Теперь к стаду, потом домой.

Иван с гордостью смотрел на жиревших оленей.

– Да, ягелю навалом, надолго хватит, – улыбался он.

Беспечная жизнь была по душе Ивану. Стадо паслось рядом, волки больше не тревожили. Живи и радуйся. Знал бы он, что их ждет впереди.

Мороз крепчал, ужесточенный холодным северным ветром. Приходилось часто запасаться дровами. В один из дней Аркаша со Степой собрались в лес. Оделись в теплые сокуи, взяли топоры и направились к распадку, который заметили вчера. Аркаша рубил сухие сучья лиственницы, Степа перетаскивал их на нарты. За работой не заметили начало сумерек.

– Заканчивай! – крикнул Аркаша напарнику.

Сам уселся на торчащий пень, достал папиросы. Степа положил последнюю ветку на вязанку, крепко связал, чтобы не рассыпались по дороге, подсел к Аркаше.

– Дров надолго хватит.

– Вряд ли, завтра снова пойдем, не расслабляйся, парень.

Аркаша выпустил из ноздрей дым. Некурящий Степа сморщился и отодвинулся от него. Внезапно Аркаша вцепился в рукав Степана.

– Тихе.

Парень инстинктивно вжал голову в плечи. Аркаша вскочил, зоркие глаза вглядывались в стену леса.

– Посмотри туда, там кто-то бродит, – быстро зашептал он.

Степа посмотрел туда, куда указывал напарник, ничего не увидел.

– Смотри внимательно, – снова дернул его пастух. Теперь Степа разглядел за стволом одинокую фигуру в длинном темном сокуе с капюшоном, лица в сумерках не разглядеть.

– Вроде наши не собирались выходить, – заметил Степа.

Человек отделился от дерева, повернулся спиной, неторопливо побрел в лес.

– Петр, ты что ли шарахаешься? – крикнул Аркаша.

Человек не оглянулся и незаметно скрылся с глаз.

– Пойдем отсюда, – засуетился Аркаша.

Он надел лыжи, натянул лямку ремня. Степа толкал нарты сзади.

– Нет, все-таки мы не одни здесь... Наши скорее всего сидят в балках.

– Заткнись, – прошипел Аркаша испуганно, озираясь по сторонам.

Как и предполагал Степа, остальные мирно попивали чай. Замерзшие пастухи переоделись и присоединились к чаепитию.

– Мы чужака видели, – начал Аркаша.

– Где?

Все уставились на них, ожидая ответа

– На распаде, левее озера.

– Может, кто из других бригад за нами потянулись, – открыл рот Иван.

– Таких дураков, как мы, мало найдется.

– Что плохого я сделал, приведя вас сюда? Олени сыты, вы целы и невредимы, – бригадир начал сердиться.

– Хватит, Иван, наслушались тебя! – хлопнул ладонью по столу старик. – Молва попусту болтать не будет. Забыл – десять лет назад экспедиция пропала, здесь на Собачьем, даже тела не нашли?

– Так вот, слушайте, – обратился Петр к притихшей бригаде. – По одному не выходите, даже по нужде. Анна, не оставайся одна, задвижки не помогут, мертвым нет преград, сама убедилась.

Петр подсел к печи, достал трубку, стал набивать ее махоркой. Руки тряслись. Он долго не мог набить табаком отверстие трубки. Сидящие внезапно ощутили себя неудобно, слова старого оленевода неприятным образом действовали на пастухов. Иван тоже присмирел, уткнулся носом в мерзлое стекло окошка и помалкивал.

Ночью собаки подняли жуткий вой. Анна прижалась к мужу. Иван не спал. Выработанный слух улавливал малейший шум на улице. Мутное состояние после слов Петра не проходило, плохое предчувствие сжимало сердце. Он мысленно старался собрать всю муть с души в единый комок и отбросить подальше. Красочные картины будущего снова замелькали перед глазами, проснулся оптимистический настрой. Голос жены вернул Ивана с высоты на землю.

– Уедем, Ваня, отсюда. Страшно мне.

– Ну что ты, не случилось ведь ничего. Мало ли чего покажется со страху этим придуркам, или тебя вой собак испугал?

Ласковый тон мужа раздражал Анну.

– Ты будешь ждать, когда наступит беда?

– Совсем не наступит. Зато представь, как мы будем лучшей бригадой.

– Или самой худшей, – с иронией парировала Анна, отворачиваясь от мужа.

Вой собак действовал на нервы. Заснули под утро, когда завеса рассвета показалась у горизонта. Анна встала раньше мужа, оделась, вышла за дровами. Морозный воздух окатил холодом. Женщина поехала, с охапкой дров торопливо забралась обратно. Затопила печь, решила накормить пастухов у себя. Остывший за ночь балок постепенно нагревался. Пришли с дежурства пастухи.

– Аркаша спит еще? – спросил, раздеваясь Петр.

– Не знаю. Не приходил, – подал голос с кровати Иван.

Старик занервничал.

– Костя, иди, посмотри.

Не успел тот накинуть телогрейку, появился изрядно помятый Аркаша.

– Чертовы собаки, всю ночь не давали спать, не по мою ли душу воют, – ворчит пастух.

– С нами тоже не пошли, звали, а не пошли, – отозвался Степа.

Последующие события не заставили себя долго ждать.

Пастухи решили гурьбой идти за дровами, по настоянию Петра Анна тоже собралась. Вначале проверили стадо, которое охранялось только ночью, и свернули к лесу. Пастухи достали топоры, раздались звенящие удары об мерзлые ветви. Вдруг, вдали показались две черные точки. Пастухи побросали топоры, смотрели, как к ним со всех ног неслись лайки. Приблизившись, собаки заскулили, кружа

на месте, потом, перебегая от одного человека к другому, тянули за подол полушубков к дому.

– Собаки почуяли чужого. Скорее к балкам.

Иван рванулся первым. Еще издали пастухи увидели раскрытые настежь двери балкастоловой. Оленеводы стояли у входа. Внутри царил полный хаос, все разрушено и сворочено. На полу валялась вдребезги разбитая рация. Темные осколки корпуса разлетелись по углам, мелкие детали безжалостно истоптаны. По первому взгляду понятно – рация ремонту не подлежит. Кто-то изрядно похозяйничал в балке. Пастухи осмотрелись – вокруг балка никаких следов, снег девственно чист.

– Ищи, Найда, ищи, – подталкивал Степа свою любимицу.

Искать лайка не рвалась, жалобно скулила, прижимаясь к ногам парня. Вернулись в балок. Бригадир сел на корточки, разглядывая осколки.

– Такое мог сделать только человек. Каждая деталь спрессована тяжелым предметом, – уверенно высказался он.

– Предупреждают нас, Иван, уходить надо.

– Опять ты за свое, Петр. Сейчас тем более уходить нельзя. Найдем гада, живого или мертвого.

– Не тебе бороться с темными силами, – сурово изрек старик.

– Слушай, хватит нас запугивать. Если ты боишься, лови себе быков и уматывай. Желющие убежать есть? – обратился бригадир к остальным.

Аркаша с братьями и Анной все еще топтались у дверей.

– Не кипятись, никто не собирается уезжать. Старик просто предупреждает, дело и впрямь нечисто, – сказал Аркаша.

После этого случая пастухи присмирели, нервозность проявлялась в каждом их движении, часто оглядывались, вздрагивали от каждого шороха. Снова вернулся первоначальный страх перед неизвестностью. По инициативе Ивана в каждой балке поставили капканы, и сами по забывчивости попадались в ловушку. Туго приходилось без рации, не дай Господь кого схватит болезнь. Решили до весны потерпеть, а там видно будет.

Крепкие морозы пошли на убыль, начались слабые метели. В тот вечер Аркаша и Степа собрались к оленям. Одевшись, захватили с собой двустолки.

– Смотри, Аркадий, простудишься, и так постоянно кашляешь.

Анна заботливо повязала шарфом открытую шею пастуха.

– Мне бы такую жену. Вернемся в село – женюсь, – смеется Аркаша.

– А мне шарф чего не завяжешь? – в шутку обидевшись, надул губы Степа.

– Тебя твой жир греет, – ляпнул Иван.

Засмеялись впервые за две недели. После ухода пастухов долго сидели за столом, болтали о минувших днях. Костя не выдержал и первым ушел спать в свой с братом балок. Петр засиделся. Время приблизилось к полуночи, когда он попрощался с хозяевами. Ночная мгла окутала землю, Петр включил фонарь. Рядом снова завyla собака. Старик остановился, прикрикнул на нее, заметив отсутствие второй. Наверно, с пастухом убежала. Зашагал к балку Кости. По одному ночевать опасно.

Звуки выстрела среди ночи старик услышал первым, машинально глянул на наручные часы. Фосфорные стрелки указывали четверть третьего. Петр разбудил крепко спящего Костю. Сам накинул телогрейку, кинулся к Ивану, забарабанил в дверь. Сонный Иван тревожно спросил: – «Что случилось?»

– Одевайся скорей, слышал выстрелы?

Иван не слышал. Повторные выстрелы снова загрели со стороны пастбища. Вчетвером они стояли, не предпринимая никаких действий, растеряно прислушивались к звукам выстрелов. В темноте раздались быстрые шаги. Появился, пошатываясь, Степа.

– Скорее, стадо разбегается! Кто-то напугал их.

– Где Аркаша? – на бегу спросил Иван.

– Не знаю. Он заметил человека, пошел посмотреть. Я остался. Олени вдруг испугались, в панике начали разбегаться, не остановить.

– Кто стрелял? – снова задал вопрос бригадир.

– Аркаша, – выдохнул Степа.

Ему с его комплекцией тяжело бежать. Он остановился, вдыхал в себя морозный воздух. Пастухи осветили фонарями снежное поле пастбища, истоптанное множеством оленьих копыт. Пусто.

– Где стадо? – с дрожью в голосе спросил Иван, ни к кому не обращаясь конкретно.

– Стадом займемся утром. Нужно искать Аркашу, – произнес Петр.

Разбились на две группы. Стали прочесывать лес. Местность оглушали крики пастухов. Искали до утра. Начало светать. Усталые пастухи возвращались на стоянку. По дороге надежда не покидала оленеводов: может, Аркаша уже вернулся и как ни в чем не бывало попивает чай. Увы, дома его не оказалось.

– Нужно проверить озеро, начиная с пастбища, – проговорил Петр. Он один не терял самообладания, взял вожжи в свои руки.

– Анна, истопи печь, вскипяти воду. Нужно хотя бы попить чаю.

Женщина послушно кивнула, занялась делами. Чайник вскипел. Пастухи допили чай, прикусывая сухарями, и снова подались на поиски напарника.

– Степа, куда, говоришь, он побежал? – спросил Петр.

– Туда, левее, – указал парень.

– Как раз получается к озеру.

Иван с Костей зашагали туда, старик и Степа решили начать поиски с места пастбища. Анну пришлось оставить одну.

– Двери держи взаперти. Попусту на улицу не выходи. Дров и воды тебе хватит. Вскипяти воды побольше, может Аркаша ранен, – давал указания, уходя, Петр.

Анна осталась одна в опустевшем балке. Слезы ручьями катились по ее щекам. «Вот и пророчество Таты сбывается», – думала девушка, утирая слезы.

– Это только начало, – вслух произнесла она.

Старик со Степой, не спеша, брели по сугробам, ворошили палками попадавшие по пути снежные бугры. Рядом бежала Найда, о второй лайке напрочь забыли, она так и не появилась.

– Петр, я не сказал при всех. Стрелял Аркаша в человека, в того самого, которого мы видели тогда.

– Откуда знаешь?

– Луна осветила его, он стоял вон у того куста.

Петр заспешил к кустам вербы, торчащим из под снега.

– Стой. Не шевелись, – крикнул старик.

На снегу отчетливо отпечатались следы, уходящие к озеру. Вот человек упал. Об этом указывала впадина в сугробе. Петр впился взглядом вниз, как ишейка крутился на одном месте, то шел дальше, изредка приседал, разглядывая видимое ему одному. Степа не ме-

шал, почтительно молчал, ждал, когда опытный охотник-следопыт сам начнет говорить. Старик остановился возле кривой березы.

– Смотри сюда, – позвал он Степу.

На снегу яркими пятнами атели замерзшие сгустки крови.

– Не пойму. Будто кто-то поднимал Аркашу, нес и снова бросал. След Аркашин виден и снова обрывается, а где тогда следы второго?

Пастухи глянули друг на друга. Внезапный хруст куста заставил вздрогнуть обоих. Оглянулись. Ни души.

– Пойдем скорее, – заторопился Петр.

Пастухи прибавили шаг. Ощущение, что за ними следят, не покидало до самого озера. Они увидели своих, столпившихся у проруби. Иван с Костей баграми мутили воду.

– Не надо ребята. Его наверно унесло на середину или ушел на дно, – произнес подошедший Петр. Он еще на пастбище понял: Аркаши нет в живых.

Старик держался, не выказывая волнения и щемящей боли в груди. Степу, наоборот, трясло как припадочного, он вцепился в Петра и таранился на кусочки льда, плавающие в воде.

– Мы подошли, увидели столько кровяки, особенно возле проруби. И шапка Аркашина валяется у самого края, – рассказывал Иван.

– Сразу побежали за баграми, думали, вытащим тело, – продолжил Костя.

Пастухи, наконец, реально поверили, что не они одни хозяева на Собащем. Неведомый враг бродит рядом, вряд ли найдется спасение тому, кто нарушил его покой.

Вернулись домой. Анна горько причитала, оплакивая бедного Аркашу. Остальные переговаривались шепотом, будто рядом лежал покойник. Для пастухов настали черные дни. Особенно тревожил Степа. Парень был явно не в себе. Несчастный случай ощутимо подействовал на его психику. Он хватался за брата, не отпускал от себя.

На следующий день обнаружили, что пропала Найда. Пастухи приуныли. Без собак трудно искать стадо. Днем и ночью многие километры обошли оленеводы. Стадо пропало бесследно, как под землю провалилось. И снова появились волки, жуткий вой оглашал округу.

– Дело плохо. Нужно обязательно найти хотя бы шестерых быков и уезжать отсюда, – говорит Петр, укоризненно глядя на Ивана.

Бригадир смутился, отвел взгляд. Осознал ли он свою вину, приведшую к гибели человека? Скорее всего, да, и теперь лишь отмалчивался. Иван просто хотел, как лучше устроить стадо, облегчить труд своим пастухам. Но Иван переступил черту, ту, что называл суеверием. Не поверил молве людей, много лет не подходивших даже близко к проклятому месту, не поверил тому, что даже если и находились смельчаки, то они не возвращались отсюда.

Не только шестерых, ни одного оленя они так и не нашли. Между тем наступило полнолуние. Погода тоже благоприятствовала пастухам.

Отдохнув часок, решили обследовать западную часть леса. Скрип шагов нарушал идиллию тишины, луна ярко светила, надобность фонарей отпала. Петр, как опытный следопыт, шел впереди. За ним Анна, следом Костя за руку с братом. Иван замыкал отряд сзади.

Снежная равнина белела, как чистый лист бумаги, ничего не намекало о прохождении в этом районе стада. Старик вдруг насторожился и подбежал к холму, возвышающемуся неподалеку. Забравшись на него, он лег, замахал руками, приглашая к себе. Пастухи кинулись к нему, прилегли рядом.

Внизу метрах в пяти на большой поляне горел костер. Вокруг него водили хоровод люди. Смех и обрывки фраз доносились до пастухов. Иван достал бинокль, слишком не высовываясь, навел окуляры. Его потрясло, что люди одеты, как в летнюю пору. Женщины в летних парках приплясывали на месте, мужчины в парусиновых рубашках навывпуск хлопали в ладоши. Полная луна осветила неестественно бледные лица. Пастухи с нескрываемым страхом смотрели на них. Один Степа ерзал, пытаясь встать. Крепкие руки брата сдерживали его порыв.

– Там люди, отпусти. Мы уйдем с ними. У них наверно есть олени.

– Лежи. Это не живые люди, – уговаривал Костя.

Степа все-таки не выдержал. Встал во весь рост. Четверо кинулись на него, пытаясь уложить на место. Здоровый Степан раскидал пастухов, ринулся вниз с криком.

– Подождите, дайте нам оленей, мы уйдем отсюда!

Лица призраков повернулись в сторону пастухов.

– К нам! Идите к нам! – закричали они.

Оленеводы, не мешкая, кинулись за обезумевшим Степаном. И тут сплошная завеса черноты окутала пространство. Пастухи как слепые бродили с протянутыми руками, пытаясь в кромешной тьме, ощупью найти друг друга. Чернота стояла до того густая, что луч фонаря не мог пробить ее. Им показалось вечным непонятное это явление. Внезапно мгла пропала, как и появилась. Ослепленные ярким лунным светом, они медленно приходили в себя.

– Где Степа? – первым очухался Костя.

Пастухи одни стояли среди снежной пустыни. Ни людей, ни костра, ни Степы. Костя бессмысленно бегал вокруг. Истошно кричал, звал брата.

– Ищите, чего встали, – подскочил он к пастухам.

Петр привлек его к себе. Костя вырвался от старика, подбежал к Ивану. Мощный удар кулака отбросил бригадир в сугроб.

– Ты виноват, что исчезли Степа с Аркашей. Привел нас на гибель, – неистовствовал Костя.

Иван отер рукавом проступившую из носа кровь.

– Прости, я виноват перед вами, – начал Иван.

Костя перебил:

– Что мне твое «прости», верни брата!

Костя упал на колени, бессильная злоба охватила его, он орал, обращаясь в пустоту.

– Где ты прячешься? Выходи! Забери меня вместо брата!

Тихий гнусный смех пронесся над ними. Пастухи замерли. Утих и Костя. После бесполезных поисков вернулись в стоянку.

Костя не пожелал остаться в общем балке. Присутствие Ивана бесило его, он считал бригадира виноватым во всех несчастьях. Костя ушел жить в пустой балок, не желая никого видеть. По характеру неразговорчивый, Костя стал еще угрюмее. Он днями бродил по лесу, разыскивал брата. Иногда просто лежал, уткнувшись в подушку.

Время шло. Подходила весна. Солнце начало пригревать, поднималось все выше. Стадо так и не нашлось. Видимо, далеко ушли олени, спасаясь из страшного места. Пастухи решили на лыжах возвращаться на прежнее место. Костя наотрез отказался покидать Собачье без брата.

– Пока не увижу его живым или мертвым, не уйду, – бесконечно твердил он.

Ему было невдомек, что отделяясь ото всех, он подвергает свою жизнь опасности, которая уже холодными шупальцами подкрадывалась к нему. Однажды, после пустых скитаний, Костя вернулся в балок. Как всегда завалился в одежду на постель, не удостоив вниманием ужин, принесенный Анной. Вошел Петр.

– Пойдем к нам. Нельзя одному оставаться, – просил старик.

– Не хочу. Мне все равно, – пробубнил парень, не оборачиваясь к нему.

– Тогда я останусь с тобой.

– Не надо, – выкрикнул Костя, вскакивая с нар. – Оставь меня в покое, уходи.

– Ты делаешь глупость. Степу не вернешь, – попытался урезонить его старик.

– Не твое дело, уходи давай! – Костя перешел на крик, его взгляд с яростью сверлил старика.

Петр поднялся.

– Запрись хотя бы, – выходя, произнес он.

После ухода старика Костя встал, пересел на стул. Достал папиросы и закурил. В балке темно. Занесенное сугробом окошко не пропускает света, хотя в мае ночи стали светлее. В помещении завис тяжелый никотиновый туман. Не поднимаясь с места, Костя ногой пнул дверь, распахивая ее настежь, чтобы проветрить. Сидеть истуканом наскучило. Он зажег керосиновую лампу, достал с полки книжку. Костя повернулся, чтобы закрыть дверь, как вдруг шаркающие шаги привлекли его внимание. Парень прислушался, верно, кто-то крадется к нему.

– Петр, ты? Да? – голос предательски дрогнул.

Шаги приближались. Костя застыл, не в силах шевельнуться. Страх сковал его. Все же усилием воли ему удалось сделать шаг назад. И тут показался человек в сером длинном сокуе. Глубокий капюшон скрывал лицо. Незнакомец остановился в проеме двери, наблюдая за парнем из под капюшона. Он высунул руку из длинного рукава. Костя содрогнулся, увидев синюшную опухшую кисть с длинными изогнутыми ногтями. Призрак поднял страшную руку, отбросил с лица капюшон. Костя закричал. На него смотрела мертвая голова старого человека. Седые полуоблезлые волосы пучками торчали на голом черепе. Лицо, истлевшее местами, белело костью. Синие губы в

усмешке обнажали гнилые длинные зубы. Только глаза оставались живыми, поблескивали при свете лампы и выражали неопишемую ярость.

– Тебе холодно, охотник?

Скрипучий могильный голос в точности подходил к внешности мертвеца.

Если бы Костя знал, какая участь ожидает его, вряд ли с таким рвением стремился к одиночеству. Внезапно лампа на столе приподнялась, неведомая сила с грохотом швырнула ее на пол. Головка лампы с горящим фитилем отскочила, керосин ручейком полился по деревянному настилу. Язычки огня, жадно слизывая горючее, распространялись дальше. Огонь перебросился на брезентовую стену балка.

Костя рванулся к двери, которая внезапно захлопнулась перед ним. Он попытался открыть ее, дверь не поддавалась. Огонь разгорался, пламя добралось до пастуха. Костя сбросил с себя телогрейку, попытался сбить пламя, но оно еще пуще разгоралось. Костя начал задыхаться в дыму.

Петр, Иван и Анна поздно заметили из окна огненные сполохи пожара. Огонь начинал пробиваться через крышу. Иван подбежал к горячей двери, дернул за ручку. Дверь распахнулась. На Ивана обрушился Костя. Огонь полыхал на остатках одежды. Сбросив парня на снег, втроем сбили огонь.

Костя лежал в глубоком обмороке. Изуродованное волдырями лицо исказила гримаса ужаса. Иван бережно поднял его, отнес в балок. Петр с Анной пошли следом, оставили догорать то, что осталось от жилья Кости. Благо не было ветра.

Иван положил Костю на постель. Анна аккуратно сняла лоскутья. Тело почти полностью обгорело.

– Не жилец, – печально отозвался старик.

Он достал с полки гусиный жир, густо обмазал страшные ожоги. Костя очнулся. Открыл обгоревшие веки, застонал.

– Я видел – мертвец убивает всех, – прошептал он.

– Молчи, не разговаривай, тебе нельзя, – убеждал его Петр.

– Нет, я должен успеть сказать.

Костя сбивчиво, временами теряя сознание, рассказал, что случилось в его балке.

Выслушав умирающего, пастухи призадумались. Теперь они знали, от кого ждать опасности, то что призрак вернется, они знали

точно. Всю ночь не отходили от постели Кости. Анна каждый час ставила обезболивающие, что нашлись аптечке.

Иван со стариком сбегали к горевшему балку, забросали снегом дымящиеся остатки и поспешили вернуться назад.

Ночь подходила к концу. К утру Кости не стало. Тело завернули в простыню, унесли в пустой балок, там положили Костю на нары и ушли, замкнув двери на замок.

– Завтра будем уходить, или такая же участь ждет нас.

Супруги кивнули, стали собирать необходимые вещи. Петр притащил самые легкие нарты, какие можно было выбрать. Старик опасно поглядывал на небо.

– Никак пурга надвигается, – нахмурился он.

Погода стояла теплая, светило солнце.

– Вряд ли, – возразил Иван.

– Ты меня слушай, – беззлобно прикрикнул старик.

Вечером и вправду нагрянула пурга, как и предсказывал старик. Ветер свирепствовал, казалось, сейчас снесет балок, и они окажутся среди бушующей стихии. Чтобы унять нервное напряжение, Иван достал бутылку водки, разлил по кружкам. Неупотребляющая алкоголь Анна лежала в постели, плечи ее содрогались в беззвучном рыдании. Мужчины не беспокоили ее, пусть заплачет, со слезами выльется душевная боль.

– Пурга задержит нас на день, – тихо промолвил старик.

– Переждем – и сразу в дорогу, – поддакнул Иван.

Помолчали.

– Анну вот жалко. Как перенесет дорогу? – снова заговорил Иван.

– Оставаться здесь хуже всего.

– Я виноват. Привел вас сюда. До самой смерти не искуплю вину.

– Перестань, она и так кружит возле нас.

Петр заметил, как алкоголь начал свое действие. Бригадир принялся пускать слюни.

– Слушай, ты патроны и ружья положил, а мою СК? – переменил тему старик.

Иван всхлипнул.

– Конечно, только СК твое у тебя.

Старик отставил кружку.

– Дурак я, ружье оставил в балке, где Костя лежит.

– Пойдем заберем, – предложил Иван.

Пастухи встали со своих мест. Иван заботливо укрыл заснувшую Анну. Бесшумно вышли. Бешеный ветер набросился на них, пытаясь сорвать одежду. Держась друг за друга, утопая в сугробах, остановились у балка. Старик первым подошел к двери, нащупал замок.

– Ты не закрыл на ключ? – тревожась, спросил Петр.

– Я закрывал, – в том же тоне ответил бригадир.

Петр приоткрыл дверь. Внутри темно. Заваленное снегом окно не пропускает света. Петр открыл пошире дверь и вошел. У стола лежало его ружье. Старик взял в руки СК, взглянул на нары и тут же выскочил обратно.

– Костя пропал! – заорал старик, стараясь перекричать гул ветра.

– Куда пропал?

Иван оторопел, не сошел ли с ума от горя старик. Петр схватил за плечи бригадира.

– Он забирает тела, поэтому мы не можем найти их! – кричал он и тащил за рукав испуганного Ивана.

Только в балке, отдышавшись и опрокинув в себя стопку водки, Петр рассказал о том, что увидел. Он взял ружье, мимоходом посмотрел на усопшего, но вместо него валялась лишь окровавленная простынь.

– Еще в детстве слышал я от дедов, что черный шаман забирает тела, чтобы увеличить свою силу, – закончил Петр, наливая в кружку остаток зелья.

– Получается, просто так он нас не отпустит. И рацию сломал не для того, чтобы нас предупредить, а чтобы мы не вызывали помощь. Умён, гад.

Иван крепче прижал к груди жену.

– Плохи наши дела. Если что случится, Иван, бегите с Анной. Мы ничего не можем сделать против и так умершего человека, не знаем, как с ним бороться.

– Что мы знаем про него?

Петр согнул большой палец, продолжил:

– Он умеет вызывать темноту и быть невидимым и все, больше ничего.

– Еще знаем, что, скорее всего, это тот самый шаман, сгубивший людей и родственник Анны, – сказал Иван.

– Не известно, чей родственник бродит, может вовсе не тот, – пробормотал Петр.

От выпитого его клонило в сон.

Наутро пурга затихла, было пасмурно. Иван раскопал нарты, замеченные за ночь пур-

гой. Петр положил на них рюкзак с провизией и ружья с патронами.

Иван и старик потащили нарты. Идти становилось тяжелее, охотничьи лыжи застревали на мягком липком снегу. Обогнули Собачье. И только к вечеру, когда озеро осталось далеко позади, они прибодрились. Пока ничто не препятствовало пути.

Решили устроить отдых. Разожгли костер. Иван набрал в чайник зернистый снег, поставил на огонь. Хотелось есть, за день ни куска хлеба не было во рту. Сытно поужинали. Супруги расслабились, задремали, сидя у костра.

– Не спать. Будем идти дальше. Пройдем проклятое место и поставим палатку, – сказал Петр.

На полный желудок труднее идти. Шаг за шагом добрались до невысокой горы, откуда не так давно Иван с гордостью смотрел на обширную богатую землю Собачьего озера. Стало сумеречно, серые тучи несли рой крупных снежинок, которые, кружась, падали, залепляя глаза. Лицо от них становилось мокрым.

Пастухи остановились отдохнуть. Мужчины закурили. Анна встала подальше от табачного дыма, смотрела в снежную даль. Внезапный шорох и треск кустов раздались сзади. Пастухи вскочили. Петр от неожиданности бросил на снег свою незаменимую трубку. Тревожно огляделись по сторонам, казалось сам воздух накалился злом и диким страхом.

– Анна, беги вперед скорее! – крикнул Иван.

Сам вместе с Петром что есть силы, тянули нарты, переходя на бег. На повороте старик краем глаза заметил мелькнувшую тень, спрятавшуюся за стволом дерева.

– Так, бросай нарты, хватай мешок с едой и ружье. Бегите.

Петр сбросил с плеча лямку ремня, достал из саней свое СК.

– Бежим вместе, – сказал Иван.

Старик осерчал.

– Кому говорю, бегите! Спасай Анну! – заорал он.

Иван схватил рюкзак и ружье. Вместе с Анной, набирая скорость, скользнули под гору. Сзади раздались выстрелы.

При спуске одна из лыж Анны наткнулась на торчащий впереди пенек. Древесина лыжи не выдержала удара, переломилась. Анну выбросило на снег. Иван кинулся к жене.

– Все, мы пропали, – зарыдала женщина.

– Встань, пошли. Нужно уходить.

Иван отдал жене свои лыжи, утопая в сугробах, бежал рядом. Выстрелы затихли. «Все кончено, он догнал Петра», – подумал Иван.

Призрак и впрямь настиг старика, и теперь чудовище стояло, упершись ногой в грудь пастуха, смотрело в сторону бегущих людей.

– Беги, охотник, от меня далеко не уйдешь, – шептали окровавленные чужой кровью губы.

Скоро Анна совсем выдохлась. Опустилась на снег. Сердце бешено стучало, усталые ноги больше не подчинялись. Иван догнал жену, упал рядом.

– Не плачь, Анна, отдохни и беги дальше. Вот рюкзак с едой. Спасайся. Обо мне не думай.

– Я не оставлю тебя, – рыдала Анна.

Скрип быстрых шагов насторожил обоих. Иван встал, заслонил собою жену, приготовил ружье. Он понимал, что оружие – не подходящий помощник в борьбе с потусторонними силами, но так легче. Призрак подходил не спеша, будто наслаждаясь страхом изможденных людей. Остановился неподалеку, буквально сверля их своим, полным злобы, взглядом.

Иван нажал на курок, грохнул выстрел. Призрак не остановился. Иван не успел сделать второй выстрел, мертвец вплотную оказался рядом с ним. Вырвал ружье и, взмахнув рукой, наотмашь ударил свою жертву.

Иван упал, сильно ударившись головой об твердый ствол, брызнула кровь. Иван сполз, теряя сознание. Еще не очнувшегося человека призрак поднял, словно пушинку, и со всего размаха обрушил на ствол того же дерева. Снег обгавился кровью, тело Ивана обмякло, неестественно выгнулась спина.

Громко кричала Анна, она поползла к мужу, но сильный толчок заставил ее уткнуться в сугроб. Женщина села, отерла налипший на лице снег. Теперь ей все равно. Единственный человек, которого она любила, лежал бездыханным рядом. Анна с ненавистью смотрела на мертвеца. Когтистые пальцы потянулись к ней с намерением сжать хрупкую шею. Дернув за воротник парки, холодные руки призрака добрались до горла, и тут пальцы дрогнули. На груди женщины блеснул янтарный амулет. Анна по просьбе Петра не снимала его все месяцы пребывания на Собачьем.

Мертвец склонился, сорвал амулет с груди, долго разглядывал. Анна отвернулась, ее затошнило от смрадного запаха падали. Мертвец посмотрел на нее, суровый взгляд живых глаз смягчился. Он бросил обратно ей амулет и исчез также внезапно, как и появился.

Он не тронет меня, уверовала Анна. Женщина побежала к мужу. Истошный вопль огласил округу, и лишь блеснувшее из-за туч солнце безучастно смотрело на распластавшуюся на груди мужа Анну.

В далеком селе стояла неразбериха. Шум, гам доносились с улицы, где стоял бревенчатый дом с красным флагом на крыше, именуемый сельским советом. У дерматиновой двери столпился народ: большинство из любопытствующих, остальные являлись родственниками пастухов бригады Ивана. Без разбора слышалась ругань, кто-то матерился, не стесняясь ребятишек, шныряющих позади взрослых. Большинство составляли женщины.

– Где этот сатана, «лепешка» ходит? – сказала долговязая худая женщина в красном платке и в такой же куртке, алевшей как флаг на крыше.

«Лепешкой» называли Федра Наумовича, местного председателя сельсовета. Прозвище он получил, благодаря своей внешности. Толстый, круглый, с выпирающим брюшком, с короткими до невозможности ногами. Когда он шел по дороге, казалось, катится по дорожке колобок. Собравшийся люд, наконец, дождался своего председателя.

Федр Наумович катился рядом со своим секретарем – моложавой, среднего роста, родной женщиной.

– Расступитесь граждане, дайте пройти, – визжала тонким голосом секретарь, расталкивала народ, освобождая проход своему начальству.

Они вошли в помещение, состоящее из одной комнаты. Там стояли два стола, в углу пять стульев для посетителей. Председатель сел за центральный стол, поднял трубку телефона.

– Угомонитесь, граждане, сейчас позвоню в район, все уладится.

– Уладится, говорит, а чего долго не звонил? Сколько времени потеряли? – сказал мужчина в брезентовой ветровке.

Он был родным братом Аркаши. Федр Наумович игнорировал его слова, лишь поморщился, как от зубной боли.

После продолжительных гудков в трубке раздался густой бас.

– Слушаю.

– Здравствуйте, – поздоровался председатель и, тщательно подбирая слова, заговорил: «Это вас с Рыбного беспокоят, нам нужна ваша помощь. Дело в том, что уже четыре месяца нет вестей от бригады Ивана Чарду. На связь они не выходят, может, что случилось. Половину их стада прибило к соседнему стойбищу.

– И что вы предлагаете? Не можете отправить несколько упряжек с каюрами на их местонахождение?»

Федр Наумович замаялся, поднял глаза на толпу и замямлил в трубку подхалимным тоном:

– Понимаете, дело в том, что ни один пастух не согласен кочевать туда, где сейчас находится Иван с бригадой. Говорят, место проклято, да и кто там бывал, исчезали бесследно.

– Твою мать, темный народ, – выругался басистый. – Пить меньше надо огненную воду, и исчезать перестанут. – Немного помедлив, голос произнес, – Хорошо, завтра вышлем вертолет, ждите известий.

И не попрощавшись, человек на конце провода бросил трубку.

Родственники выжидательно глазели на председателя.

– Все, расходитесь. Завтра вылетит вертолет, будем ждать.

«Лепешка» замахал короткими руками, что означало – освободить помещение.

Сельчане послушно ушли с миром. Разбрелись по домам, обсуждая, какие вести ждут их вскоре.

Экипаж МИ-8 облетал местность по второму кругу. Второй пилот озабоченно рассматривал карту.

– Мы уже должны быть на Собачьем, – покричал он первому.

Командир взглянул в боковое стекло. Земля, местами освобожденная от сугробов, темнела внизу. Мелкие озера растаяли, поблескивали в сиянии солнца. Не красота просторов тундры интересовала пилотов, они битые два-

дцать минут кружили, отыскивая стоянку пастухов.

– Полетели южнее, вон к тем холмам. Может, там заметим стойбище.

Развернулись, машина послушно взяла курс в сторону холмов. Долетев, снова сделали круг, зорко поглядывая вниз. Наконец, молодой штурман, улыбаясь, показал пальцем в стекло. Под ними мелькнули брезентовые стены балков.

– Сядем у той опушки.

Командир указал на горбатый бугорок. Вертолет тяжело приземлился, винты бешено вертелись, поднимая кучу мусора, скопившегося у балков. Остановили двигатели. Пилоты вышли из вертолета, потирая затекшие ноги.

Кругом ни души. Огляделись. Зашагали к ближайшему балку, открыли дверь, посмотрели внутрь. На нарах лежала женщина. Худое бледное лицо торчало из-под одеяла, глаза испуганно смотрели на незнакомцев. На столе стояла тарелка с похлебкой, видимо женщина собиралась поесть.

– Бабушка, где остальные, – спросил молодой пилот, приглядываясь в темной комнатке.

Анна горько усмехнулась. Неужели я так состарилась, что этот пилот, почти мой сверстник, назвал старухой. Она приподнялась, пригладила седеющие волосы.

– Я вдова бригадира Ивана Чарду. Почему вы так долго не прилетали?

Женщина заплакала. Стоящие у входа пилоты догадались, наконец, войти во внутрь.

– А где остальные? – повторили они вопрос.

– Погибли. Я одна осталась. Тело моего мужа в соседнем балке.

– Как погибли? От чего?

Анна растерялась. Она не знала, как ответить. Сказать, что призрак уничтожил всех, было нереально. Сама медработник, Анна понимала, что ее просто запрут в психушку.

– Я не знаю. Вначале пропал Аркадий, потом братья и Петр. Мужа я нашла в снегу.

Командир вышел, направился к балку. Открыв дверь, он тут же отпрянул назад. Внутри стоял невыносимый трупный запах. Вернулся назад, сел на низкую скамью.

– Без следствия здесь не обойтись. А вы, дамочка, собирайтесь, полетите с нами в район.

Анна встала и опять упала на кровать. Ослабевшие ноги не держали. Она почти ничего

не ела, постоянная рвота замучила ее. Командир поднял Анну на руки.

– Вы вдобавок и беременны?

Он увидел выпирающий маленький живот из распахнувшегося халата.

– Да, четыре месяца по расчетам.

Они вышли, подперев балок увесистым поленом. Внутри вертолета командир бережно посадил женщину на сиденье. Пилоты забрались в кабину. Мотор загудел, лопасти завертелись, вертолет поднялся в воздух. Анна с болью смотрела в круглый иллюминатор на место, где перетерпела столько ужаса, что не пожелаешь и врагу, и оставила свое счастье и любовь.

Вечером Федр Наумович задержался в сельсовете. Он ждал звонка. Вскоре загредел телефон, председатель снял трубку. Тот же густой бас, не поздоровавшись, поведал.

– Бригада погибла. Осталась жива жена бригадира, лежит в больнице с нервным истощением, что ли. Следственная комиссия вылетела на место происшествия.

Федр Наумович оцепенел, все еще держал трубку возле уха. Гудки телефона эхом отдавались в мозгу. Он в сердцах бросил на рычаг трубку, тупо уставился в стену.

Как объяснить с родственниками? Перед глазами возник образ улыбающегося Ивана. Ведь он сам дал добро аргить на Собачье. Зачем согласился на просьбу Ивана? Председатель терзал себя мысленно. Он знал плохую молву о местности. Теперь догадывался, от чего погибли оленеводы. Но об этом нельзя говорить. Советская власть давно искоренила из мозгов людей старую веру о духах и суевериях. Коренной народ стал забывать свои традиции. Подражая русским, смотрели на жизнь реально и верили только в себя. «Лепешка», тяжело вздыхая, поднялся. Он решил всю ответственность сообщения родным о трагической кончине бригады взвалить на плечи секретаря. Для этого пошел к ней домой. А сам на денек уйдет в запой, поминать умершие души пастухов.

Пятеро человек, переговариваясь, бродили возле озера Собачьего. Высокий молодой мужчина с почти квадратными плечами стоял у бережка и бросал камешки на подтаявший ледяной панцирь озера. Это был старший следователь Конюхов или просто Степаных. Вдо-

воль наигравшись, он повернулся к своим. Трое из мужчин были одеты в милицейские полушубки и шапки. Один, как и Конюхов, в штатском.

– Ну, что скажете по такому случаю?

Один выступил вперед.

– Первоначальный осмотр трупа бригадира...

Следователь прервал его.

– Давай по-простому, Дима. Мне твои медицинские термины ни к чему.

– Короче, у бригадира сломаны все позвонки, для такого убийства нужна нечеловеческая сила.

– Значит, ты хочешь сказать, что женщина никак не могла сделать такое.

– Категорически заявляю – нет.

Мужчина сам был крупный и рост выше среднего.

Конюхов задумался. Где же остальные трупы?

– Значит так, попробуем поискать. Вскрывайте все подозрительные бугры. Лопаты взяли, пошли, – обратился он к остальным.

От озера следственная комиссия двинулась в лес. Ветви лиственниц больно хлестали по лицу. Кустарники, с уже наливающимися почками, цеплялись за унты. Мужчины то и дело спотыкались, бранясь в полголоса. Целый день они шастали по лесу, вспахали бесчисленное количество бугров и голодные, продрогшие вернулись в стоянку.

В балке хозяйничали пилоты. Один помещивал в кастрюле лапшу, другой открывал консервные банки.

– Ну что, когда будем вылетать? – обратился старший, когда группа расселась по местам.

Старший следователь посмотрел на него.

– Отдохнем, еще немного поищем. Чую, тела где-то рядом. Благо ночи белые, ждать завтрашнего дня не придется.

– Женщина что говорит? – спросил пилот.

– Молчит. Явно скрывает факты, недоговаривает. И врачи долго не разрешают говорить. Видите ли, нервный стресс, и брюхатая вдобавок.

Все заработали ложками. Тишину прерывало лишь сопение и чавканье голодных людей. Вдруг приятную трапезу нарушил звонкий треск расколотого стекла. В окне, находящемся с боковой стороны, образовалась внушительная дыра. На полу валялся камень.

– Черт, кому делать нечего? – чертыхнулся один из милиционеров.

Он подошел к окну, посмотрел в отверстие.

– Ой, смотрите, ребенок стоит, – произнес мужчина.

Сидевшие за столом тоже услышали детский смех. Группа вышла из балка. Неподалеку от них стоял и улыбался мальчишка лет шести, одетый в парку.

– Откуда он здесь взялся? Неужели пастухи рискнули аргишить, – сказал эксперт Дима.

Ребенок замахал руками, призывая их идти за собой.

– Куда он зовет? И взрослых не видно, – проговорил следователь.

Мальчишка будто догадался, что за ним не пойдут, перестал улыбаться, сурово глядя на взрослых, попятился назад, затем скрылся за деревьями.

– Ничего не понимаю, откуда взялся ребенок? – снова заговорил Конюхов и обратился к пилотам, – не отходите от вертолета, залезут внутрь, натворят делов.

Группа снова взялась за лопаты, направилась в сторону озера. И опять бесконечные поиски. Скоро и самому Степанычу надоело шастать по сырой мшистой земле и, плюнув на все, решил вернуться. Молодой эксперт Дима, недавно окончивший институт, плелся позади всех, перепрыгивая с кочки на кочку. Он один был в ботинках, и его промокшие ноги хлюпали в сырой обуви. Эксперт залез на обширный, заросший мхом холм, снял ботинки, принялся выколачивать сор об торчавшую деревяшку.

– Вы бы, Дмитрий, еще тапочки надели, – сказал Конюхов.

– Вообще-то мое дело трупы осматривать, а не с вами бродить и ковыряться в земле, – обиделся эксперт.

– Ладно, не сердись, подай мне палку.

Эксперт перестал стучать своими ботинками, встал и с натугой вытащил деревяшку. Бросил ее к ногам следователя. Конюхов поднял ее, внимательно стал изучать.

– Да ведь это остаток креста или ограды, – произнес он.

Милиционеры подошли к нему, встали за спиной.

– Видите треугольники, квадратики, кругляшки вырезанные – так местные украшали кресты и ограды своих умерших родственников. Дорогой товарищ, вы сидите на чужой могиле, – обратился он к Дмитрию.

Эксперт поспешно вскочил и под смех коллег скатился вниз. Не смеялся один следователь, он неторопливо обошел холм.

– Что-то великовато пристанище для одного покойника. А ну-ка, ребята, за работу.

Конюхов схватился за рукоять лопаты, вонзил в мягкую землю. «Вроде нашел», – про себя произнес он. Взмахнув пару раз и отбросив в сторону сырые комья, он увидел кусок серой ткани. Чутье не обмануло следователя.

Впятером работа пошла быстрее, и скоро взору людей предстала страшная картина. Внутри ямы у пустого гроба лежали четыре, еще свежих трупа, под ними оказались скелеты давно умерших людей.

– Самого хозяина нет, – перешептывались между собой взволнованные милиционеры.

– Что носы повесили? Бегите за носилками. Заберем пока четырех жмуриков.

Конюхов держался бодро, всякое за свою службу он успел повидать, и это зрелище не так волновало его, как остальных. Степаных прикрыл платком нос от невыносимой вони, отошел от ямы.

Пока двое ходили за носилками, он, отдохнув, принялся поднимать наверх тела. Принесли носилки. По порядку перенесли мертвцов в вертолет. Прикрыли брезентом. Осталось затащить бригадира, двое милиционеров двинулись к балку.

Конюхов с экспертом присели на бревно, закурили.

– Я понимаю Ивана, – начал Степаных, – Тут целый Клондайк для стада.

Они разглядывали богатую землю, застеленную серым ковром мха. Милиционеры уже возвращались назад со своей ношей, когда один из них оглянулся назад и увидел сплошную стену черноты, расползавшуюся по их следу.

– Товарищ следователь! – крикнул издали мужчина, таща носилки. – Какая-то черная тень надвигается к нам.

– Какая тень, солнце во всю светит, – и тут же осекся.

Чернота медленно расползлась, накрывая все на своем пути. Вдруг, один из пилотов прокричал что-то из кабины вертолета, указывая на заросли ивовых кустов. Присмотревшись, они увидели человека в широком балахоне с откинутым капюшоном.

Эксперт Дима навел бинокль.

– Мамочка дорогая, – выдохнул эксперт, испуганно пятась, рванулся к вертолету.

– Дай сюда.

Конюхов, догнав, вырвал из трясущихся пальцев Димы бинокль, поднес к глазам. Увиденное ошеломило его. Он увидел страшное лицо мертвеца, зияющую до кости плоть, рваные обрывки ссохшейся кожи и глаза, горевшие внутренним огнем.

Рядом с ним стоял мальчик. Призрак поднял руку, угрожающе сжал пальцы с длинными когтями.

– Быстрее прыгайте в машину!

Конюхов помог занести в вертолет злополучные носилки и залез сам.

– Летим скорее! – завопил он на пилотов.

Те включили двигатели, чернота, достигнув вертолета, постепенно стала отступать назад. Вертолет дернулся, тяжело поднялся и полетел, унося испуганных людей с проклятого места.

– Ты видел? – Дима дергал Конюхова за рукав. – Ничего себе!

Он никак не мог успокоиться. Теперь он подозрительно косился на лежащие трупы: вдруг и им вздумается проснуться.

Квартира следователя Конюхова состояла из двух комнат и маленькой кухни. В одной находилась спальня, в другой зал. Посередине большой комнаты стоял круглый стол с четырьмя стульями, в углу телевизор на высоких ножках, напротив сервант, у стены небольшой диван, на котором в данный момент развалился эксперт Дима. Сам хозяин сновал из кухни и обратно, сервировал стол.

– Шикует, – с завистью подумал эксперт, некстати вспомнив свою комнату в общежитии.

Степаных поставил три прибора и снова юркнул в кухню, оттуда вышел с ароматной картошкой. Скоро на скатерти появилось множество разной вкусной снеди. Эксперт сглотнул слюну.

– Чего слюни распустил, рассказывай, что дало вскрытие?

– Интересный случай – у четверых, кроме бригадира, отсутствуют внутренние органы. У старика разломана грудная клетка, другое время побывал в воде, видимо потом перетащили, третий обгорел, у четвертого вообще голова отсутствует.

После отчета эксперта у Конюхова напрочь пропал аппетит.

– Как ты думаешь, Степаныч, что мы там увидели, неужели живой мертвец?

– Сам не понимаю, много тайн у природы, Дима.

– Думаешь, она придет и расскажет?

Не успел эксперт договорить, как в дверь негромко постучали. Конюхов пошел открывать. На пороге стояла Анна.

– Проходите, Анна Васильевна, мы вас ждали.

Он помог снять ей пальто и, взяв под локоток, повел к столу. Анна тяжело опустилась на мягкую обивку стула, прикрыла шалью выпирающий живот. Она сильно осунулась, похудела, четче выделялись круги под глазами, но это не портило редкую красоту ее лица.

– Угощайтесь пожалуйста, чем богаты, тому и рады, – сказал следователь и положил в тарелку картошку с ароматной подливой.

После обильного ужина Степаныч разлил по чашкам крепкого чаю и только потом начал разговор.

– Анна Васильевна, теперь без утайки расскажите, что произошло. И не думайте, мы не примем вас за сумасшедшую, потому что мы с Дмитрием видели там такое...

Конюхов вкратце пересказал о расследовании на Собачьем. Анна выслушала его.

– Ну что же, вы видели его. Теперь я могу рассказать все, не опасаясь, что меня не так поймут.

Женщина в свою очередь, с болью припоминая каждую мелочь, рассказала обо всем, что произошло на Собачьем.

– В ту страшную ночь я загрузила в нарты тело мужа и даже не понимаю, как вернулась обратно с тяжелой ношей. Я твердо знала – чудовище не тронет меня. Так и жила. Запаса продовольствия хватало на много месяцев.

– Неужели из-за амулета? – спросил эксперт.

– Нет. Я являюсь прямым потомком этого сатаны.

– Вы видели его после всего случившегося? – задал вопрос Конюхов.

– Да, на следующую ночь. Он кружил, как ворон, возле балка где лежал муж. Ванюша так и не узнал, что станет отцом.

Женщина заплакала. Конюхов подал ей носовой платок.

– Прошу вас, не плачьте. Вам нужно беречь себя и дите.

– Детишек, – сквозь слезы улыбнулась Анна.

Засиделись допоздна. Эксперт первым встал из-за стола. То, что нужно, он узнал, и сейчас торопился домой. Надо написать отчет, завтра отвезут пастухов на захоронение в село.

Когда за Дмитрием закрылась дверь, следователь обратился к Анне.

– Оставайтесь ночевать, уже поздно.

Женщина согласилась. Вместе убрали грязную посуду, чисто перемыли, и Анна ушла в предложенную Конюховым спальню. Ранним утром следователь проводил ее в аэропорт и, прощаясь, сказал:

– Вы ведь понимаете, Анна, мы не можем приписать в дело какого-то призрака. Все будет выглядеть, как несчастный случай.

Анна кивнула и, пожав ему руку, пошла к вертолету. Конюхов долго смотрел ей вслед. Чем-то взбудоражила его сердце эта несчастная женщина.

Село было в трауре. Молодежь вся собралась в клубе, нужно сделать венки погибшим оленеводам. В домах родственников стоит плач и стон. Вой собак оглашал улицы.

В полдень прилетел вертолет. Народ окружил крохотную площадку. Некоторые с любопытством таращились в открывшуюся дверь. Первой вышла Анна вся в черном. Заранее приехавшие родители подхватили дочь, не спеша ушли в дом Таты.

Пришел черед и страшному грузу. Мужчины по одному разнесли гробы в дома. По традиции похороны состоялись через три дня. На кладбище люди прощались возле закрытых гробов. Уходя, бросали по три горсти земли. Несчастную мать братьев придерживали с двух сторон. Женщина ослабла от горя, еле передвигала ногами. Вот она увидела Анну, остановилась.

– Как ты осталась жива, Анна, а мои детки умерли. Правду Таты говорила – отродье ты вместе со своим проклятым родственником. И Иван твой пусть перевернется в гробу, увез моих мальчиков на гибель.

– Мама перестань. Анне тоже тяжело, – говорила дочь женщины.

Она шла следом за матерью, улыбнулась печально Анне.

– Ничего, пусть говорит, – произнесла Анна.

Долго еще доносилась ругань матери братьев в спину Анне.

Прошел год. Лето выдалось сухим и жарким. Солнце в четверть неба опаляло своими лучами землю. У пяти могил, загороженных одной оградой, стояла Анна, держа на руках двух карапузов-близнецов. Маленькие ручонки с оттопыренными пальчиками указывали на памятники с овальными рамками фотографий.

– Вот ваш папа, это дед Петр, дядя Аркаша и Костя со Степой, – перечисляла Анна имена.

Мальчишки не понимали, только хлопали глазенками, улыбались матери. Над кладби-

щем пронесся легкий ветерок, зашелестел листвой. Анне казалось, что покойники шепчутся в своих тесных домовинах.

Треск сухой листвы от приближающихся шагов испугал ее. Анна повернулась. К ней шел человек в плаще. Анна узнала следователя Конюхова.

– Вот, был в соседнем селе. Заехал к вам проведать. Мне сказали, что вы здесь.

Степаныч кашлянул, переминаясь с ноги на ногу, он испытывал неловкость перед ней. Анна улыбнулась.

– Возьмите на руки Петрушу, а я Ванюшу. Теперь моя очередь пригласить вас в гости.

Они пошли, не оборачиваясь, в село. Старики говорят: уходя, не смотри назад.

Иди, Анна вперед, не оглядывайся, может в будущем ждет тебя счастье.

Татьяна Шайбулатова

Родилась в 1960 году. Живет и работает в Норильске с 1991 года. Член Союза писателей России, руководитель Центра литературного творчества. Публиковалась на страницах норильских газет, в коллективных поэтических сборниках, в альманахах «День и ночь», «Полярное сияние».

И поскакали всадники навстречу солнцу... рассказ

«Меня убили на Сузевском валу, во время случайной перестрелки. Честно говоря, я даже не поняла, кто там в кого палил. Просто, шла по своим делам, вдруг упала. И лежа смотрела на бордюр тротуара. Двигаться я не могла. Боли не было. Сначала не было и звуков, но потом они проявились, только как-то странно, как в большом зале с хорошей акустикой. Шум машин, топот бегущих ног, сирена. Потом кто-то громко сказал: «Этой мы уже не поможем», после чего меня накрыли чем-то темным... Все звуки слились в один сплошной гул. Я смотрела на темное нечто, что стало препятствием между мной и миром. Время остановилось».

Она вошла в квартиру тихо, разулась в прихожей и осторожно заглянула в большую комнату. Драгомир чинно сидел за столом и рисовал. «Мальчик, мой» – еле слышно прошептала она. Он услышал. Не поднимая головы, тут же отозвался:

- Мамуль, это ты?
- Я, милый, я.
- Я соскучился.
- А уж я то, как соскучилась...
- Ты продукты купила?

Она кивнула, не отвечая, и побрела на кухню, соображая, что бы приготовить. Переложив продукты из сумки в холодильник. Драгомир был мал. Он был еще дитя. Ему минуло четыре года. Однажды они были в гостях, и он увидел на подоконнике огромную вазу с сухо-

фруктами. «Что это?» – спросил он изумленно. «Это – продукты» – важно ответила хозяйская девочка, которая была старше него на целых четыре года. «Я хочу продукты» – честно признался он. Все хохотали. И, когда она с сыном собиралась уже уходить, Дамирка вдруг спросил: «А продукты?». Все опять захохотали, и хозяйка щедро насыпала в кулек требуемых «продуктов».

Дома она объяснила сыну, что просить не хорошо, что продукты есть и у них дома. «Покажи!» потребовал сын. Она показала ему баночки, скляночки, кульки и коробки, среди которых были, конечно, и сухофрукты, и великолепный рассыпной кисель, который Дамир оценил, моментально набив рот крахмалисто-сахарной мучкой. С тех пор все съедобное он называл одним емким словом «продукты», ввергая в изумление взрослых.

«Сварю пельмени» – подумала она. Поставила кастрюлю на огонь и зажгла газ. Высыпала пельмени в миску, дожидаясь, пока вода закипит, подошла к окну.

Дамирка. Они жили вдвоем. Дамиркин папа был не с ними. У него был долг. Бесконечный долг перед матерью, которая воспитала его одна. И он не мог совместить любовь к жене и ребенку с долгом перед матерью. Мама постоянно болела и жила в пригороде. Никогда не приезжала к ним в гости. Не признавала внука, а уж о невестке и речи быть не могло. На свадьбе молчала, не сказала ни слова. А через два года заболела так, что слегла и не вставала. Алька тогда бросил и жену и сына, поехал поднимать маму, потому что, не могло быть и речи о том, чтобы лечь в больницу, или чтобы этим занималась Ирина. Она осталась

тогда с маленьким Драгомиром. Ее драгоценным. Ее миром. Сначала муж приезжал на выходные и рассказывал, что мама уже поднимается в постели, мама уже съела полпирожка, мама выпила стакан чая. А сколько счастья было, когда мама сама сходила в туалет. Алька рассказывал об этом с восторгом. Как помогал ей идти, как она присела на унитаз и пожурчала в свое удовольствие. Постепенно нормой стало то, что он приходил к ним раз в неделю, рассказывал о маме, и, почти не замечал сына.

Дамирка научился рисовать и читать, стал славным, красивым мальчиком. И он знал, что у него есть папа и бабушка. Но они живут где-то в загадочном «там». Добраться к Дамирке из этого «ТАМА» трудно, бабушка не может, а вот папа иногда приезжает. Но «ТАМ» – странный, он отпускает папу ненадолго, и папа вновь возвращается к бабушке в странный и немножко страшный «ТАМ».

Она вздохнула и высыпала пельмени в кипящую белыми пузырями воду. Посолила. Подошла к телефону. Набрала номер и почти сразу, минуя гудки, услышала дребезжащий голос свекрови (вечно больной ларингитами): – Алле!?

– Наталья Семеновна, здравствуйте, это я... Ирина... Алик дома?

– Алик, возьми трубку... – голос свекрови удалился и совсем пропал.

– Да! – Резко, как всегда отрубил Алька. – Кто это?

– Здравствуй, любимый. – Ирина постаралась, чтобы голос звучал уверенно. – Ты мне очень нужен. Приезжай скорее.

– Да, но мама...

– Да, но мама... – перебила она его. – Дело не терпит отлагательств. – Сама удивилась своему казенному тону и официозности фразы.

Ну... ладно, – нехотя отозвался он. – Через час.

И первым положил трубку.

Вода кипела белыми жемчужными пузырями. Она помешала пельмени в кастрюльке. Часть из них всплыла. Достала чистую тарелку, вилочку, поставила все на стол. Дамирка напевал в комнате какую-то песенку, на ему только известный мотив: «...И поскакали всадники навстречу солнцу... м-м-м-м... а на пути у них большая река... М-м-м... и сказа-

ли они, наверно нам лучше поскакать назад... м-м-м...и поскакали...»

«Акын» – подумала Ирина. Выловила всплывшие, наконец-то, пельмени и выложила горкой на тарелку. Полила щедро сметаной и крикнула:

– Дамир, скачи на кухню, обед готов...

– Скачу, мам! – Сын моментально вступил в игру. – Мам, я сегодня конь!

– Мой копыта с мылом. – Быстро согласилась она.

Сын процокал в ванную, зашумела вода из-под крана...

Вылавливая губами последний пельмень с тарелки, Дамирка промычал набитым ртом: «Мам, я тебя лупшу».

– И я тебя, сынок.

Он поднял к ней измазанную сметаной мордашку. Ну а как же. Не может же конь есть вилок. Конь ест теплыми мягкими губами прямо из ладоней всадника или из кормушки. Ирина вытерла обсметаненные щеки сына.

– Скачи умываться.

– Я рисовать!

– Хорошо.

Звонок. Это Алик. Она встала у окна, а сын, уронив стул, прогрохотал к двери, загремел замком и завопил радостно:

– Ур-р-р-а! Папочка!!!! Любименький!!!! Пап, пап, а я сегодня конь!!!

Ревность лишь на секунду кольнула ее.

Алик разулся и прошел в зал, потом на кухню. Обернулся к сыну, следовавшему за ним хвостиком.

– А где мама?

– Вон! – уверенно ответил тот, показывая пальцем на Наташу, сидящую на стуле у окна.

–?

Ничего другого она и не ожидала. Алик ее не видел.

– Где?

– Вот! – Дамирка подскакал к матери и обнял ее за шею и чмокнул в щеку.

Алик достал сигарету и закурил.

– Не кури при ребенке... – машинально произнес Дамирка, много раз слышанную от матери фразу.

В этот момент зазвонил телефон. Алик взял трубку:

– Да! – Несколько минут слушал. Потом положил ее на место и тяжело сел на стул.

Он тяжело сел на стул, на котором сидела Ирина. Он ощутил странное тепло, прошедшее по телу и сконцентрировавшееся в груди. «Любимый» – прошептала она. Он вздрогнул. «Любимый, – прошептала Ирина снова, – помоги мне. Как сказать сыну?»

Алик повернулся к Дамирке, счастливо сияющему глазами.

– Сын, нам надо поговорить. Дело в том, что мама погибла...

– Мама вон! – Он показал на Ирину, стоящую у окна, измазанным в краске пальчиком.

Алик послушно повернулся и проследил взглядом в направлении, указанном сыном.

– Дим, мамы нет.

– Мам? – мальчик вопросительно взглянул на мать.

– Иди в комнату, малыш. – Ирина не знала что делать.

– Хорошо. – Он повернулся и тихо ушел в комнату, как делал всегда, когда родители ссорились в свои редкие встречи.

Алик закурил и потянулся к телефону.

«Похороны прошли тихо и быстро. Я смотрела на них сверху. Алик, притихший, плакал. Виски у него поседели. Наверное, он любил меня.

Дамирка вертелся, смотрел то на мое тело, то заглядывал в могилу и сетовал, что там темно, а то смотрел вверх и махал мне рукой.

Наталья Семеновна, слабенькая, седенькая, гладила сына по руке.

– А как же мама? – Удивленно спросил Дамирка, когда на могилу стали складывать цветы.

Свекровь вдруг задрожала губами.

– Прости меня, деточка, прости... – и заплакала.

Я погладила ее крылом.

– Мама ТАМ, – уверенно сказал Дамирка, глядя на меня.

– Там деточка, там...

И я смотрела сверху, как они уходят позади всех моих друзей и знакомых. Ссутулившийся Алик, плачущая женщина и маленький Дамирка, идущий посередине и держащий их за руки».

Снежные зайцы

зимняя сказка

Вообще то в природе снежных зайцев не бывает. Это мы, конечно, погорячились. Но, погода была уж очень теплая, вот мы с Анютой и слепили из снега снежную семью: заяц папа – он у нас кривобокий получился, но это ничего, правда? Заяц мама – толстенькая такая, и зайчишка, на Киркорова похож. Только маленький очень. А с морды, извините, ну просто вылитый.

Мы слепили их, замерзли, и домой ушли. Ну а зайцы эти, освоились, прыгать начали, да и устроили норку прямо под нашими окнами.

Так и зажили: мы с Анютой на четвертом этаже, а зайцы внизу, во дворе детского садика.

И начали они плодиться. Это просто какое-то стихийное снежзаячье нашествие. Проснешься раньше бывало утром, посмотришь в окошко – хорошо! – снег, дома, гора Шмидтиха виднеется, вдали трубы заводские смолят в небо, как огромные сигары.

А теперь что? И стекла не видно. Зайцы снежные. Скачут. Балуются, резвятся. И такую пыль поднимают, что все окна заметут. Приходилось нам с Анютой форточку открывать и в

нее высовываться, чтобы на зайцев этих посмотреть. Интересно же! А потом ангина, конечно. Что ты будешь делать? А зайцев все больше и больше с каждым днем. Анютка довольная! В школу не ходит, ангиной болеет. Целый день перед телевизором лежит, чай с малиной булькает. А только я за порог, так она в форточку – на зайцев полюбоваться. Я прямо не знала, что и делать.

Только тут весна нагринула. И за одну ночь все наши зайчики пропали. Может в тундру убежали? Там зима дольше задерживается.

Анютка болеть перестала, в школу ходить начала. Теперь я довольная. Только она, рыбка моя, скучать взялась. Сядет у окошка, смотрит на дома, на гору Шмидтиху, на трубы сигарные, которые в небо дымом смолят, и все скучает. А на нее глядя, и я загрустила. Да только не на такую напали! Покопалась я в лоскутках, ваты достала, мех белый от старой крольчачьей шапки, нитки да иголки и уселись мы с Анютой зайцев шить. Сначала папу кривобокого, затем маму пухленькую и зайчонка – с мордочкой как у Филиппа Киркорова. Красота.

На полочку поставили, любимая. Красиво.
Анютка счастливая!..

Спать легла, зайцев с собой уложила. Начала и я укладываться: глаза закрыла, да только

ой, не спиться мне. Все кажется, что в соседней комнате маленькие лапки по полу топочут.

Зайцы. Плодятся, наверное...

Откуда я взялся?

Откуда я взялся?

Я папу спросил.

А папа в ответ помолчал, закурил,

Сказал мне:

– Я занят. Читаю, смотри.

Иди и у мамы скорее спроси.

Откуда я взялся?

Я маму спросил.

А мама сказала:

Ах! Нет моих сил.

Иди и умойся, и здесь не сори.

Откуда взялся у бабули спроси.

Я руки помыл, я игрушки убрал,

И бабушке старенькой строго сказал:

Ответь мне, бабуля, чур, только не врать!

Откуда я взялся ты можешь сказать?

Бабуля меня обняла, приласкала,

И тихо на ушко мне прошептала:

Выпала звездочка прямо из тучек.

Это и был мой единственный внучек.

Если звезды в небе светят, –

Сказочно большим и детям.

Значит мама будет дома,

Папа и сестренка Тома,

Кошка Муся, пудель Тишка...

Я возьму большую книжку,

Будем сказки мы читать,

Чай с вареньем распивать.

У нас в шкафу живет пальто –

Печальный зверь. И у него

Пушистый, рыжий, лисий хвост

И пуговичный нос.

Он на работу ходит с мамой,

Он самый добрый, милый самый.

Я жду его. За это

Приносит он конфету.

Еще в шкафу живет пиджак.

Он строгий, словно папа.

Я нашалю, ругает так,

Что я однажды плакал.

Но все равно его люблю,

Порою, даже не шалю.

Еще там курточка живет.

Ее карманы, словно рот.

Все время есть он просит,

И разности приносит:

И старый мяч,

И мой пугач,

И всякий хлам.

Ну, стыд и срам.

Тогда ее ругают,

И чистят и стирают.

Елена Кухта

Родилась в 1978 году. Живет в Норильске. Преподает сольфеджио. Пишет стихи и песни для детей и взрослых. Занимается в Центре литературного творчества «Водолей». Печаталась на страницах норильских газет, в альманахе «Аквариум», в поэтическом сборнике «Да не покинет вас любовь». В альманахе «Полярное сияние» публикуется впервые.

Чудесная страна

Я сегодня побывала
в удивительной стране.
Сразу я её узнала.
Светят звёзды при луне,
Улыбается рассвет,
кланяются травы,
Лишь грустинкой тает след
от любимой мамы.
Ищу я маму с ветерком,
Бегу по небу босиком,
Кашея я не побоюсь
И Бабке-Ёжке улыбнусь.
Бояться-то её зачем?
Она не страшная совсем.
Ещё на почту отнесла
я дятлу телеграммы.
Он обещал, что донесёт
одну из них до мамы.
Я маму в сказку приглашу,
смеяться звонко научу
И подарю я навсегда
ей два волшебных слова.
Послушной стану,
никогда не сделаю плохого.
Я сказку былью оберну
И золотую рыбку
Себе на помощь позову,
Чтобы для всех открыть страну
Чудес, добра, улыбки!

Пары

Пара, пара, пара рам.
Всюду пары, тут и там.
Пары маленьких ежей,
Пара диких лебедей
Пара уток, пара хрюшек,
Пара кранов возле душа,
Два кусочка бутерброда,
Пара вишен в огороде,
Очень много пара в бане,
Пара голубцов в сметане,
Пара ручек, пара ножек
И резиновых сапожек,
Пара черненьких ресничек,
Пара теплых рукавичек,
Пара ленточек в косичках.
Подарю я пары вам,
Ну а пару, папу с мамой,
Никому я не отдам.

Мой подарок

Я сегодня песню пела,
Колокольчиком звенела,
С васильком наговорила
И с ромашкой подружилась.
А потом я полетела
С одуванчиком домой:
Мимо астры, мимо розы,
Незабудки и мимозы,
И на день рожденья мамы
Подарила без проблем
Ей букет из самых-самых
Белых-белых хризантем!

Геннадий Медведев

Родился в 1949 году в Челябинской области. С 1972 года живет в Дудинке, работает электромонтером в АО «Норильскгазпром». Литературным творчеством начал заниматься уже в зрелом возрасте. Публиковался в местной газете «Таймыр», в поэтическом сборнике «Город белых ромашек», в сборнике «Пилигримы». Постоянный автор альманаха «Полярное сияние». В 2003 году вышел первый поэтический сборник «Я родился в уральской деревне».

Приключения Персика

Недалеко от города, среди леса стояла дача. На этой даче жила семья. Котенок со своей мамой Муркой, маленькая девочка Аленка и ее мама с папой.

Случилось так, что хозяева уехали на время в город, а Мурка осталась присматривать за котенком.

В лесу в этот день шумел дождь. Он тихо-нечко шуршал в траве, роняя в ручей серебряные гвоздики. Персику было одиноко и скучно. Нет, это был не тот персик, что растет на дереве и сладко просится в рот, а пушистый, рыжий котенок Персик, который скучал и ждал возвращения своих хозяев.

Так вот – Персику было скучно, и еще он хотел есть. Но больше всего ему хотелось погулять у ручья. Котенок знал, что там живет старая-престарая, зеленая щука. Она давно переловила всех рыбешек и теперь питалась неизвестно чем. Наверное ловит мышей – думал он. Персик побаивался близко подходить к ручью – мало ли что взбредет на ум этому водяному чудовищу. Иногда он осторожно сбрасывал лапкой еловые шишки с обрыва и видел, как щука высовывала из воды свою страшную, зубастую пасть. От одного ее вида у Персика подгибались лапки, и хвост вставал трубой. Он даже пробовал шипеть и урчать. Правда, урчание получалось жидкое, не такое как у мамы Мурки, но ведь Персик был еще не настоящий кот, а всего-навсего котенок, рыжий и круглый, как персик.

Наконец-то, дождь прекратился. Выглянуло солнышко. Пока Мурка ловила в лесу мышей, Персик решил сходить в гости к знакомому бурундучку, который жил совсем рядом, в овраге, густо заросшем малиной и шиповником.

Никто бы не догадался, что там живут смешные и маленькие зверьки, похожие на морячков в полосатых тельняшках. Персик бывал у них часто и поэтому хорошо знал дорогу. Он подошел к оврагу и хотел было уже сползти вниз, как вдруг увидел глухаря. Глухарь был очень старый. Когда он родился, на этом месте дачи еще не было, а Персика и подавно на свете не было. Глухарь сидел на сосне, которая росла возле дачи. Сосна была такой высокой, что когда Персик с Аленкой, пытаясь разглядеть ее верхушку, запрокидывали головы, то теряли равновесие и падали.

Глухарь, сидя на верхушке, отдыхал, зажмурив глаза, и чуждал от удовольствия.

А когда глухарь чуждает, он ничего не слышит. Поэтому его и звали – Глухарь. «Напугаю-ка я его, вот смеху будет,» – решил Персик и неслышно подкрался к сосне. Взобраться на нее было трудным делом, котенок даже животик поцарапал. Когда до вершины осталось совсем немного, сбоку вдруг раздался хриплый голос:

– Р-р-разбойник! Все р-расскажу! Пр-приедут – выпор-р-рют!

Персик от неожиданности чуть не свалился вниз. Повернув голову, он увидел знакомую ворону Карри.

– В кр-ровь выпор-р-рют пр-роказника, – пообещала ворона, садясь на соседнее дерево.

Персик проверил, не услышал ли глухарь, и полез дальше. Он ведь считал себя ужасно умным и никого не слушался.

Наконец, котенок добрался до самой вершины, изловчился и р-раз! Схватил глухаря коготками за лапу. Старый глухарь вздрогнул и вдруг расправил огромные крылья. Не успел Персик

мяукнуть, как они взлетели с верхушки дерева. Персик хотел запищать, но от испуга забыл, как это делается. А глухарь поднимался все выше и выше, и тайга внизу казалась уже большим зеленым морем. Котенок с закрытыми глазами болтался на жесткой лапе глухаря, и от страха тихонько попискивал. Он думал почему-то о вороне, которая все непременно расскажет Аленке. Она будет искать Персика и плакать на весь лес. А он, Персик, никогда больше не вернется на родную дачу. Котенок не помнил, сколько времени цеплялся за глухаря. У него сильно устали лапки и от страха стало все равно – разобьется он или нет. Вспомнив последний раз Аленку, котенок пискнул и выпустил лапу глухаря.

– Вот и все, – мелькнула короткая, как его усы мысль, и он шлепнулся во что-то холодное и мокрое.

– Вода, – догадался Персик и заработал всеми четырьмя лапками. Вынырнув, котенок фыркнул от отвращения, так как терпеть не мог воду. Невдалеке был берег, и Персик быстро поплыл к нему, хотя плавать его никто не учил. Наверно, умел это делать до своего рождения. Выбравшись из воды, он отряхнулся и начал осматриваться по сторонам. Место было совсем незнакомое. Кроме того, страшно хотелось есть. У берега росла трава с узкими и острыми листьями. Котенок вырвал травинку и стал жевать. Трава оказалась такой горькой, что даже зубы свело. Попробовал поймать комара, но тот преобильно укусил его в нос. Персик потерял лапкой укушенное место и поплелся вдоль берега, надеясь найти что-нибудь съедобное. Вскоре он увидел небольшую лужу, а в ней пучеглазого карасика с яркими золотыми боками. Рыбка заплывала сюда, наверное, в половодье, да так и осталась, когда вода уже схлынула. Недолго думая, Персик ринулся в лужу. Все равно ведь был мокрый. Но рыбка попалась проворная и хитрая. Пока вода в луже была светлая, она металась из стороны в сторону и увертывалась, как мышка. Потом со дна поднялась муть и карасик где-то притаился. Персик понял, что из его затеи ничего не выйдет и побрел дальше.

– Хоть бы кусочек колбаски найти, – тоскливо думал он, бредя вдоль ручья и слушая, как бурчит у него в животике.

Вдруг рядом с его хвостом щелкнула ужасная пасть. Щука! Она смотрела на него холодными, злыми глазами и явно собиралась слопать. Опрометью Персик выскочил на обрыв и хотел вздыбить шерсть на спине. Но у него ничего не получилось, так как шерсть была мокрая. Тогда он зашипел и выгнул спину.

Щука, наверное, испугалась и скрылась в воде. Персик победно огляделся и вдруг узнал знакомый ручей, ключик, где они с Аленкой набирали воду, тропинку, которая вела к даче. Со всех ног котенок бросился по мокрой дорожке домой. Подбегая, он услышал знакомые голоса и среди них – родной голос Аленки. Персик забежал на веранду, радостно мяуча. На табуретке сидела Аленка и доставала из сумки большой пакет, из которого пахло колбасой и рыбой! Потом достала целую коробку КИТЕ-КЕТ! Наконец-то он дома и можно было поесть!

Наутро, когда Персик и Аленка еще спали на одной подушке, приехал на машине дедушка. Он достал из багажника большой надувной бассейн для воды.

– Аленке в подарок... – сказал дедушка.

– Здорово! – сказал папа, – теперь можно будет всем купаться и загорать.

Когда Аленка проснулась, все стали рассматривать бассейн, а Персик даже забрался внутрь. Бассейн был круглый, как большая чашка, серебристый, с красными полосками по бокам. Папа стал его надувать. Он дул, дул, а бассейн только чуть-чуть приподнялся. Лицо у папы стало красное, а потом и голова закружилась.

– Дайте-ка я – сказал дедушка.

Он тоже дул, дул. Потом и у него голова закружилась. А бассейну хоть бы что. Не надувается.

– Идея! У нас же есть газовый баллон, – сказал папа. – Давайте присоединим к шлангу – бассейн сам надуется.

Он принес баллон с газом, присоединил шланг. Там что-то зашипело, и бассейн стал быстро надуваться.

– Хватит! Хватит, закрывай кран! – кричал дедушка.

Но было уже поздно. Бассейн, медленно покачиваясь, стал подниматься в воздух. Пока папа закрывал кран, он поднялся уже над крышей. Вдруг все увидели, что в бассейне сидит Персик. Он вцепился лапками в борт и со страхом смотрел вниз. Котенок ведь не знал, что вещи, надутые газом, могут летать. Иначе близко бы не подошел.

– Прыгай! – закричала Аленка.

Персик решил подобраться к самому краю бассейна, чтобы спрыгнуть на крышу. Но только он приготовился, как бассейн внезапно перевернулся в воздухе вверх дном. Котенок от ужаса даже не заметил, как с помощью когтей вновь оказался наверху. Хвост у него от страха взъерошился и торчал над краем, как

толстая, рыжая палка. Бассейн, похожий на перевернутую тарелку, медленно поднялся над домом и поплыл над деревьями. Внизу что-то кричали папа и дедушка. Аленка плакала, а Персик сверху жалобно мяукал. Он поднимался все выше и выше. Пролетел над дачами, лесом, и вот внизу показалась остановка электрички. Там как раз собрались отъезжающие.

– Летающая тарелка! – Закричали в толпе. – Смотрите, летающая тарелка! Инопланетяне! Рыжие!

Это они увидели Персика и решили, что видят инопланетянина. Одна женщина даже упала в обморок! Персик пролетел над толпой, над подходящей электричкой и теперь плыл над густым, сплошным лесом. Вдруг рядом показалась ворона, которая едва поспевала за ним.

– Доигр-рался, допр-рыгался р-р-рыжий! Пр-ропадешь теперь! – злорадно кричала она, постепенно отставая от бассейна.

Персик же так был напуган, что даже не рассердился на глупую ворону. Вскоре показалась большая поляна, на которой стояла огромная красивая дача. На беду котенка это была дача Главного Губернатора. А как раз к Главному Губернатору приехал Главный Президент. Они решали важные вопросы и приехали отдохнуть на дачу. А вместе с ними приехал и Главный милицейский Генерал с охраной. Охраны – видимо-невидимо! Увидели они, что тарелка приближается к даче, сразу стали кричать, чтобы тарелка улетала, иначе будут стрелять. Персик же ничего не мог поделать и от страха только сильнее топорщил свой рыжий хвост. Ну охрана видит, что из тарелки торчит какое-то оружие и давай стрелять из пистолетов! А Президент и Губернатор в это время прогуливались возле дачи. Президент подумал, что его развлекают и даже приветливо помахал рукой. Персику же было не

до приветствий Президента. Пули так и свистели вокруг. Некоторые попали в бассейн и из дырочек с шипением стал выходить газ. А тем временем бассейн пронесся над дачей, над толпой и оказался над широкой рекой. Пролетел над набережной. Чуть не задел за главную башню города с часами, и летел уже над площадью. Люди внизу ели шашлыки, колбасу, сосиски. От этих запахов у голодного котенка заурчало в животе. Он надеялся, что кто-нибудь догадается бросить ему хоть маленький кусочек, хотя – бы маленькую сосиску. Но все только кричали про летающую тарелку, инопланетян и показывали вверх. Персик с тоской вспомнил про Аленку и жалобно замыкал.

– Хоть бы слезть на какую-нибудь крышу, – думал он, поглядывая вниз.

А газ понемногу выходил из продырявленного бассейна и тот опускался все ниже и ниже. Наконец, чуть не зацепившись за высокий строительный кран, шлепнулся у подъезда какого-то дома. Персик потерянно оглянулся и вдруг узнал это место. Оказывается, он приземлился около родного подъезда, где они с Аленкой жили до отъезда на дачу.

А Аленка в это время плакала и говорила, что не хочет больше оставаться без Персика. Пришлось дедушке заводить машину, и они всей семьей грустные поехали в город. Сколько же было радости, когда в своем подъезде они увидели возле двери Персика! Рыжего, голодного, но такого родного.

А газеты долго еще писали про нашествие инопланетян, летающие тарелки и секретное оружие, от которого люди падали в обморок. Но Персику было все равно. Потому, что он спал на одной подушке со своей неразлучной подружкой Аленкой, и ему снилась добрая, зубастая щука, которая принесла для него в зубах большую сосиску.

Новый друг

Аленка была добрая девочка. И мама с папой были у нее самые лучшие. И было бы все замечательно, но только у Аленки температура поднялась. Коренной зуб прорезался. Мама померила температуру и уложила Аленку в постель. Потом сварила манную кашу и положив в тарелочку вместе с клубникой, ушла собирать в саду смородину. Аленка лежала одна. Есть кашу не хотелось. У нее что-то позванивало в ушах, будто кто-то звонил в маленький колокольчик. Возле печки. Звонил, звонил и покашливал.

– Кто там кашляет и звонит? – спросила Аленка.

Из-за камина высунулся маленький, лохматый старичок с бородой. На боку у него висела старая сумка.

– Плохо ты, Аленка, кашу ешь. А я манную кашу страсть как люблю, да еще с клубникой! Можно немного попробовать?

Аленка пододвинула к нему кашу: – На, ешь, а у меня температура куда-то подпрыгивает. Мама сказала. Я смотрела, смотрела, как

она подпрыгивает, да так и не увидела. Наверно я не способная. А ты кто?

– Кто-кто. Известно кто – домовой, – ответил старичок.

– Ты что ли звонишь?

– Смотри-ка! – удивился домовой. – Не все могут услышать этот звон, а ты вот услышала... Я с полянки иду. Колокольчиковый звон собирал. Подходишь к цветку, тронешь, а он звенит. Я этот звон в сумку и собираю. Потом иду к другому колокольчику. Потом еще к одному. Так и набрал полную сумку.

– А зачем ты его собираешь?

– А как же? Это самое главное лекарство от простуды, да температуры. Насыплешь в стакан, да с водичкой и выпьешь. Все как рукой и снимет.

– У меня тоже температура. Мама сказала, что это от зуба.

– Для тебя и собирал, – сказал домовой, – пусть папа насыплет тебе в стакан с водой и даст выпить.

– Папа занят, под яблоней спит, кислородом запасается. У него еле сил хватает до дачи доехать. От телевизора устает.

– Да-а, – сказал домовой, – я в городе тоже устаю. Там мылом мыться надо, а оно скользкое, из рук выпрыгивает. И шуму там много.

Домовой достал что-то из сумки, высыпал в стакан. Раздался нежный мелодичный звон. Как будто звонили сразу сто маленьких колокольчиков. Потом налил воды. Зазвенело еще тоньше и забулькало.

– Ну-ка, выпей, – он протянул стакан Аленке.

Аленка выпила и спросила: – А звон всем помогает?

– От всех болезней помогает, кроме радикулита. Это когда спина болит. Сам страдаю. На горячие ключи надо, да дачу не на кого оставить...

Нельзя домовому надолго отлучаться от дома-то. А звон без пользы еще и тому, кто старших обманывает. Одна девочка всю бабушкину сметану котенку отдала, а сказала, что ее соседская собачка съела.

– Я, дедушка, сметану нашему Персику отдала. Он сильно просил, – призналась Аленка. – Я больше не буду...

– Ну раз правду сказала, значит звон поможет. Должен помочь – то.

– Ой, сюда идет кто-то, вечером увидимся, – сказал домовой и исчез.

В комнату вошла мама. Она потрогала Аленку лоб и удивилась:

– Температуры нет?!

Тут папа пришел и тоже потрогал у Аленки лоб.

– Ура! – закричал он, – Аленка выздоровела!

Потом от радости маму к потолку как подбросит! А очки у него как слетят! И не видит он, где маму ловить. Папа поискал очки на полу и быстро нашел. Потом маму поймал. Мама даже испугаться не успела.

Утром Аленка отправилась к роднику, где они с папой воду брали. Вдруг там горячий ключ отыщется. Домовому радикулит лечить. Только она спустилась в овраг, а из кустов лохматый старичок показался. Аленка даже присела от удивления: – Да это – же наш домовой!

– Ты как сюда попал?

Домовой показал бородой на небо: – Да с глухарем прилетел.

– И часто ты сюда летаешь?

– В первый раз довелось. Уж такая у домашнего работа – нельзя надолго от дачи отходить. Дел много. Камин чистить, разбудить всех, чтоб на электричку не опоздали, за порядком следить.

– Да работы много, – вздохнула Аленка, – а ты чего сюда прилетел?

– Горячими ключами полечиться решил. Раньше все хотел, да замены не было. А теперь у соседей старую дачу снесли, новую строят. Ну, и остался мой кум без работы. Вот я и предложил вместо меня подежурить. Хороший домовичок, выручил! Мне же без лечения сейчас никак нельзя. Осень скоро, дожди начнутся. Сырость кругом, да слякоть. А радикулит страсть как слякоть любит. Худая болезнь. Ну, как с больной спиной на чердак лазить? А уж трубу почистить и не думай, куда там! Возле камина только и спасаюсь. Сейчас вот с кикиморой болотной договорился. Обещала горячими ключами да грязями полечить. К ней и иду.

– Дедушка, а в городе домовые бывают? – Спросила Аленка.

– А как-же, бывают милая. Но там все больше молодые, да глупые.. Работы мало. Скучно. Не люблю я город. Уж больно там шуму много, да суеты. И музыка по ушам бумкает. Ребятишки там шурум-бурумные.

– Как это? – Не поняла Аленка.

– Ну шалтай-болтай.

– Как это? – Снова спросила Аленка.

– Ну ты даешь! – рассердился домовой, – Ничего не знаешь!

Он почесал бороду. Потом достал из сумки маленькую книжицу, послонявил палец и начал листать страницы.

– Ага, вот! Шалтай-болтай – это значит вредный, непослушный ребенок. Его, значит, в угол ставят. Поняла?

– Поняла, – сказала Аленка, – это если игрушки не хочешь убирать.

– Вот – вот. И игрушки тоже. Так о чем это я говорил?... А, вспомнил... Не люблю я город. На даче лучше. Тихо. Птички поют. Я тишину люблю. Старее, наверное. Сто лет уже, с хвостиком.

Аленка обошла вокруг домового.

– Нету, – сказала она.

– Чего нету? – удивился домовый.

– Хвостика.

– Какого хвостика?

– Ну, твоего. Ты же сказал, что с хвостиком.

Домовой посмотрел назад, повернулся, снова посмотрел. Потом хлопнул себя по лбу:

– А... понял! Это я про года говорил. С хвостиком – это значит сто лет и еще несколько годочков. Поняла?

Аленка закивала головой.

– Дедушка, а ты мне покажешь горячие ключи?

– Покажу, милая. В другой раз. А сейчас некогда. Кикимора, наверное, уже заждалась. Завтра увидимся!

На следующее утро мама вошла в комнату со странным выражением лица.

– Со мной происходит что-то непонятное, – сказала она, держась за голову. – Стоит мне выйти в сад, как в голове все звенит. И запах. Вроде цветами пахнет. Я, кажется, заболела.

Она обвязала голову полотенцем и легла в кровать.

– Наверное от жары? – сказал папа и тоже лег. Кислородом запасаться и маме болеть помогать.

Аленка пошла в сад и села под яблоню.

– Уф, хорошо! – Сказал домовый, присаживаясь рядом. – Тепло. Птички поют. А ты чего одна загораешь?

– Да у мамы в голове звенит. Наверное, что-то сломалось, – сказала Аленка.

Они немного посидели, нежась на солнышке. Над ними пролетела полосатая пчела. Потом еще одна. Пожужжала и уселась рядом на цветок.

– Эх, медку бы сейчас! – сказал домовый.

– Нету. Съели, – ответила Аленка и полезла на стоящую у стены лестницу.

– Слезь с лестницы! – сказал домовый. – Упадешь на спину, и горб вырастет.

– Верблюд, наверно, два раза падал, беденький... – задумчиво сказала Аленка.

– При чем тут верблюд? – Удивился домовый. – И почему два раза?

– А почему тогда у него два горба?

Домовой озадаченно почесал бороду:

– Не знаю. Надо у кикиморы спросить. Может, она знает?

Аленка стала слезать с лестницы. Но на последней ступеньке вдруг оступилась и упала. Да так неудачно, что угодила носом в большую еловую шишку. К поцарапанному лицу прилипли еловые иголки, а нос стал походить на маленького ежика.

– Ну вот, я же говорил! – сказал домовый с упреком. – Не хнычь, сейчас помогу. Ну ты прямо как ежик! – засмеялся он.

Домовой убрал с носа еловые иголки, подул на лицо.

– Ты же говорил, что колокольчиковый звон помогает от всех болезней, – плаксивым голосом сказала Аленка.

– Да я его вчера вечером просыпал возле дома. Сумка прохудилась. Теперь там вся трава звенит. Чуть-чуть только и осталось.

– Так вот почему у мамы в голове звенело, – догадалась Аленка. – А она думает, что заболела.

Домовой поскреб пальцами дно сумки и помазал Аленке нос. Запахло колокольчиками и тихонько зазвенело. Нос сразу зачесался и стал меньше болеть. Они присели на лавочку. Помолчали.

– Вечером мы в город уезжаем... – сообщила Аленка – Я скучать буду...

Они еще помолчали. Нос совсем перестал болеть.

Над дальними дачами поднимался вверх белый дымок.

– Трубы дымят что – ли? – спросил домовый и понюхал воздух.

– Нет, это звездочеты облака делают, – сказала Аленка. – Видишь на небе облаков много...

– Ишь ты, – удивился домовый. – А я и не знал.

– Аленка! – позвала в окно мама. – Иди обедать, да и собираться домой пора. У тебя игрушки везде разбросаны.

– Иди уж... – сказал домовый. – Да и мне пора, колокольчиковый звон собирать. Сумку только отремонтирую. Приедешь на выходные, а у меня лекарство готово.

Ольга Мыслина

Родилась в 1968 году в Краснодаре. Живет и работает в Норильске. Пишет стихи для детей. Занимается в Центре литературного творчества с 2004 года. Печаталась на страницах норильских газет, в альманахе «Аквариум». В альманахе «Полярное сияние» публикуется впервые.

Барабан

Жизнь грустна у барабана,
Кто пройдет – тот хлопнет.
«Бедная моя мембрана,
скоро она лопнет».

Сон

Мне сегодня снился сон,
Что ко мне приходит слон.
Грозно топая ногами,
Громко хлопая ушами,
Он спросил: – Ну, где дневник,
Кира Мыслин, ученик!?
От испуга я проснулся,
С боку на бок повернулся,
И решил, ну все, с утра
Двойку исправлять пора.

Что вкуснее?

Кот – сосед и наша кошка
Громко спорят у окошка.
Кот кричит: – На свете нет
Корма лучше «Китекет».
Кошка же горой за «Вискас»:
– Лучше нет еды для кисок.
Рассужу сейчас я кошек,
Съем-ка я их корм из плошек...
Ой-ой-ой! Вкусней из миски
Есть колбаску и сосиски.

Концерт

Как-то зайке на опушке
Повстречались две лягушки.
– Вы куда? – спросил их зайка.
А попробуй, угадай-ка!
Зайка думал и решал,
Все равно не угадал.
Мы спешим в Зеленый бор,
Там у нас сегодня хор.
Мы – солистки, будем петь,
Приходи на нас смотреть.
Так сказали две лягушки,
Две зеленые подружки.
Зайка поскакал домой,
Пригласил друзей с собой,
И скорей в Зеленый бор,
Слушать лягушачий хор.
Удался концерт на славу,
Всем пришелся он по нраву.
А лягушек не забыли,
На гастроли пригласили.
Так что слушайте, друзья,
Вы не только соловья.
И лягушки могут петь,
Если только захотеть.

Эдуард Нонин (1933–1992)

Прожил в Норильске более тридцати лет. Работал на шахтах и рудниках, руководил городским литобъединением. Его стихи публиковались на страницах центральной и краевой печати, в поэтических сборниках «Гнездовье вьюг», «На поэтическом меридиане». Автор четырех книг для детей. Член Союза писателей России.

Про насекомых

Как-то в парке городском,
Где оркестр играл негромко,
С Незнакомкой-Насекомкой
Повстречался Насеком.
Элегантен и учтив,
Без особого смущенья
Он сказал:
– Прошу прощенья,
Как вам нравится мотив?
Но она ему в ответ,
Завращав очами шало,
Что-то грозно прожужжала:
То ли «да», а то ли «нет».
Он отвесил ей поклон
И спросил:
– Вы из Парижа?..
но в ответ услышал:
– Зи-жжа!..
Неразборчивый жаргон!
«Жаль! –
Подумал Насеком,
Ритуал знакомства скомкав:
Не владеет незнакомка
Насекомьим языком!»
И его прощальный жест
Так потом был расшифрован:
– Насеком разочарован
И обижен за оркестр!

Нападение

Как-то я сидел на стуле –
Пролетела мимо пуля.
Я со стула не упал.
Значит, кто-то не попал.

Я сидел неколебимо.
Вдруг снаряд промчался мимо.
И опять я не упал.
Снова кто-то не попал.
Вдруг
Вокруг меня и стула
Содрогнулось всё от гула:
Мимо стула и меня,
Изрыгая два огня,
Завывая, как метели,
Две ракеты пролетели!
Подо мною стул скрипел.
Я, однако, усидел.
Но, не выдержав обстрела
И собой рискуя смело,
Встал я,
Стул перевернул,
Лёг
И спрятался за стул.
– Правильно!
Скрываться надо!.. –
Вдруг раздался шёпот рядом.
Это задом наперёд
Отступал знакомый кот.
– Я, –
Сказал он мне, –
Не скрою,
Раньше тоже был героем,
Но, изведав много бед,
Понял, что спасенья нет.
Скоро будет всем несладко!
Ведь у этого стрелка
В арсенале есть рогатка!
Попадёт наверняка!..

Как говорит жираф

Вы слышали,
Чтоб Жираф
Говорил сердито:
– Гав!
Я, Жирафа лично зная,
Утверждаю:
Слово «гав»
Говорит
Собака злая,
А совсем не наш Жираф!
А слышали,
Чтобы маму
Подзывал он
Словом «мяу»?
Я, мяуканье услышав,
Знал,
Что это –
Кот на крыше!
Ну, а слышалось кому,
Чтоб Жираф
Сказал:
– Му-му!
Всем известно:
Он – не бык,
Он мумукать не привык.
Он – Жираф!
Он «и-го-го!»
Не кричит ни на кого.
Он не хрюкает,
Не блеет,
Он кудахтать не умеет.
Он владеет
От рожденья
Лишь жирафьим языком,
Тем,

С которым, к сожалению,
Я пока что
Не знаком.
Но когда в разгаре лета,
Полон
Самых светлых чувств,
Я в Жирафию поеду, –
По-жирафьи
Научусь!

В магазине «Мясо-рыба»

В магазине «Мясо-рыба»
Продавали молоко.
Говорили:
– Вот спасибо! –
Те, кто любит молоко.
Потому что сразу стало
Тем, кто любит молоко,
За кефиром и сметаной
Всем ходить недалеко.
Те, кто любит мясо с рыбой
И не любит молоко,
Прихватив свои «спасибо»
Уходили далеко.
Те, кто любит рыбу с мясом
И не терпит молока,
Иногда не возвращались
Из далёка-далека.
В магазине «Мясо-рыба»
Те, кто любит молоко,
Говорили:
– А могли бы
Пить, как люди, молоко!
– Нет! Теперь уж не могли бы! –
Говорили продавцы.
К магазину «Мясо-рыба»
Подвозили огурцы.

Максим Семенов

Живет в Дудинке. Учится в школе-гимназии № 2 в 3 кл., 9 лет.

Я лежу, а ветер ходит...
Котик тоже где-то бродит...
Мамы нет и папы нет,
В комнате погашен свет...
Ветер в окна – тук-тук-тук.
– Заходи! Мне нужен друг!
Ветер в комнату влетел,
Закружился, засвистел,
Подхватил меня, унес
Высоко, до самых звезд!
Я оттуда видел мир,
Полуостров наш – Таймыр.
Мы оленей обгоняли,
Над горами пролетали.
Путоранский толсторог

О скалу точил свой рог.
Маленькие куропатки
На снегу играли в прятки.
Рядом с ними, на пригорке,
Три песца катались с горки.
Мы за ними погонялись,
Дальше к Диксону умчались.
Там, на льдине, в Карском море
Белый мишка рыбу ловит.
Я бы долго так летал,
Ветер, мой дружок, устал.
И со мною сладко-сладко
До утра проспал в кровати.
Завтра снова полетаем
Над моим любимым краем.

Екатерина Титовская

Родилась в Норильске. Писать стихи начала с семи лет.

Кто?

Кто мяукнул на балконе?
Кто мурлыкнул на диване?
Кто сейчас грызёт помпоны?
Кто за мной следит из ванны?
Кто, прижав, как хищник, уши,
Воробьёв весь вечер слушал?
Нет, не тигр он и не рысь...
Каждый сразу же поймет...
Это наш лю-би-мый... кот.

Что такое «Солнце»?

– Солнце – монетка, – скупой проворчал.
– Нет, сковородка! – обжора вскричал.
– Нет, каравай, – хлебопек произнес.
– Компас, – сказал убежденно матрос.
– Солнце – звезда, – астроном объяснил.
– Доброе сердце, – мечтатель решил.

(8 лет)

Небо

В солнечном золоте,
в крапинках ласточек,
в рамке садов и лугов,
небо бескрайнее, небо могучее,
ты, не имеешь врагов.
Как ты заманчиво,
как ты задумчиво,
тайны свои храня!..
Небо прозрачное,
небо бескрайнее,
знаешь ли ты про меня?

(8 лет)

Рисунок

Мне никак не понять до конца:
как в рисунке дыхание рассвета
передать, чтоб коснулось лица.
Нет, никак не найти мне ответа.

Я ищу, я иду напрямик...
Сколько ж надо труда и терпенья,
чтоб поймать этот радостный миг –
утра бережное отражение.

(9 лет)

Инна Кондратенко

Окончила Дудинскую гимназию с золотой медалью. Постоянная участница и победительница школьных олимпиад по русскому языку и краеведению. Студентка третьего курса Московского педагогического института им. Н.К. Крупской.

Весна

В наш тихий город прибыла весна,
И улыбнулось вместе с нею солнце.
Очнулась вдруг Дудинка ото сна,
Раскрыв зимой закрытые оконца.
Наполнились все улицы людьми
И приняли свой облик необычный.
Еще раз показал приход весны
Нам звук многоголосья непривычный.
Деревья начали поспешно оживать
И, сбросив с веток снежные оковы,
Закончив эту зиму провожать,
Собрались свой наряд примерить новый.
Освободилась ото льда река.
Весь снег на улицах уже почти растаял.
Становится теплей, издалека
Уж птицы к нам летят, собравшись в стаю.
Лучи настырно светят нам в глаза,
Игриво плещется вода в огромных лужах.
Так было, есть и будет здесь всегда.
Иной приход весны нам и не нужен!

Мой Север

Моя родина – это Север,
Здесь витает в воздухе сказка,
И в таинственном синем мраке
Дарят снежные хлопья ласку...
И хрустят под ногами алмазно
Белоснежные капли-льдинки,
И мерцают, за окнами прячась,
Кем-то вылепленные снежинки.
Моя родина – это Север,
Где весной отражаются в лужах
Облака, молока нежнее,
И собою любитесь стужа.
Моя родина – это Север...
Ярче самого яркого солнца
Здесь жарки освещают поле.
А вы были когда-нибудь в море,
В море трав и чудесных ягод,
Что на гроздьях кораллов похожи?
Крылья счастья свои расправлю,
Полечу, улыбаясь прохожим!
И они мне в ответ улыбнутся,
Потому что их родина – Север!
Об улыбки людей разобьются
Завыванья Таймырских метелей!
Моя родина – это Север,
И не каждый хоть раз здесь был.
Приезжайте, вас ласково встретит
Мой родной полуостров Таймыр!

Дарья Пелипчук

Учится в 11 классе Дудинской средней школы № 1. Мечтает стать социологом. Стихи пишет давно, публикуется впервые.

Грешный Ангел

Я гуляла по темному небу
И его повстречала случайно,
Его лик был тоскливен и бледен,
А глаза умирали в печали.
Его голос был грустным и тихим,
Он сидел неподвижно и ровно,
Он меня восхитил своей скорбью,
Своей чистой, хрустальной слезою.
На его белоснежных одеждах
Были пятна из грязи и крови,
На лице кровоточили раны,
А глаза излучали страданье.
Я не знала, кого повстречала
Я не знала, за что его муки
Но от ужаса чуть не кричала,
И не знала, как взять себя в руки.
Предо мною сидел Грешный Ангел,
Ангел, павший в грехах и пороках,
Он был изгнан из райского сада
И наказан Всевышним Пророком.
Подошла я к нему осторожно,
И спросила: «Откуда ты, Ангел?
Почему перепачкан ты кровью?
Почему грустен ты и печален?»
И ответил мне Ангел: «Я грешен!
Я послушался слова Пророка!
Ты, дитя, иди дальше, не стой здесь!
От меня тебе будет лишь плохо!
Твои крылья чисты и взор ясен,
Голос твой как ручей звонкий льется,
Образ юн и настолько прекрасен...
И тебе так счастливо живется!
Улетай, Светлый Ангел, не мучься!
Я пропащий! Со мною лишь беды!
Позабудь, что встречала однажды,
Позабудь и про эту беседу!»
От бессилья я чуть не рыдала,
Я хотела помочь бедолаге!
Только как, я, конечно, не знала,
И в смущении просто стояла...
...Я гуляла по темному небу,
Я гуляла по небу ночному,
И в каких бы краях ни бывала,
Грешных Ангелов больше не знала...

Я мечтаю о тебе...

Я мечтаю о тебе,
Как травинка о весне,
Я мечтаю о тебе,
Как луна о черной мгле.
Я мечтаю две недели,
Словно снег после метели,
И не ем я, и не сплю,
Лишь страдаю да грущу...
Что же делать? Как же быть?
Как тебя мне позабыть?
Ты во снах ко мне приходишь,
По пятам как тень ты бродишь,
Жить спокойно не даешь!
Ты меня с ума сведешь!
Но я мечтаю о тебе
И на суше, и в воде...
Что ж мне делать, и как быть?
Перестать мечтою жить?

Снег

Снег за окном опять кружится,
Не лучше ль было бы напиться,
Чтоб хоть навеки оградиться
От мыслей разных в голове,
Чтоб позабыть про все на свете,
И слушать, как гуляет ветер,
Как вьюга воет за окном,
Как тихо дремлет старый дом...
Внимать чернеющему небу,
Смотреть с тревогой в облака,
По детски любоваться снегом
И понимать, что я одна.
В который раз замерзли руки,
И лишь тоска в моей душе,
И приглушились сердца стуки,
Все мысли где-то вдалеке.
Усталый взгляд и сок в стакане,
Лишь ложь и пустота в словах,
А снег кружится так же рьяно
Как и кружился... невпопад.

Мария Лауэр

Студентка второго курса ЛГУ им.А. С. Пушкина, участница школьных литературных конкурсов и призер окружных научно-практических конференций. Окончила художественное отделение Дудинской школы искусств. Стихи пишет с 13 лет.

Золотой водоем

Никогда не забуду
Рук твоих,
Согревающих в стужу.
Губ твоих,
Блуждающих по щекам.
Как хорошо нам было вдвоем.
Наша любовь – золотой водоем.
Золотые искры в глазах твоих.
Ты знаешь?
Я утопаю в них!

Т.В. Фадеевой

Вне сомненья,
Вы мой ангел,
Под эгидой дьяволят.
С разрешенья,
Вы позвольте,
Вас богинею назвать.
Я не знаю,
Много ль надо,
Чтоб богиней взять и стать.
Я лишь знаю,
Что с рожденья,
Вашего с небес явления,
Захотелось к вам воззвать.

В 2006 году заповедник «Большой Арктический», который находится на территории нашего полуострова, проводил детский литературный конкурс, посвященный природе Таймыра. Символом этого конкурса стал Белый Медведь. Альманах «Полярное сияние» предлагает читателям познакомиться с творчеством юных защитников природы.

Мария Романюта

Победитель литературного конкурса «Марш парков-2006». Участница краеведческого объединения Детско-юношеского центра туризма и краеведения, г.Дудинка. 15 лет.

Хозяин Севера

Есть у Севера хозяин
Очень сильный, смелый парень.
Кого хочешь усмирит,
С горки спустит и бежит.
Не узнать его нельзя,
Шерсть струится, как вода,
И на льдине он лежит.
Сразу видно, что не спит.
И не столько рыбу ловит,

Сколько берег сторожит.
Но, однако же, порой
Он, медведь, красив собой!
И за деточек своих
Он обиды не простит.
Как же можно убивать
Беззащитных медвежат?
Почему же мы должны
Забывать, что люди мы!!!
Что без ружей и смертей
Станет мир ещё светлей!!!

Екатерина Лиманец

11 лет, Диксон.

Что шепчет ветер в Тундре

Что шепчет ветер в Тундре?
 Не просто то узнать.
 Прислушайся, услышишь.
 Всё сможешь ты понять:
 Вот птицы перелётные.
 Красиво, косяком
 Летят из стран далёких.
 Усталые. Потом
 Построить надо гнёзда,
 Затем, что надо жить.
 Птенцов для перелёта
 Усиленно учить
 Ведь в перелёте многих
 Всегда теряют птицы!
 Измучены, голодны,
 Тонюсеньки, как спицы.
 Вон, посмотри! Бежит лиса.
 Ты думаешь, гуляет?
 Птенца утащит из гнезда,
 И поминай, как звали!
 И если есть вопросы,
 То выйди в Тундру летом.

Послушай шёпот ветра,
 И БУДЕШЬ ЗНАТЬ ОТВЕТЫ!

После бури

Море грозно бушевало.
 Из открытых из небес
 Молния сверкнула сильно,
 Будто разыгрался бес!
 Волны стали велики,
 Ну почти цунами!
 И мешают кораблю,
 Словно спорят с нами.
 Но не вечна буря эта,
 Вскоре солнца лучик
 Выглянул из облаков,
 Разгоняя тучи.
 И вокруг всё засверкало,
 Солнце выглянуло-встало,
 И от солнечных лучей,
 Море стало вдруг светлей!
 Солнце светит очень ярко –
 Мне от солнца стало жарко,
 Захотелось улыбаться,
 Тихим морем наслаждаться!

Арина и Полина Гусевы

*Призеры литературного конкурса «Марш парков-2006»
 (2 место). 4 класс, г.Норильск*

Сказка о Белом Медведе

Эта история произошла в стародавние времена, когда дедушки наших дедушек были совсем маленькие.

Далеко на севере, где стоят трескучие морозы и дуют холодные ветра, в одной деревне жил старик со старухой. Был у них один единственный сын – Савелий. И такой он был непослушный, такой ленивый, такой нехороший, что все соседи жалели несчастных родителей. Все дети помогали своим матерям и отцам: на охоту ходили, дрова рубили, избы ремонтировали. А Савелий знай себе на печи лежит, да песни поет. Мать с отцом из сил выбиваются, трудно им с делами управляться – старые уже. А Савелию все нипочем, не видит сын, как родителям тяжело.

И вот однажды пошли старик со старухой на деревенскую ярмарку, долго ходили по торговым рядам, смотрели на скоморохов, а вернулись уже к вечеру – темнеть уж начало. Зашли домой и видят: сына то нет! Искали его по всей деревне, и в лес ходили, и на озеро бегали. Нет Савелия, как сквозь землю провалился.

Стали жить старик со старухой вдвоем. Делами занимались, да о сыне вспоминали. Както утором вышел старик во двор и смотрит – двор выметен чисто, дрова поколоты и сложены аккуратно. Подивился старик чуду такому, рассказал старухе. Удивляются старики. На следующее утро старуха вышла во двор, и глазам своим не поверила: на пороге стоит кадка с водой, до краев полная, забор из кособокого

превратился в новенький, да еще и резной. Старики не знают, что и думать.

С тех пор жизнь у них превратилась из трудной в веселую. Каждое утро старики находили не только переделанные дела, но кто-то оставлял на пороге то бочонок с медом, то связку сушеных грибов, то котомку с ягодами.

И решили старики проследить, кто же это им помогает. Как-то ночью не легли спать, а спрятались за вязанкой дров. Ровно в полночь пришел к ним во двор гость – Белый медведь. Медведь был большой, шуба белая, пушистая, пасть с клыками острыми. Старики чуть не убежали со страху. Но любопытно было им, что же дальше будет.

Зашел медведь во двор, встал посередине, обернулся три раза вокруг себя и превратился в сына Савелия. Потянулся Савелий, взял топор в руки, и давай дрова рубить. Не выдержали тут родители, вышли из укрытия и к сы-

ну бросились. «Что же случилось с тобой, сыночек наш?». И рассказал им сын такую историю.

Как на ярмарку ушли родители, явился в избу дух Северный и сказал: «Не помогаешь ты родителям своим, не жалеешь их, не уважаешь. Превращу я тебя в зверя, которого все будут бояться, в Белого медведя. А человеком ты станешь, когда родители твои спасибо тебе скажут, да не просто, а от чистого сердца!» Вот с тех пор хожу я в образе медведя белого, днем никому не показываюсь, только ночью прихожу, да вам помогаю.

Расплакались тут отец с матерью и вспомнили, как помогал им неведомый гость. И от чистого сердца сказали сыну СПАСИБО.

С тех пор зажили они втроем лучше прежнего. И все у них ладилось, Савелий стал таким работящим, таким помощником, что даже соседи их счастьем радовались.

Иван Сенатор

*Призер литературного конкурса «Марш парков-2006» (3 место).
10 лет, краеведческое объединение ДЮЦТК, г. Дудинка.*

Сказка о дружбе лемминга Евки и песца Моньки

Жил-был маленький лемминг Евка с мамой. Мама все время ходила за едой – травой, и поэтому малыш часто оставался один. Ему было всегда страшно оставаться одному, в норке, без мамы.

Однажды малыш-лемминг, как обычно, остался один. Вдруг он услышал шорох рядом с норкой. Малыш испугался, притаился. Но любопытство взяло верх. Евка высунул мордочку: «Кто здесь?» и увидел малыша-песца.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Евка.

– Я потерялся и очень, очень проголодался, – печально сказал песец.

– А как тебя зовут?

– Монька.

– А меня – Евка. Залезай ко мне в домик.

Песец Монька обрадовался новому другу.

– Что ты любишь? – спросил лемминг Евка.

– Мне бы мяса или ягод, – с нежным рыком ответил Монька.

Евка немного испугался, но тут же понял, что друзей не едят.

– Травка есть, ягоды, – предложил Евка.

Они поели, и Евка спросил: «Ты останешься жить со мной и с моей мамой?» Песец Монька с радостью согласился.

Шли дни. На смену жаркому лету пришла дождливая осень. Малыш-песец скучал по своей маме. Часто он уходил из норки, осматривал окрестности. А Евка терпеливо ждал возвращения своего друга у норки. И вдруг однажды к норке прибежала мама Моньки. Она вцепилась в Евку, пушистый комочек, острыми зубами. Но тут неожиданно появился сам Монька. Мама бросилась к своему потеряшке-сыночку. И малыш-песец рассказал маме, как он заблудился и как ему помог маленький Евка и его мама. И с тех пор в Таймырской тундре лемминги и песцы стали жить в мире и в согласии.

Анна Данилова

15 лет, краеведческое объединение ДЮЦТК, г. Дудинка.

Приключения медвежонка

Фимки

Где-то далеко на Севере жила семья белых медведей. После зимней прогулки все медведи легли спать. Только медвежонку Фимке не хотелось спать, и он решил погулять. Медвежонок выбрался из берлоги, огляделся. Ему показалось, что вдалеке горит что-то яркое и манит к себе. Фимка решил узнать, что же там такое яркое и интересное и побежал на огонёк. В то же время проснулись родители медвежонка и увидели, что его нет рядом. Они отправились его искать. Тем временем, Фимка приближался всё ближе и ближе к загадочному месту. Когда медвежонок подошел совсем близко, то увидел, что огонек оказался костром. Вокруг него, собравшись плотным кольцом, сидели полярники, показавшиеся Фимке загадочными существами, ходившими на двух лапах. Вдруг, один из полярников-исследователей заметил Фимку, который приближался к ним. Медвежонок с любопытством смотрел на людей. Тут полярник подал своему товарищу знак, и они начали все вместе ласково подманывать Фимку рыбой.

Когда медвежонок подошел к ним совсем близко, полярники накинули на него сеть. Один из них радостно воскликнул: «Вот это богатый улов!» За всем этим наблюдали находившиеся неподалеку родители медвежонка. Отец Фимки пришел в дикую ярость и, если бы не мать, то он бы не сдержался и кинулся на людей. Мать решила действовать хитро и осторожно. Она знала, что люди могут быть жестокими. Медведица придумала свой план.

Ранним утром медведи-родители отправились за полярниками. Они шли на протяжении двух дней и ночей. Медведь-папа пошел в лагерь отвлекать людей. Он громко рычал, вставал на задние лапы, привлекая внимание людей. Исследователи решили, что поймать двух медведей будет большой удачей. Когда они стали приближаться к медведю, медведица-мама побежала к сети, где лежал Фимка. Она разорвала сеть. В то же время медведь-папа начал отступать. Освободившийся медвежонок вместе с родителями скрылся за снежными завалами. В это время поднялась метель, которая благополучно укрыла медведей от преследователей. С тех пор медвежонок Фимка никогда не выходил гулять без спроса. Эта медвежья семья жила долго и счастливо.

Екатерина Бабенко

6 класс, Диксон

Как пуночка спасла Мак

На далеком Севере жил-был необыкновенный цветок. Появился он на Севере очень интересно. С Юга ветер принес Дедушке Морозу в подарок зернышки Красного Мака. Дед Мороз обрадовался и решил посадить его в северную почву.

Дедушка ухаживал за цветком и очень обрадовался, когда Мак расцвел. Дедушка думал, что цветок будет красный, а расцвел очень красивый Северный Мак! Дедушка Мороз задумался, не ошибся ли ветер, но потом понял, что холодная почва сделала этот прекрасный цветок таким. А цветочек был необычный: он умел разговаривать. Цветок и Дедушка проводили вместе все время. Читали книжки, пели песни и даже танцевали.

Но в один прекрасный день на Арктику напали ведьмы. Они узнали, что на Севере живет этот волшебный цветок. А самое главное, ведьмы его уже давно искали для изготовления волшебного зелья, чтобы захватить мир. Наслали ведьмы сон на Деда Мороза и выкрали Мак.

Дед Мороз стал грустить, даже плакал, ничего не ел. Совсем выбился из сил. Дело в том, что Самая Главная ведьма была грозной волшебницей, и победить ее могло только самое беззащитное, чистое, безгрешное существо. Об этом узнала стая пуночек, и послали они на борьбу с ведьмой самую храбрую птичку. Ее звали Чика.

Она прилетела к Дедушке Морозу и сказала: «Я верну тебе цветок, но за это ты разрешишь нам, птицам прилетать в Арктику толь-

ко в конце апреля». Дедушка согласился. И пуночка полетела к ведьмам.

Вот он – мрачный дворец непобедимых ведьм. Чика незаметно залетела в форточку, села на шкаф и стала петь. Ведьмы на некоторое время потеряли свою силу – так прекрасна была песня пуночки. Забрала Чика волшебный Мак и полетела к Деду Морозу. Ведьмы, оч-

нувшись, от злости лопнули. И мир воцарился в Северной земле. Великолепная птичка принесла Дедушке цветок. Дедушка обрадовался и сказал птичке: «Ты самая смелая, храбрая пуночка во всем мире».

Дедушка и Мак стали жить, как прежде. А пуночка так и служила добрым людям и помогала в бедах.

Стас Вахрушев

11 лет, Диксон

Первый дождь

Весной у волчихи родилось пять щенков. Однажды, когда они были ещё совсем маленькие, случился сильный дождь. Это был первый дождь в их жизни. Волчатам было любопытно видеть, как тучи низко опустились над лесом, как будто хотели заглянуть к ним в логово в гости. Волчата радостно повизгивали, возлились возле мамы-волчицы и не чувствовали никакой опасности.

А волчица ждала волка, который должен был вернуться с добычей для них. Она волновалась. Дождь усиливался, переходя в грозу... Волчица с волчатами поспешила в логово. Успокоив малышей, она осторожно вышла и притаилась недалеко от входа.

Скоро прибежал волк с зайцем в зубах. Он был перепуган. Оказалось, что он видел людей с ружьями, которые шли прямо сюда. Бежать со щенятами некуда, выход один – надо притаяться, иначе их убьют. Волчица быстро скрылось в логове, где были щенята, а волк пошёл наблюдать за людьми.

Очень скоро он вернулся, так как охотники прошли мимо, не заметив логова.

От сильного ливня вход в логово осыпался. Пришлось искать другое жилище. Волк с волчицей бежали большую территорию леса прежде, чем нашли подходящее место. Они выкопали новое логово. А тем временем дождь окончился, и волчата весело переехали на новое место.

Даша Надина

10 лет, 4 класс, Диксон

Что такое «активровка»?

Многих людей, живущих на материке, интересует, как мы живем в таких суровых климатических условиях?

Каждое лето я уезжаю к бабушке. Однажды, в деревне, я у своих подружек спросила: «Вы знаете, что такое активровка?» Они ответили, что не знают, и я стала объяснять. Активровка – это, другими словами, сильная метель, у нас её называют пургой. Пурга может возникнуть неожиданно, у нас погода меняется с невероятной скоростью. Мне кажется, что и у погоды есть свой характер, нрав, и я люблю наблюдать эту «капризность». При активровке, утром по телевизору нам объявляют прогноз погоды, и о том, какие классы не идут сегодня в школу. И ученики остаются дома. Днем учитель звонит одному ученику и задает домашнее задание. А тот

передаёт задание всем остальным одноклассникам. Так мы можем не ходить в школу неделю, месяц, а иногда и больше. Активровка бывает даже и у взрослых, это происходит по более суровым метеоусловиям.

Моим подругам очень понравилась эта история. И мне пришлось много рассказывать про нашу суровую, и по своему прекрасную, погоду. На мой взгляд, каждый человек привыкает к тем климатическим условиям, в которых он живет. Мне очень нравится жить на Крайнем Севере, может быть, потому, что я здесь родилась. Я считаю, что и среди вечной мерзлоты есть свои прелести, например, северное сияние, полярные маки, полярный день, полярная ночь, и т. д.

Для меня СЕВЕР – самый родной и любимый уголок нашей планеты.

Вероника Казмина

10 класс, Диксон

Диксон поэтический

Мой Таймыр – это мой Диксон, Диксон поэтический. Удивительно то, что в этом суровом арктическом краю живут талантливые люди, которых ты знаешь давно, привык к ним. И вдруг душа озаряется. Они, оказывается, пишут лирические стихи о полярной зиме, сиянии, неброской красоте окружающей нас природы, к которой надо лишь приглядеться с любовью, искренне, чтобы поймать вдохновение. Природа суровая, а душа тонкая у людей вдохновенных и поэтических. Событием в жизни арктического поселка Диксон стало издание в 2002 году сборника стихов «Маки Диксона». Я с волнением перечитывала страницы сборника и открывала для себя новый, доселе неизвестный мне мир – мир глазами поэтов.

Что может в благодарность взору
Преподнести бескрайний Север?
Сиянье солнца в ореоле,
Гало-причудливости веер,
Когда три солнца, три свечи
Пульсировали, пламеня.
По мне все это – Божий знак.
И я смотрю, благоговя...

Это стихи Лилии Гармановой, завораживающие и чарующие. Среди авторов этого сборника знакомые мне люди: Мяндина В.В., Гарковенко В.Е., Сальников К.А. Читаешь стихи и не перестаешь восхищаться волшебной картиной знакомого мира. Издание поэтического сборника «Маки Диксона» напомнило мне из истории Диксона событие, произошедшее в июле 1965 года. Ариадна Эфрон, дочь Марины Цветаевой, моей любимой поэтессы, посетила Диксон.

Север притягивает и манит к себе. Сюда не раз возвращается человек в своих мыслях, стихах... Решила вернуться, точнее совершить паломничество по северным краям Ариадна Эфрон после шестнадцати тюремно-лагерных лет, проведенных в ссылке. Зачем возвращается человек в места, которые напоминают об ужасных испытаниях на таймырской ссыльной земле? Спустя десять лет со дня ее освобождения

она захотела отметить эту «круглую» дату и еще раз увидеть уже свободной Туруханск на Енисее; где прожила почти шесть лет. И еще таким образом Ариадна хотела отметить выход в свет первого большого сборника стихов М. Цветаевой. «Не возвращайтесь туда, где вам было хорошо», – гласит мудрость. Ариадна не побоялась нарушить воспоминаниями свою душу...

Сколько людей не смогли пережить суровые условия Севера, вечная мерзлота приняла их... Но есть память о людях, которые официально именовались спецконтингентом, среди них – Ариадна Эфрон. Из Красноярска по Енисею на пароходе «Александр Матросов» она плывет до Диксона. Читая ее дневник (дата – 30 июля 1965 года), замираешь от волнения: «Остров Диксон, край земли, край подвига, край Долга, перед которым все мы – в долгу, Диксон – путешествие в Вечность!» Жаль, что в архивных документах это событие не отмечено. Продолжая читать дневник путешествия А. Эфрон, явственно видишь, как она стоит у знакомого памятника Тессему, восхищается маленькими, лимонного цвета, маками, «пушками», похожими на миниатюрные растения хлопка. За очень короткое время пребывания на Диксоне сумела проникнуть и в прошлое, и в настоящее, и в будущее. Мы, северяне, в долгу перед памятью пребывания на Таймыре А. С. Эфрон, дочери Марины Цветаевой, судьба которой и всей ее семьи переплелась с трагедией эпохи. Место захоронения Марины Цветаевой не установлено до сих пор. «Не вынесла душа поэта». Мне очень бы хотелось верить, что на Диксоне появится мемориальная доска или памятный знак, на котором будут начертаны следующие строки: «30 июля 1965 года, совершая путешествие на теплоходе «Александр Матросов» по маршруту «Красноярск – Туруханск – Диксон» здесь побывала Ариадна Эфрон, дочь гениального русского поэта Марины Цветаевой».

«Нынешним летом только и погреться что на Диксоне!» – писала Ариадна. Эти строки согревают и мою душу.

А быть или нет Стихам на Руси – Поток спроси, Потомков спроси...

Галина Забелкина

Родилась в семье военнослужащего. После окончания Красноярского пединститута работала учителем в поселках Усть-Авамского района. С 1972 года работает в редакции газеты «Советский Таймыр». Ее рассказы и очерки вошли в сборники «Аргизи в полвека», «Белый олень Сэреко», «Северянки», в альманахах «Полярное сияние».

Из блокнота журналиста

Мечта о синей птице

Далеко в тундру убегают следы от нартов, ровными полосами изрезав снежный ковер. Хелла стоит у балка, и на ее непокрытую голову падают снежинки. Она подставляет под них ладони, но нежные кружева снежинок тут же тают. Такая досада!

– Хелла, иди в балок, холодно!

Это муж Сыгаку зовет ее. Но Хелла медлит. Так красив сегодня снежный узор. Его надо рассмотреть, запомнить, чтобы потом перенести на рисунок для украшений. Хелла-мастерица, Хелла – королева красоты. Она любит создавать ее своими руками и потом дарить людям.

– Хелла, – снова напоминает о себе Сыгаку. И она, наконец, отрывает взгляд от белоснежного ковра.

Вот так каждый раз, когда она смотрит на тундру во время цветения весной, летом, или в золоте осеннего убранства, или как сегодня, в зимний день – ее зоркий глаз художницы выхватывает только ей одной известное: те самые основные черточки, которые она потом претворит в чудо-рисунок на металле или бисером на сукне.

Когда, где познала Хелла сложное искусство создавать красоту, в какой мастерской училась? Может быть, у волшебника?

Родилась она в авамской тундре в семье нганасанина-оленевода. Родителей почти не помнит. Единственное, что удержала ее память, – это руки отца в полумраке балка, большие с сильными пальцами.

Она помнит, как напильник в руках отца превращал простой кусок медной трубы в ровные красивые кольца для кресала, гвозди

закручивались в причудливые узорчатые змейки, а из тонких медных пластинок рождались подвески для женских украшений.

Наверное, потому первой самостоятельной работой Хеллы было красивое кресало. Оно служило ее предкам как огниво и украшение. За одно такое кресало давали упряжку оленей! Его носили на поясе нганасаны – и женщины, и мужчины. Такому изделию, вышедшему из-под рук молодой женщины, матери шестерых детей, мог бы позавидовать любой этнографический музей. Тонкий чеканный узор по металлу, украшающий кресало, притягивает взгляд, вызывает удивление: это сделала Хелла?

– Она, она, – подтверждает не без гордости Сыгаку и достает из сундука одно изделие за другим. Перед моими глазами предстают нарядное свадебное и другие праздничные украшения – головные уборы для женщин и мужчин. Сыгаку с удовольствием надевает шапку на свою кудрявую голову, и я жалею (в сотый раз!), что не взяла с собой фотоаппарат, чтобы показать другим эти изящные самобытные изделия во всей их красе. Вот медный пояс с ажурными украшениями, вот металлическая курительная трубка, инкрустированная цветными пластинками, а вот изделия, расшитые бисером: кiset, кулон, вышивки...

– Расшитые бисером сумочку и чехол для ружья взяли на выставку в Дудинку, говорят, повезут в край и даже в Москву, – сопровождает показ изделий Сыгаку.

Вышивка бисером – это искусство испокон веков принадлежало долганам, но Хелла овладела им прекрасно. Ее изделия много раз экспонировались на выставках, отмечались премиями.

Хелла Лаймуреевна Порбина мечтает о новых, еще не созданных ею украшениях. Она хочет научиться вышивать бисером так, чтобы

в рисунке отражались простор тундры со всем ее многоцветием, чистое небо с парящей в нем Синей птицей ее мечты. В уютном балке Порбиных висит красный вымпел «Лучшая комната», а рядом – две медали: «Материнская слава» I и II степеней. Хороших детей растят супруги Порбины. Хелла приносит откуда-то с мороза большую сумку, аккуратно сшитую из оленьих шкур, извлекает из нее принадлежно-

сти нганасанского женского туалета: расшитые шапку, парку, медные украшения. Все это – творение ее умелых рук.

На столике – швейная машинка. «Дочкам платья шью», – перехватывает мой взгляд хозяйка. Когда я уходила, Хелла склонилась над выделкой камуса для унтаек.

Дочь нганасанского народа, создательница красоты...

Две судьбы

Усыпанный снегом небольшой домик на окраине поселка Волочанка, в котором жила Аграфена Бархатова, найти не составляло большого труда. Из мебели в ее комнате были старенький платяной шкаф да стол, на котором стояла швейная машинка. Со стены в деревянных рамках смотрят два портрета. На одном – молодой человек: это муж Аграфены, Савелий Иванович Бархатов. На другом – молодая женщина, сама хозяйка дома.

Аграфена Константиновна была одной из старейших жителей поселка Волочанка. Она – ровесница Октября, и, рассказывая о ее жизни, никак нельзя не вспомнить дореволюционную эпоху в жизни малочисленных народов Таймыра. Поэтому, опираясь на рассказы Аграфены Константиновны и старожилов поселка, давайте заглянем в прошлое...

– Э-э-э, соболь здесь совсем недавно ходил. След еще виден. – Старик Бархатов потрогал снег, размял его на ладони, понюхал.

– Совсем хороший соболь ходил. Черный, однако.

Старик внимательно разглядывал прилипшую к ладони черную ворсинку. Собака слушала напевную речь хозяина, готовая сейчас же начать погоню за добычей.

– Не, Варчо, не пойдем сейчас. Рано седня. Завтра, однако, поздно будет. Сейчас домой айда. Сейчас пусть соболь гуляет – все одно сюда придет.

Шли ходко. Широкие лыжи старика, подбитые камусом, оставляли ровный след.

– Черный соболь – это удача. Вот как он нам сейчас нужен. Счастье он приносит.

Так рассуждал старик, а мысли его бежали дальше. Светлые и радостные. В них видел он своего долгожданного, поздно рожденного сына Костю сильным, здоровым, счастливым.

На рассвете старик и собака снова двинулись в путь. Снег под лыжами издавал хрустальный звон. Земля, спящая под снегом, застала и молчала.

Соболя они выследили. Это был красивый самец в иссиня-черной шубке, цена которому – золото. Бережно нес старик свою добычу, веря, что удача обернется долгожданным счастьем.

И действительно, купец дал за соболя немалые деньги. Однако большую их часть пришлось вернуть ему же за старые долги. Оставшихся денег хватило на покупку пороха, муки, масла, сахара и куса ситца. На эти запасы семья прожила недолго, и вскоре голод вновь заглянул под полог их чума.

Старик и собака уходили на охоту каждый день, но удача оставила их. Наступил день, когда после большой пурги старик уже не смог подняться со шкур. Он безучастно смотрел на низкое пламя костра, на жену, варившую в котелке отвар из трав, и думал: «Как быстро прошла жизнь и как долго идет смерть, чтобы забрать ее остаток...».

...Аграфена Константиновна рассказывала, а руки не оставались в покое: быстро-быстро бегала швейная иголка, делая все новые и новые стежки на изделии в руках хозяйки.

– Халат себе шью. Что-то со здоровьем стало хуже. Посылают в Дудинку на обследование, вот халат и пригодится...

...Старик с трудом глотал обжигающую терпкую, пахнущую брусничными листьями смесь.

– Пойду к купцу, говорят, есть у него какой-то порошок от хвори.

– Не ходи, не даст без меха.

Старик тяжело откинулся на спину, прикрыл глаза и задремал. Его разбудил запах варившегося мяса. Ломило кости, болела голова, и сквозь туман, застилавший глаза, он увидел жену, кормящую его сына. Насытившись, мальчишка снова заснул в своей берестяной люльке.

– Поешь, – жена подала чашку наваристого бульона с куском оленьего мяса. Глаза старика вопрошали.

– Не сердись. Пришлось достать шкурки песка из погребальной санки. На мясо обменяла.

Пусть в мире духов меня накажут за это, а пока нам на земле жить надо, сына растить надо...

...Аграфена Константиновна отложила шитье и достала старенький семейный альбом. Она показывала выцветшие фотографии и рассказывала: «Это мы только что познакомились с Савелием Ивановичем. А это на курорте у моря. Здесь тоже на отдыхе – в Ленинграде».

...Шли годы. Костя рос. Вместе с отцом ходил на охоту, постигал тундровую науку. Старик учил его читать следы зверей.

– Видишь, это Умкин след. Вчера, однако, здесь ходил. Седня далеко ушел в тундру. Не догнать.

Домой они вернулись с хорошей добычей – удалось убить дикого оленя. Будет сытный обед и новая парка для Кости.

– Отец, говорят, земля круглая. Отчего же люди не падают с нее в небо?

– Шаман Дункари говорит, от того, что духи держат людей.

– Почему я никогда не видел этих духов?

– Их не видно, сынок, но они всегда рядом. Вырастешь и поймешь, что к чему.

Такие разговоры случались часто. Мальчишка никак не мог понять, почему духи к одним – с добром, а к другим – со злом и бедностью. Не знал ответа на это и старик. Он так и умер на охотничьей тропе, вскоре ушла за ним и Костина мать, успев лишь увидеть молодую жену сына, занявшую место у семейного очага...

...В 1917 году в семье Кости родилась девочка. Назвали ее Аграфеной. Груня росла в первые годы становления Советской власти на Таймыре. Когда появились первые школы, она училась грамоте. И первой среди долган поехала в город продолжать учебу.

Аграфена училась в Игарской советской партшколе. В 1936 году была направлена на работу в поселок Волочанка.

– Прилетела сюда первым самолетом. Пошла в кочевой сельский совет. Посмотрев мои документы и направление, председатель Иван Поротов сказал:

– Очень хорошо. Грамотные люди нам нужны. Ты молодая, значит, с людьми общий язык найдешь. Будешь секретарем кочевого совета работать.

– Я не справлюсь, опыта нет.

– Ничего, поможем. А опыт – дело наживное.

Вот так девятнадцатилетняя комсомолка Аграфена стала работать в поселке Волочанка. Она активно участвовала в ликвидации неграмотности среди тундровиков: много ездила по тундре, была в гуще общественной работы.

– Часто приходилось ездить в тундру. Помню, ехали мы с учителем Ивашкиным на небольшой станок, где он должен был обучать детей тундровиков в кочевой школе. Приехали под вечер. Слышим, женщина голосит.

– Что же это такое происходит, Груня? – спрашивает меня Ивашкин. – А он тоже был молодой белобрысый парень с «материка». Видимо, шибко испугался.

– Не знаю, – говорю. – Потом все разъяснилось. Жена Афанасия Чуприна дочку родила. Я, конечно, сразу стала молодую маму обучать, как пеленать ребенка. Сначала выкупала девочку, достала из сумки два своих платка, запеленала ее. И девочка сразу заснула. А утром гляжу, – мои платки на снегу валяются, девочка лежит в берестяной колыбели на трухе из дерева, завернутая в оленью шкуру. Трудно было приучать наших женщин к культуре. Еще сильны были обычаи. Грамотных среди тундровиков не было.

Отец Аграфены сразу принял новую власть. Она дала ему возможность трудиться, не голодать, дать образование дочери. Он очень жалел, что его родители не дожили до этих времен.

...Среди семейных реликвий Аграфены Константиновны множество почетных грамот. Это вехи ее жизни. Вот почетная грамота 1951 года «За добросовестную работу Авамского почтового отделения связи», вот удостоверение о том, что ей присвоено звание «Ударник коммунистического труда». Есть почетная грамота, в которой записано: «За чуткое отношение к людям». В красной тисненой обложке хранится Почетная грамота Президиума Верховного Совета РСФСР «За активное участие в хозяйственной и культурной жизни на Таймыре». Аграфена Константиновна неоднократно избиралась депутатом Авамского сельского совета.

С большой любовью она рассказывает о спутнике своей жизни – Савелии Ивановиче Бархатове:

– Мы познакомились в 1937 году. Он тогда работал бригадиром подводчиков – возил грузы из Дудинки и Усть-Авама. Потом его послали в Дудинку в школу колхозных кадров. Учился он после в Красноярске, где и застала его война. Он ушел на фронт, ведь тогда он уже работал первым секретарем Авамского райкома комсомола. Пришел с фронта весь израненный. Так от ран и умер.

Жизнь Аграфены Константиновны похожа на хорошую песню, от которой остается долгое эхо в сердцах тех, кто ее знал.

Раиса Яптунэ

Родилась в 1952 году в поселке Носок Усть-Енисейского района. По специальности педагог. Двадцать три года проработала в Носковской школе. С 1994 года – тележурналист ГТРК «Таймыр», ведет передачи на ненецком языке. Публикуется в местных газетах и журналах, в альманахе «Полярное сияние». Дважды была награждена премией Общества им. М. Кастрена (Финляндия) за публикации о жизни народов таймырского севера.

Где ты, невеста оленевода?

Наступило новое тысячелетие, новый, 21 век вступил в свои права. Я часто задаю себе вопрос, а что же изменилось в жизни моего ненецкого народа за прошедший век? Перемены, конечно, есть и они везде заметны. Многие живут в городах и поселках. Выросли свои специалисты, политики, социальные работники.

Меня радует то, что мой народ полностью сохранил древний вид хозяйствования – оленеводство, свой уклад жизни. Еще я ценю то, что среди жителей тундры осталось ещё много сказителей, на которых держится древо человеческой жизни. По долгу службы мне часто приходится бывать в тундровых стойбищах. Люблю встречаться и общаться с мудрыми людьми, от которых набираюсь сил и энергии и обогащаю запас своих знаний по фольклору, культуре.

После долгого общения с земляками я прихожу к выводу, что самое главное для жителя тундры, оленевода или рыбака – это тепло семьи, родного очага, где с любовью ждут его жена и дети. И всегда придерживаюсь мнения, что все тепло человеческой души и семейной атмосферы зависит от женщины. Не зря, наверное, у любого народа ее называют хранительницей семейного очага.

Я часто вспоминаю свою мудрую бабушку, мать отца. Именно на ее плечах держался уклад жизни нашего многочисленного рода Вы' Яр. Любила я в детстве слушать ее рассказы о премудростях жизни, о воспитании детей, о том, как должна женщина заботиться о своих домочадцах. Но не любила моя бабушка тех женщин, которые самовольно, без разрешения родителей выходили замуж. И многим своим внукам внушала, что это первейший позор для женщины.

Жители тундры редко женятся по любви. В основном, родители выбирали будущую невестку. И поэтому, наверное, в ненецких семьях особое требование предъявлялось воспитанию девочек, будущих хозяек. В присутствии гостей девушкам запрещалось вступать в разговор, громко хохотать, кокетничать перед молодыми людьми. И ни в коем случае не заигрывать с женатыми мужчинами. Типичной чертой ненецкой женщины во все времена были стыдливость и робость. Женщинам тундры и в настоящее время свойственна скромность, сдержанность в своих чувствах. Я наблюдаю у них ту же природную тактичность, бережное отношение друг другу и боязнь ненароком обидеть кого-то.

Ненецких девушек в былые времена очень рано выдавали замуж. Их согласия никто не спрашивал. Многие становились второй, а то и третьей женой. До прихода Советской власти среди ненцев широко бытовало многоженство. И у моего деда, Маллю Ладывича Яра, было две жены. Моя бабушка, Нурне Валиевна Евай, была первой женой. Вторая была из рода Хабтнарка. Детей родилось много, от каждой по восемь человек. Жили они сначала в одном чуме, а позже поставили второй. По словам бабушки, жены не имели права скандалить и ссориться между собой по пустякам. Каждая стремилась сшить для мужа красивую одежду, накормить его вкусно после возвращения с промысла. А муж, в свою очередь, помогал по хозяйству каждой жене. Поочередно спал в каждом чуме. Вторая жена была сосватана с согласия первой. И поэтому в семье моего деда всегда царила атмосфера любви и спокойствия. Конечно, роскошь иметь две и более жены, могли позволить себе зажиточные ненцы.

Но с приходом новой власти все изменилось. Детей стали забирать учиться. За многоженство многие получили срок. Советская

власть запретила насильно выдавать женщин замуж. Но в глубине тундры жизнь во все времена идет по своим законам. Девочек все также выдавали замуж; без их согласия. И у юношей редко родители спрашивали согласия сосватать ту или иную девушку ему в жены. На возраст тоже внимания обращают мало. Мою старшую сестру, Марию, выдали замуж за пятидесятилетнего старика. А ей едва исполнилось пятнадцать лет. И пережил ее муж на много лет. Среднего брата моего отца (Секке Маллюевич Яр), женили на вдове старшего брата. И была она старше него на 30 лет. А жили они очень дружно, хотя детей не имели, потому что жена уже не могла рожать из-за своего преклонного возраста. А за мужем она ухаживала, как за ребенком. Была она отличной хозяйкой, мастерицей на все руки. И, по моему, в том, что ненцы женились не по любви, ничего сверхъестественного нет. Самое главное – семьи были крепкими. В этом, я думаю, тоже есть какая-то закономерность.

В тундровых стойбищах я вижу, что земляки мои все также живут дружно. Для ненца главное – чтобы не угасал огонь семейного очага.

Как известно, Советская власть своей первоочередной задачей ставила выполнение закона о всеобщем образовании. Может быть, благодаря этому закону, многие представители северных народов стали известными людьми, получив высшее или среднее специальное образование. Молодежь охотно покидала родные места, уезжая учиться в разные города нашей многонациональной страны. Родители старались оторвать от школы своих детей как можно пораньше, чтобы в семье иметь помощников в оленеводстве, но все равно по всей тундре было множество престарелых ненцев, которым некому было помочь на старости лет пастить стадо. Их дети где-то учились, или же, соединив свою судьбу с представителями других братских народов, покидали север.

Лет десять тому назад вместе со специалистами сельского хозяйства нашего округа я летела в одну из бывших оленеводческих бригад совхоза «Заря Таймыра». Вдруг, посреди белоснежной тундры мы увидели три упряжки. Решили приземлиться, чтобы узнать у них точное место нахождения бригады. Ненцы были из Тазовского района. Мое внимание привлек молодой высокий ненец в белом сакуе. Он был очень красив, на загорелом лице особенно выделялись его светло-серые глаза.

Я позвала телеоператора и стала расспрашивать незнакомца о житье, о количестве личного поголовья оленей и многом другом. А быки у него были как на подбор, здоровые, упитанные и все одной масти – белые с чер-

ными полосками по всей длине спины. Мой собеседник прекрасно владел русским языком, речь оказалась очень красочной. Фамилия у него была Салиндер. В конце беседы на родном, ненецком языке, буквально за несколько минут до нашего расставания он мне поведал следующее.

После окончания школы он хотел вернуться в стойбище, помогать отцу. Был единственным сыном и наследником в семье. Но его любимая девушка, с которой дружил еще с начальных классов, не захотела возвращаться в тундру. Тяжелой тундровой жизни она побоялась. И они приняли решение ехать вместе учиться дальше в город Тобольск. Парень поступил в высшее мореходное училище, девушка в педучилище. Но не долго длилось их безоблачное счастье в большом городе. Девушка по уши влюбилась в синеглазого русского парня и вышла за него замуж. Юноша тяжело переживал измену своей любимой. Но учебу закончил успешно. После училища стал работать на ледоколе, который стал для него вторым домом. Прошло немного времени, и молодой ненец сыграл на ледоколе веселую свадьбу с белокурой, румяной, пышногрудой девушкой из солнечной Украины. А к весне молодые оставили службу на ледоколе. Решили жить у родителей жены в украинском селе. Ровно три года исправно работал мой земляк в хозяйстве у своего зажиточного тестя. Держали они скотину, птиц, кроликов и другую живность. Парень исправно пас скот, убирал за ним навоз. Чистил стайки, даже коров научился доить. Жена, как могла, тоже помогала ему в работе. Но просторы родной тундры каждую ночь снились ненцу. А его престарелый отец в это время кочевал с чужими людьми, лишь бы стадо как-то уберечь. А для кого? – Это было никому не известно.

И однажды получил Салиндер письмо от друга детства, проживавшего тоже вдали от родных мест и рассказавшего о житье его родителей. И тут у моего земляка в глубине души вдруг оборвалась какая-то струнка, как будто острая боль пронзила его сердце. Комок застрял в гортани. И тут, как принято везде, выручила она, «родимая» – бутылка водки. Но одной оказалось мало, достал самогонку. О своих дальнейших действиях он ничего не помнил. Утром увидел груды разбитого стекла, поломанную мебель и побитую жену. Тестю тоже изрядно досталось. И молодой человек понял, что ему уже здесь больше нечего делать. Взял давно запылившийся от ненадобности свой чемодан, когда-то купленный на первую получку, и с каким-то особенным облегчением на душе, пошел на автобусную станцию. А через двое суток был уже в родном Салехарде. На радостях чуть не поцеловал

землю. А дальше – родное стойбище, женитьба по всем законам тундры. И теперь как в кошмарном сне вспоминает жизнь в украинском селе. В конце беседы мой земляк искренне попросил когда-нибудь написать о его скитании на чужбине. Быть может, кому-то уроком будет это, ведь мы, северяне, рождены для ухода за скотиной. Наше место здесь, среди белых снегов, и нам дано природой кочевать вслед за солнцем круглый год в поисках лучших пастбищ для своего кормильца – северного оленя. А долг наших женщин – создавать уют и тепло в своем чуме. Как бы трудно ни было. Оленевод не должен жить без хозяйки, без хранительницы своего семейного очага. А воспитывать будущих жен оленеводов должны с пеленок. Как это было принято у наших предков. Жизнь в кочевых условиях очень сложна, но мы не должны бояться этого.

Возможно, дело не только во взаимоотношениях мужа и жены. Всё гораздо глубже. На наших глазах происходит взаимопроникновение двух культур – русских и ненцев. Многие русские стали жить в тундре, охотиться, ловить рыбу и жениться на ненках – это уже стало фактом. Очень многие ненецкие юноши и девушки уезжают на учебу в города России и далеко не все возвращаются домой. Они заводят семьи и живут своей жизнью, в которой счастье не зависит от национальности.

По сути дела не только ненецкие семьи страдают от излишней цивилизованности. Очень много семей распадается и в европейских семьях. Вопрос состоит в том, как совместить желание женщины создать семью с тем, что комфорт в чумах не совпадает с европейскими понятиями о доме и семье.

В воспитании девочек с самого детства должно делать упор на то, что основой всей жизни является семья. Только трудом можно достичь в семье благополучия. И это благополучие зависит от труда каждого члена семьи. Чистить шкуру и шить узоры – это не так уж и трудно, но привить девочке любовь к тундровому образу жизни гораздо сложнее. Проснуться утром и услышать, как ласково разговаривают между собой отец и мать. Почувствовать нежное поглаживание головы бабушкой, которой можно рассказать все, даже то, что не расскажешь матери. Услышать, как девушка встает утром и потихоньку, чтобы никого не разбудить, одевается и перешептывается с бабушкой. Ощутить, как потягивается в ногах щенок, которого положила с вечера около пяток для тепла. Понемногу в ноздри проникает запах разгорающегося очага, и приходится притворяться спящей, хотя спать уже и не хочется. Слышен лай щенков около чума, и сонные разговоры сестер...

Мы с детства впитываем в себя, не замечая того сами, всю атмосферу окружающей нас действительности и невольно переносим всё это на близких нам людей, стараясь воссоздать обстановку того времени. Говорят, что девочки всегда неосознанно ищут идеал мужчины похожего на отца. И идеал семейных взаимоотношений тоже должен закладываться в семье. Иными словами, всё, что ребёнок видит в детстве, он воплотит в своей семье. Мы забираем девочку из семьи в интернат и считаем, что этим принесли ей благо. Мы резко меняем её уклад жизни, и она понимает, что перед ней открывается новый мир. Но никто не догадается принести ей это изменение более мягко. Девочка видит перед собой совершенно другой тип отношений между мужчиной и женщиной. В этом новом мире женщине уже не нужна семья – она совершенно самостоятельна. И опять же в интернате не рассказывают о ненецких обычаях – они там не нужны. А в этот момент ребенку нужно утвердиться в том, что образ жизни его семьи – лучший.

Когда девочка начинает ездить на каникулы, то с каждым разом чувствует всё большую и большую отдаленность от дома. Хорошо если мать – умная женщина, и она постепенно сможет внушить дочке мечты о хорошей семье. А если нет?..

У нас много оленеводов с высшим образованием, а много ли девочек вернулось в родной чум после получения диплома?

Я ни в коем случае не противница высшего образования для женщин. И вообще любое образование – благо. Раньше у нас было в школах домоводство – уроки, на которых девочкам прививали минимальные навыки домашнего труда. В это время мальчиков учили столярному и слесарному делу. Девочки во время перемен с удовольствием кормили ребят своими пирожками, а те с важным видом показывали, какие они сделали табуретки. А многие ли девочки сейчас смогут испечь лепёшку или пришить узор на парку? Возможно, неумение и является у многих девочек боязнью показать свою несостоятельность в семейной жизни.

Уметь курить и нецензурно выражаться, конечно, ценится у школьников, как символ самостоятельности. Но кто из них женится на такой «свободной» девушке?

Выводы, к которым мы приходим, говорят о том, что всё-таки патриархальный строй более всего подходит к оленеводческому образу жизни. И знание не всегда есть благо. Но, к сожалению, человеку не дано остановить распространение цивилизации. И нам остается только надеяться, что оленья упряжка и нарты не станут простыми экспонатами в музее.

Надежда Костеркина (1958-2005)

Родилась в Авамской тундре, дочь последнего нганасанского шамана Тубяку Костеркина. Закончила Ленинградский пединститут им. Герцена, институт мировой литературы им. Горького в Москве. Была специалистом по фольклору. Сотрудничала с известными фольклористами. Как лингвист подготовила сборник «Песни нганасан» (1995), одна из авторов первого «Нганасанско-русского и русско-нганасанского словаря» (2001), в сотрудничестве с лингвистами записала «Нганасанский мультимедийный словарь» (2002). Публиковалась в альманахе «Полярное сияние».

Уже давно растут здесь внуки
Тех, кто не мог иль не хотел
Уйти от снежной завирухи
В другой, степной, лесной ль предел.

И я за то люблю Дудинку,
Что вера все ж во мне жива,
Когда тоска уйдет в грустинку
В ответ на добрые слова:
Что мол, расти наш город будет,
И краше станет как-нибудь.
Пурга романтиков не судит,
А белой ночью – не уснуть.
Не прибегая к пышной речи,
За то Дудинку – город чту,
Что были памятные встречи
И даль, питавшая мечту.

1993 г.

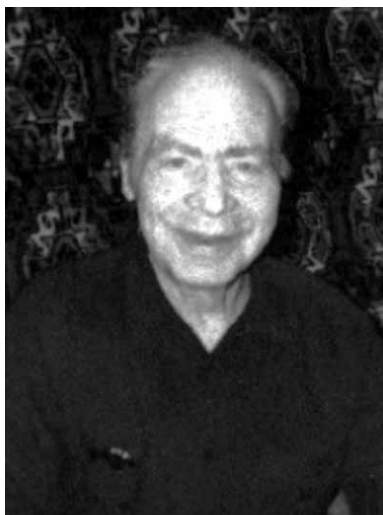
Где народ мой, который веками
С песней звучной летел над снегами,
Где те люди, которые гордо
По земле нашей двигались твердо,
Укрывались от всяких крестителей.
Тундры дикой отважные жители?
От истории давней остались следы –
Книги, песен мотивы да льды.
А еще память цепкая бродит,
Что достойных потомков находит.

Солдатом был мой родич на войне,
Но я его следов искать не попытаюсь –
Пусть он приходит к брату лишь во сне,
Из черных недр земли никто не возвращается.

Абсолютно тебе доверяю,
Даже если не пишешь давно.
Даже близко к смертному краю
Сохранить эту веру дано.
Абсолютно любимые руки...
В час прощанья пожми мою.
Сквозь года, сквозь беду и разлуки
Миг свиданья с тобой пою.

Мы сами судьбу сотворяли,
Хоть кажется нам иногда –
Что темные грубые силы
Ведут нас, увы, не туда.
Что было бы больше удачи,
Коль, не было б рядом того,
Кто долей доволен, не плачет,
Кто, видно, достигнет всего,
Что просто нас жизнь обделила,
Когда разделила добро...

Я по тем пройду просторам,
Где белеют старых нарт
В землю вросшие обломки.
Щепок кучки обойду я,
Осмотрев с высокой сопки
Без дороги и без карт
Землю древнюю свою,
Правду, счастье в ней найду.
Жизни нынешней приметы
Одобрю и любя,
Дедов гордые заветы
Оставляю для себя.

Марк Хасдан (1926–2003)

С 1943 г. и до последнего своего часа жил в Норильске. Стихи публиковались на страницах периодической печати, в поэтическом сборнике «Гнездовье вьюг». Первая книга его стихов «Айсберг» вышла в 1999 г. Лауреат премии «Вдохновение» (2000 г.) В 2002 г. в его переводе вышла книга «Слово о полку Игореве», одобренная академиком Д.С. Лихачевым.

Открытие сезона охоты

Долго и усердно плыли
мы к заветной стороне,
чтоб послушать посвист крыльев
в предрассветной тишине.
Шест и лодка – не колёса.
Я смирать учился страх
по краям широких плёсов,
по протокам в камышах.
Как манящая услада
неразрезанных страниц –
первые толчки приклада,
первые паденья птиц.
Слева, спереди и справа –
непрерывная пальба:
благородная забава
кровожадного раба.
Туча – темная заплатка
на последний луч зари.
Звездный свод навис палаткой,
битой дробью изнутри.
К берегу мы повернули,
чтобы ночь там провести,
и шести свои воткнули
в щели Млечного пути.

Мы славим убитых, которым плевать
на память и наше внимание,
шельмуем же тех, кто не может сказать

ни слова в свое оправданье.

И жертвы молчат, и молчат палачи:
кладбищенской гласности время.
Смотри лишь под ноги, неси и молчи
кровавой истории бремя.
С чего эта порча в России пошла,
уже не с того ли Собора,
чьи дни в одночасье покончил бушлат,
дворцовым пройдя коридором?
А те, что духовной цвели синевою,
питаюсь пайковым повидлом –
как тонкий пропласток меж двух жерновов,
меж властью верховной и быдлом.
И долго придется грехи отмывать,
доказывать словом и делом,
что в общество можно нас снова пускать,
к обеду на скатерти белой.

Узко нахмурились смуглые нивхи,
синим огнем у них нива горит.
Для енисейской горячей наливки
ягоды бог ни одной не узрит.
Ходят одни только пришлые лодки,
хоть удивляйся, хоть рифмой колись.
Водят несчастных, забитых в колодки,
и за погибель ты их не молись.
Запоминай только то, что увидел:
честных создателей истинных строк.
Дела такого никак не предвидел
Земо-Авчальского жеста пророк.

Светлана Знаменская (1949–1995)

Родилась в 1949 году. Жила и работала в Норильске. В 1994 году получила титул «Женщина года-94». Печаталась на страницах норильских газет. Автор поэтического сборника «Любовь небесная, любовь земная» (Норильск, 1998). Трагически погибла в 1995 году.

Сеятель

Синий цвет Надежды, цвет зелёный Веры,
Золотая Мудрость – словно колос зрелый,
Вижу, как под небом поле колосится, –
Вспоминаю притчу, сказку-небылицу...

Сеятель чудесный шёл зарёю в поле,
Сеять хлеб небесный на людскую долю,
Зёрна истин вечных нёс в ладонях щедрых,
Потерявшим счастье – Веру и Надежду.

Горсть семян упала у большой дороги,
Их склевали птицы, затоптали ноги, –
В колее проезжей не расти колосьям,
Не цвести Надежде на сухой коросте.

Зёрна, что упали в почве каменистой,
На пригреве летнем дали всходы быстро,
Но когда от зноя раскалило камень,
Пересохла Вера, сжёг Надежду пламень.

Выросли побеги и в кустах колючих,
Да заглохли вскоре в сорняках ползучих,
Их роса омоет, солнышко согреет, –
В суете житейской Истина не зреет.

В почве благодатной, напоённой влагой,
Колос ввысь стремится с дерзкою отвагой,
Зеленеет Вера и в жару, и в холод,
Синева Надежды озаряет всходы.

Сквозь тоску и злобу жития земного
Прорастает в мире золотое Слово,
Поднялись колосья в голубое небо,
Золотится поле долгожданным хлебом.

Лесное озеро

Синее небо да желтый песок,
В зеркале озера тонет лесок:
Сосны с березками переплелись,
Кроны дубов в синеву поднялись.
Встала оправа зеленой стеной,

Светится ландыш, как жемчуг лесной,
В чаще шиповника рдеет звезда,
Розой и ландышем пахнет вода.
Тишь и покой, только птиц пересвист,
Мир первозданно прекрасен и чист.
Таёт на сердце холодная тень;
Длился бы вечно тот солнечный день...

Молитва

Пошли мне, Господи, в скудости
Не манну, а соль да хлеб,
В несчастье – крупицу мудрости,
Чтоб дух ослабший окреп.

В болезни даруй терпение
И силы – боль одолеть,
Надежду пошли в смятении
И веру – сердце согреть.

Своим лучезарным обликом
В дорогу благослови,
У края обрыва – окликом
Паденье останови.

Веди белоснежным облаком
Сквозь сумерки серых дней,
Огня небесного сполохом
По морю земных огней.

Дай в ненависти смирения,
До злобы не допусти,
В печали пошли забвение,
В радости – дерзость прости.

И пусть золотые россыпи
Не ждуг меня впереди, –
По скользкой каменной осыпи
Над пропастью проведи.

Ещё прошу самой малости, –
Ведь ты, Создатель, велик –
Добавь мне мужества к жалости
И каплю ума – к любви.

ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ ТАЙМЫРА

История о Вэнго Ламчике

ненецкая быль

Богатым и знатным оленеводом был Вэнго Ламчик. Его прозвище происходило от него самого. Он был приземист, плотного телосложения. Говорила моя бабушка, что наш предок, сам был шустрый и детей своих вырастил сильными духом и умелыми на все руки.

Пришла Советская власть. За большое стадо оленей Вэнго Ламчика посадили в тюрьму. Увезли его в каменный дом с решетками. Сопротивлялся Вэнго Ламчик, он был настолько силен, что с ним не могли справиться несколько человек. С богатырской силой в отчаянии он ударил дверь, которая за ним закрылась, да так, что искры полетели. И вся эта сила исходила из-за того, что на каменистой реке остались его шайтаны, которые до последнего пытались спасти от луца (русских) своего хозяина.

И запел Вэнго Ламчик песню:

– Пусть забирают моих оленей!

Они даже не знают, что меня
не сломить.

Пусть забирают всё!

Они от этого не разбогатеют,

На моём горе не построят новую жизнь.

Но я точно знаю, что на каменистой реке

Пасутся сто голов моих оленей,

Которых охраняют мои сто шайтанов.

Кто попытается изловить их

на священной земле,

Тот умрёт не своей смертью.

Моим оленям ничего не грозит.

С их помощью, когда я выйду на свободу,

Я могу возродить всё снова!

Поставить на ноги своих детей, внуков,

а там и правнуков.

И Вэнго Ламчик сдержал своё слово.

Слово настоящего ненца!

*Рассказала Вэнго Вайвакуне Монтовна, 1953 г.р. – Танама (Носковская тундра).
Записала и перевела специалист по фольклору Г.И. Тоги, ЦНТ с/н Караул.*

Сказка про мышку

ненецкая сказка

Жила мышка. Её норка была на обрыве реки. Идёт ледоход. Мышка говорит льдине:

– Эй, льдина, не сломай мой домик, плыви стороной!

Льдина ей отвечает:

– Я плыву в нужное мне место, зачем мне беречь твой дом? Я же не буду знать, что сломала его. Почему твой дом находится здесь?

– Если ты не будешь беречь мой дом, отсюда ты уплывёшь, но по дороге как сядешь на мель, так там и останешься, и будешь лить слёзы, на солнце таять, – отвечает ей мышка.

Солнце услышало их разговор и говорит:

– Мышка, что это ты про меня говоришь?

– Что, про тебя говорить нельзя? – спрашивает мышка.

– Конечно, нельзя, – ответило солнце. – Будет всякая мышь про меня говорить.

– Да ладно тебе, солнце, – отвечает мышка.

– Порой, ты так греешь, что мы ходим, как варёные. Но туча сильнее тебя. Стоит ей прикрыть тебя, ты сразу пугаешься и прячешься. Это ты с тучей покажи свою смелость!

Услышала их разговор туча и говорит:

– Мышка, что это ты про меня говоришь?

– А что, про тебя совсем говорить нельзя? Даже называть твоего имени? – крикнула мышка.

– Конечно, нельзя, – ответила туча. – Будет всякая мышь про меня говорить.

– Да ладно тебе, туча, – рассердилась мышка. – Ты, что забыла, как ветер со снегом и дождём рвал тебя и прогонял на все четыре стороны. Это ты с ветром покажи свою смелость!

Услышал их разговор ветер.

– Мышка, – спрашивает ветер, – что это ты про меня говоришь?

– Что, и про тебя говорить нельзя? – возмутилась мышка. – Вы посмотрите, какой недотрога.

– Будет всякая мышь про меня говорить! – промолвил ветер.

– Да, ты сильный, спорить не буду, – пропищала мышка. – Когда ты дуешь, мы, маленькие существа, даже не можем дойти до своей норки. Не пускаешь нас. Но когда ты ударяешься о камень, то падаешь, как парализованный. Это ты к камню применяй свою смелость.

И камень услышал их разговор.

– Что-что, ты про меня говоришь? – спросил мышку камень.

– И про тебя говорить нельзя? – удивилась мышка. – Думаешь, что ты лучше всех? Быстро ты забыл, как собака пастуха с двух сторон тебя мочила. Это ты к собаке применяй свою смелость.

И тут появилась собака.

– Что это ты про меня говоришь, мышка?

– Э-э, и про тебя говорить нельзя? – пропищала мышка. – Ты не думай, что ты лучше всех. Забыла, как твой хозяин наказывал тебя за то, что бегала за ним, когда он ходил в туалет?

Оскорблённая собака прыгнула на мышку и разорвала её на мелкие кусочки.

Рассказала Яр Ченга Тоболевна

Записала и перевела специалист по фольклору Г.И. Тоги, ЦНТ с/п Караул.

Ядна Хасава ненецкая легенда

Идёт по тундре Ядна Хасава. Идёт навстречу ветру, по камням, по неровной земле. Видит следы шестерых волков, следы свежие, видно, волки недавно прошли. Пошёл он дальше и увидел волков. Волки, увидев его, стали рычать, видно, что они голодные. Ядна Хасава от испуга побежал, волки за ним следом. Спрятался Ядна Хасава за сугроб и притаился, но стоило ему выскочить из своего убежища, волки кинулись на него. Ядна Хасава встрепенулся и превратился в волка, и вместе с волчьей стаей побежал по тундре. Через какое-то время учуял запах дыма. Смотрит, недалеко стоит чум, возле чума ходит женщина, мужчина возится возле священных нарт. Аккуратно поставил священные нарты за чум, занялся другими делами. А женщина суетится и бегаёт вокруг чума и священных нарт. Ядна Хасава смотрит и удивляется, как это её муж ей это позволяет. Оленей у них не так много – голов тридцать, видать бедные.

Когда всё утихло, хозяева легли спать, Ядна Хасава и шестеро волков начали гонять оленей, загнали их так, что всех задрали, остался в живых один телёнок. Волки наели брюхо, и Ядна Хасава захотел есть. Стал он бегать за оставшимся в живых телёнком. Телёнок от страха забежал в чум, и Ядна Хасава не поймал его. Остался Ядна Хасава голодный и по-

бежал дальше, а следом за ним шестеро волков.

Утром просыпается хозяин чума, его звали Нарова. Видит, олени все мёртвые лежат, один телёнок остался, всех оленей подрали волки. Нарова от злости почернел, как туча. Взял ружьё, встал на лыжи и пошёл по свежим волчьим следам. А тем временем Ядна Хасава с волками отдыхали за приземистым холмом. Нарова застал их врасплох, волки до того наелись мяса, что не нашли сил убежать. Нарова вытащил своё ружьё и перестрелял всех волков, но Ядна Хасава убивать не стал, не смотря на то, что тот был в облике волка.

– Вижу, ты не настоящий волк, иди с миром, – сказал Нарова. Ядна Хасава, услышав такие слова, побежал дальше. Когда скрылся из виду Нарова, Ядна Хасава снова принял человеческий облик.

Пока шёл он по тундре, наступила весна, прилетели гуси. Снова встрепенулся Ядна Хасава и превратился в гуся. Всё лето Ядна Хасава летал среди гусей. Спустились как-то раз гуси на озеро, через некоторое время подъехали к озеру охотники на оленьих упряжках. Один охотник, главный из них, говорит остальным:

– Смотрите, на озере сидят три тысячи гусей, среди них есть один, особенный гусь. Вы сейчас поймайте его, да не упустите.

Ядна Хасава услышал эти слова и понял, что речь идёт о нём. Спустили охотники лодки на воду и стали ловить Ядна Хасава, но никак не могут поймать его. Тогда главный охотник говорит:

– Отпустите с верёвки мою собаку, она хорошо охотится на гусей, она быстро его поймает.

Подплыла собака к Ядна Хасава, только хотела схватить его, но Ядна Хасава ударил собаку клювом, собака с громким визжанием ушла под воду. Выплыл Ядна Хасава на берег, встрепенулся, принял человеческий облик, пошёл навстречу охотникам. А тем временем охотники собирались уезжать, завязывали нарты и ждали собаку с добычей. Увидели они Ядна Хасава, стали его расспрашивать:

– Кто ты такой? Куда идёшь?

– Я сам по себе, – отвечает Ядна Хасава. – Куда хочу, туда и иду, в кого хочу, в того и превращаюсь.

Ничего не поняли охотники, ходят, нервничают, ждут свою собаку.

– У вас, я вижу, весело, – сказал Ядна Хасава. – Я тоже хочу пострелять.

Убил одного гуся Ядна Хасава и пошёл дальше. Пока он шёл по тундре, то зима на-

ступит, то лето, гуся так с собой и таскает. Возьмёт за голову гуся, всё мясо к ногам уходит, возьмёт за ноги – мясо к голове уходит. Вскоре, Ядна Хасава увидел чум и подумал: «Где-то, когда-то этот чум я видел. Да это же чум Нарова, не знаю, как они жили всё это время». Чум всё так же стоит на том же месте. Питается семья Нарова мясом оленей, которые остались после волков. Три года едят они это мясо оленей. Ядна Хасава спрашивает Нарова:

– Ты знаешь меня, Нарова?

– Откуда мне тебя знать? – буркнул Нарова.

Смотрит Ядна Хасава, телёнок, который остался в живых, совсем вырос. Да, бедно живёт Нарова, и в этом виновата его жена.

– Это я так сделал, – сказал Ядна Хасава, – я оставил тебя без оленей. Это наказание тебе за то, что ты позволял своей жене осквернять священные нарты. Женщина даже близко не должна подходить к нартам, где лежат родовые идолы.

На самом деле Ядна Хасава был посланником Нума, Бога ненцев. С помощью Ядна Хасава Нум наказывал тех, кто не соблюдал обычаи, традиции, осквернял священные места.

Записала и перевела специалист по фольклору Г.И. Тоги, ЦНТ с/н Караул

Лыбракан

долганская сказка

Жил-был сирота – Лыбракан. Однажды он отправился по реке на ветке. Плывет на ветке и хвастается:

– Как быстро я гребу – аж волны разбегаются!

Вдруг услышал он, что кто-то повторяет за ним его же слова. Второй раз сказал:

– Как быстро я гребу! – И снова услышал, что кто-то повторил за ним.

В третий раз крикнул те же слова, любопытствуя, и в третий раз услышал, что кто-то за ним повторяет.

Лыбракан причалил к берегу и сошел с ветки, чтоб посмотреть – кто же его передразнивает?

Пошел по берегу искать и наткнулся на огромный камень-валун. Подошел Лыбракан к камню и говорит:

– Ох, это ты меня, наверно, передразниваешь? – и пнул камень ногой.

Одна нога Лыбракана прилипла к камню. Рассердившись на это, пнул второй ногой – и вторая нога тоже прилипла к камню. Тогда со злости ударил он камень рукой – рука тоже прилипла к камню. Ударил второй рукой – и та прилипла. Не выдержав, изо всех сил ударил Лыбракан камень головой. И голова прилипла к камню. Вот так стоит он, согнувшись комочком, весь прилипший к большому валуну.

В это время к камню подошел великан Абаахы и, заметив прилипшего Лыбракана, сказал:

– Сеть моя, сетище, хорошо ловишь!

Оторвал Абаахы от камня человечка и положил в карман свою добычу. Пришел домой Абаахы и повесил добычу сушиться вверх ногами, а сам снова отправился на охоту – камень у него был ловушкой.

Висит Лыбракан вниз головой и видит: на полу бегают дети Абаахы – семеро лысых. Они играют, приговаривают:

– От Лыбракана жидкая смесь и густой жир потекли, давай съедем! – и начали хватать на ходу, глотая слюну и соплю Лыбракана.

Испугался Лыбракан и крикнул:

– Эй, дети, снимите меня отсюда, я вам игрушки сделаю! Знаете, где лежит острый нож отца? Перережьте веревку, спустите меня на землю.

Поверив Лыбракану, дети развязали его, достали из-под подушки Абаахы острый меч и отдали пленнику, чтоб вырезал им игрушки. Лыбракан взял меч и посадил детей рядом, чтоб посмотрели, как он им игрушки вырезать будет. Дети уселись в ряд, и тогда Лыбракан взмахнул мечом и одним ударом снес головы всем семерым. Их тела поставил варить в котелок, а головы уложил на подушке в один ряд и укрыл одеялом, чтоб показалось, как будто дети легли спать. Сам превратился в кору дерева и прилип к дверному косяку.

Пришел Абаахы с охоты. Видит – дети мирно спят, а в котле что-то варится. Проголодавшийся Абаахы услышал запах пищи и говорит:

– Как хорошо, что мои дети стали мне помощниками, даже позаботились, чтобы сварить Лыбракана мне на ужин.

Сказав так, Абаахы начал есть. Отрезал кусок мяса от сердца, съел и вдруг почувствовал что-то неладное:

– Что-то сердце моё сильно сжалось, неужели Лыбракан мне приходится сердечной родней?

Второй кусок отрезал от печени – и почувствовал, как заныла его печень:

– Неужто Лыбракан по печени мне родня?

Третий кусок отрезал от желудка – тут же заверещало у него в желудке. Опять удивляется Абаахы:

– Неужели Лыбракан по желудку мне родня?

Наелся Абаахы, и начал будить детей, чтоб тоже поели. Отдернул одеяло, и головы детей на пол покатались. Абаахы, перепуганный до смерти, начал их бить своими ручищами по лысым головам, приговаривая:

– Пух-пах, пах-пух! Проломись дырой!

Опомнившись, Абаахы пришел в ярость и начал орать:

– Где ты, Лыбракан?

А Лыбракан ему в ответ:

– Я тут, на улице меня ищи!

Абаахы выбежал на улицу, от гнева и от ярости задыхаясь, и начал бегать вокруг дома своего железного. Не найдя никого, в гнев закричал:

– Лыбракан, где же ты, покажись! Уничтожу!

– Я здесь, в доме, ищи меня тут! – дразнит его Лыбракан.

Абаахы вошел в дом, стал искать по всем углам и, не найдя никого, вновь закричал пуще прежнего:

– Где ты, Лыбракан?

Лыбракан ехидно отвечает:

– Ищи меня в печке.

Абаахы полез головой в печь, никак не может пролезть. А Лыбракан, зная себе, его поддразнивает и говорит:

– Дедушка, так не пролезешь, лезь задом!

Абаахы послушно полез задом в печь, а Лыбракан проткнул его посохом и убил.

Так Лыбракан своей смекалкой победил Абаахы и сохранил себе жизнь.

*Рассказала и перевела А.А. Суздальова,
методист по фольклору, ЦНТ с/п Хатанга*

Эр Соготох – Богатырь одинокий долганская сказка

На узорчатой разноцветной земле, в огромных доспехах жил-поживал Эр Соготох – богатырь одинокий. Подошло ему время жениться, и пошел он искать невесту. Решил дойти до края земли и там себе жену найти. Вышел из дома и, поймав одного коня, надел ему на спи-

ну седло, а тот, чувствуя, что куда-то собрался хозяин, запел человеческим голосом:

Хозяин, мой хозяин,

Отсюда поедешь – на пути встретишь,
мой хозяин,

Густую чашу тайги, что даже мышка не
проскочит, мой хозяин.

Тогда зайди в мое левое ухо, возьми гребешок и брось:

«Образуйся проход для одного ездока» – скажешь, мой хозяин.

А когда дальше поедешь, мой хозяин, Ты увидишь с небом сросшуюся каменную высокую гору, мой хозяин.

Тогда заходи в мое правое ухо, возьми меч и брось вперед,

Сказав: «Образуйся проезд для одного ездока!» – мой хозяин.

А увидишь огромное пламя – аж до неба, без конца и края, мой хозяин,

Тогда возьми острый нож и брось вперед, сказав:

«Образуйся путь для одного ездока!» – мой хозяин.

Дальше поедешь – и доедешь, мой хозяин,

До огромного океана – того берега не видать, мой хозяин.

Тогда сильно ударь меня по бокам, с разбегу через воду прыгнем,

Мой хозяин, мой хозяин.

Выслушав пение коня, сел Эр Соготох на него верхом и поехал куда глаза глядят – конь его везет рысью. Долго ли ехал – до густого, непроходимого леса доехал и, подумав, вспомнил песню коня. Вошел в его левое ухо, взял частый гребень и бросил в лес, сказав: «Образуйся проход для одного ездока!» Тут же лес открыл дорогу широкую. Эр Соготох через лес проехал и дальше поехал. Ехал-ехал, и уперся в каменную гору высокую – края ее не видно. Подумал, что делать? – И вспомнил песню коня. Вошел в его правое ухо и вытащил меч, бросил его вперед на стену каменную, сказав: «Образуйся путь для одного ездока!» Сразу в скале пролом образовался – и Эр

Соготох через него проехал. Не долго ехал – и добрался до берега океана. Тут, чтоб перепрыгнуть через океан, он сильно прищпорил коня, ударив его по бокам. Тот, что было силы, прыгнул через океан так, что передние ноги зацепились за берег, а задние в воду попали. Выехав на берег, конь запел:

Мой хозяин, мой хозяин,

Вперед когда поедешь – то, мой хозяин,

Где небо опускается, как женская парка, мой хозяин,

А матушка-земля поднимается, как нос охотничьей лыжи,

Где земля с небом сходится, на краю земли и неба, мой хозяин,

Там стоит дом царя земного, мой хозяин.

Когда доедешь, зайдешь в гости,

То увидишь – на кровати, где спят старики, мой хозяин,

Лежит щенок-сучка и щиплет оленью шерсть от шкуры.

Если будут перечислять, что подарить тебе к отъезду, мой хозяин,

Ты попроси этого щенка, а если не дадут, то скажи – обидишься.

Тогда они вынесут щенка, приговаривая, мой хозяин:

«Береги, не обижай ее, это память наша вечная, не урони».

Будут плакать и рыдать, отдавая, жалея, мой хозяин.

Это их единственная дочь, превращенная в собачку для отвода глаз.

А тебе она с пятилетнего возраста со-сватана еще родителями твоими, мой хозяин.

Так и сделал богатырь, как сказал конь. Увез девушку домой и стал жить-поживать и добра наживать с красавицей-женой.

*Рассказала и перевела А.А. Суздолова,
методист по фольклору, ЦНТ с/п Хатанга*

Боскондой*

долганский героический эпос – олонхо

Жил-был круглый сирота, не ходячий. Девять лет он лежал запертый в своем доме, а дом был огромный, как три стойбища, с восе-

мью окнами. Захотелось ему выйти на улицу и он пополз к дверям, но они оказались запертыми. Так ползая, он наткнулся на топорик,

* Освобождённый

который лежал возле окна. Кое как, опираясь на стол, он потихоньку встал, и что было сил толкнул от себя топорик по столу, что стоял напротив окна и, разбив окно, сирота выскользнул на улицу. Оглянулся вокруг, видит, что находится на острове и от острова выступает длинный, высокий мыс. А вокруг так красиво, аж в глазах рябит – он впервые вышел на улицу. Стал сирота обходить остров. Вот увидел он большой меч, запомнил это место. Дальше идет и находит острую пешню. Также помечает место – с собой взять её сил нет, поднять не может, слабый еще. Идет он по краю острова, видит – растет ветвистое дерево с золотыми сучьями. Подумал про себя сирота: а не поджечь ли его? Как подумал так и сделал. Когда дерево разгорелось, он лег на костер. Хотел умереть – зачем так жить, одиноким и больным. Но как только он лег, костер тут же потух, только черные угли остались. Не суждено ему, видно, в огне сгореть. Пошел он на то место, где оставил большой меч. Кое как поставил меч рукояткой вниз, острием вверх и упал на него чтоб умереть. А меч в нескольких местах сломался, так же и пешня сломалась в трех местах. Видно, не суждено, или не подошло время ему умереть. Расстроился сирота, сел на землю и запел:

Вот я одинокий сирота, мучаюсь, почему мне не везет?

Девять лет был в неволе, в запертом доме жил я.

Смерти искал – не нашел.

И на острый меч ложился, да только он сломался,

В огне хотел сгореть, да он потух,

На пешню острую ложился, она в трех местах сломалась.

На что мне такие мучения?

А может, попробовать в восьмиглубинном океане утонуть?

Может, что получится?

Закончив петь, увидел – на высоком мысу растет большое дерево с тремя большими ветками, согнутыми над водой. Пошел туда, натаскал тяжелых камней, собрал их в кучу, соединил веревкой и привязал к себе. А другой конец веревки закинул на три ветки, чтоб оттуда прыгнуть в океан и утонуть. Ветки сломались, веревка оборвалась, и сирота упал в воду. Когда всплыл, то очутился на неизвестной ему земле. Он подумал – и камни не по-

могли. От злости, что не умер, забросил в воду камни, оборвал на себе веревки и, лежа, запел:

Мне предвещали, что я утону в океане, обманули меня.

И старики ошибаются, напраслину наговаривают.

Не суждено мне умереть, как предвещали старики,

Не нашел я смерть.

На небе, на каменном сиденье, Белый царь сидит, говорят.

Так я у него спрашиваю: где я могу найти свою смерть?

А под землей, говорят, живет восьмиголовый Абаахы.

Может, туда пойти драться, чтобы в бою погибнуть?

На средней земле, как я вижу, мне не умереть.

Пока сирота смерти себе искал, не заметил, как вырос, и как силы к нему пришли богатырские. И тут увидел он, что подходит к нему богатырский конь с уздой. Как только потянул сирота за узду, конь почувствовал, что перед ним стоит сильный богатырь, и повинился ему. Сирота сел верхом и направил коня в нижний мир, смерть искать. Долго ехал, пока не наткнулся на большой железный дом Абаахы. Огляделся и увидел: на западной стороне стоят огромные, железные вешала на восьми столбах. На них лежит что-то большое, страшное – то ли нога, то ли крыло у него свесилось, аж до земли. Подъехал сирота поближе, чтобы получше разглядеть, подошел и увидел, что это огромная птица-смерти, с железными перьями. Сирота, пораженный ее размерами, запел:

Я говорю тебе, дружище, здравствуй. Ну ты и отъелся!

Ну и личико свое ты отъел, но все равно здравствуй!

Я хотел в огне сгореть, как предсказывали мне, не сгорел.

Девять лет лежал запертый один, еле выбрался.

Что меч острый – тоже не верю, не смог себя убить им.

И что пешня острая – не верю, заколоться хотел, не получилось.

В восьмиглубинном океане хотел утопиться, и там смерти не нашел.

Может, твою глазастую, младшую дочь в жены взять?

Или найди мне смерти, прошу я тебя,
Абаахы-богатырь, железные икры.
Девять лет промучился я и вот пришел к тебе,
Чтоб драться с тобой.

И вот стали они драться, два богатыря: сироту специально держали взаперти все эти годы, знали – большим и сильным богатырем он оттуда выйдет. Сколько лет, сколько зим они дрались, никто не знает. Надоело Белому царю смотреть, как они дерутся, сметая все живое вокруг. Просит он Дождевую молнию-девушку, большую шаманку, чтоб перебросила дерущихся богатырей на маленький остров, вокруг которого горит в океане смола. И пусть в живых останется тот, кто сильнее.

А богатыри все дерутся и не замечают, что к ним подошла шаманка Дождевая молния, и только удар бубна смог их остановить. Тут шаманка начала петь:

Я пришла, чтобы утихомирить вас.
Чтобы не уничтожили вы солнечную,
среднюю землю.
Девять лет запертый сидел ты, богатырь-Боскондой (так звали сироту).
Разве ты слушаешь кого-то, пока не применишь силу?
Но все равно, остановись и слушай.
И ты, Абаахы-железные икры, поедающий земных людей,
Остановись и слушай.
Посередине огненного океана есть остров небольшой,
Я брошу вас туда, пока вы не уничтожили
На средней земле все живое.

И сказав «хок», ударила по бубну колотушкой. И два богатыря полетели по небу на этот остров. Когда приземлились, то увидели, что он совсем крохотный. Но куда деваться, не хотят друг другу уступать, опять начали драться, пока не упали вдвоем в океан. Боскондой все-таки одолел Абаахы, утопил его. Когда вышел из океана, то оказался на старом месте, там встретил девушку – огненную Калбы. Она ему говорит: «Тебе Абаахы, которого ты утопил, будет мстить. Когда он будет говорить тебе обидные слова, дразнить, ни за что не оборачивайся. Если обернешься, пуще прежнего будешь мучиться».

Боскондой девушку взял с собой, она стала ему женой. И вот они едут вдвоем по берегу океана, вдруг слышат голос:

– Когда это ты успел на ней жениться, такой сякой?

Девушка сидит сзади, обхватив Боскондоя, и сильно сжимает ему руки, мол, не оборачивайся.

Во второй раз Абаахы, превратившись в огонь, подходит к ним вплотную, пуще прежнего дразня. В третий раз богатырь все-таки не выдерживает и оглядывается, и теряет жену. Абаахы уносит ее.

Пожалел тогда Боскондой, что не послушался жену. Да делать нечего – пошел ее искать. Едет и думает – куда же Абаахы унес его жену, может в восьмiglубинный океан? Стал искать там – не нашел. Опять едет и вдруг видит – стоит деревянный дом. Вошел туда, а там старик-кузнец, одетый в железную кольчугу, работает. С ним два помощника куют железных лошадей, железных людей. На приветствие не обращают никакого внимания, уж больно работой заняты. Как только кузнец в очередной раз поднял руку, Боскондой схватил ее крепко и запел:

Я тебе говорю, мастер железа, кузнец,
Сделай мне, да побыстрей, богатырский меч.
Жену мою, огненную Калбы, украл
Абаахы-железные икры.
Хочу скорее с ним посчитаться.
А если откажешься, огонь твой уничтожу,
Потушу твой очаг.
В восьмiglубинном океане утоплю.

Узнал Боскондоя кузнец: «Это тебя Белый царь на девять лет запер, знаем что ты сильный богатырь, отпусти мою руку. Сделаю тебе меч, подожди немного». И принялся за работу.

Боскондой не верит старику-кузнецу, решил проверить и говорит: «Отпусти со мной одного помощника в провожатые, пусть покажет мне местность». Как отошли они подальше, богатырь говорит помощнику: «Ты иди, а я по надобности схожу». Как только провожатый отошел, Боскондой сломал дерево и бросил в него, и сломал ему шею. Вернулся и видит: старик кует вместо меча железного богатыря. Тут старик спросил: где мой помощник? На что Боскондой ответил – он оставил меня и ушел.

Так богатырь поступил и со вторым помощником. Старик обижается на помощников, что оставили его одного работать, а Боскондой предлагает ему свою помощь.

– Ты поспи, старик, я поработаю вместо тебя.

Старик, видимо давно не отдыхал, только лег и сразу уснул. Богатырь, делая вид что кует, раскалил железо до красна и убил спящего кузнеца. Догадался он, что это были помощники Абаахы.

Сел Боскондой на коня и поехал искать жену в нижний мир. Видит, стоит большой железный дом, сел он на порог дома и запел:

Наконец-то я тебя нашел, Абаахы.

Из последних сил выбился, но все-равно догнал.

Узнал я твои глаза, Абаахы.

Теперь ни за что тебе меня не обмануть, не убежать от меня,

Хоть в восьмiglубинном океане спрячься,

Или высоко в небе растворись,

Везде тебя достану, больше не уйдешь от меня.

Услышав песню богатыря, Абаахы посылает восемь своих помощников убить Боскондоя. А богатырь даже не подумал встать, и сидя расправился со всеми кто, пришел. Свернул им шею, как делают с линными гусями и раскидал в разные стороны. Недаром слыл он

большим, сильным богатырем. Увидев, что все его помощники мертвы, Абаахы хотел убежать, но Боскондой его схватил, оторвал голову и бросил в горящий океан.

Освободил он свою жену, привез ее домой, стали обживать потихоньку. Она родила богатырю сына, через некоторое время опять забеременела. И вот настало время родов, но жена никак не может разродиться, мучается сильно. Богатырю очень жалко жену – за мои грехи муки эти терпит. И тут он вспомнил про шаманку-Дождевую молнию. Она наверняка поможет жене моей.

Молва по тундре быстро идет, приехала шаманка, ударила колотушкой три раза по бубну, три раза по животу беременной и сказала: родит твоя жена сына – и исчезла.

И вот настало время сыновьям дать имена. Старшего сына назвали Ныыналла-Ныыналлан – богатырь охраняющий. Младшего сына назвали Юрдук-Эбэньтэй – смотрящий, видящий.

С тех пор живет Боскондой со своей семьей, свой народ у него появился. И охраняет он среднюю землю со своими сыновьями-богатырями, не пускает сюда Абаахы.

Рассказал С.Б. Бетту, п. Каттырык.

Записала А.А. Суздолова, перевела с долганского И.А. Лаптукова, специалисты по фольклору, ЦНТ с/п Хатанга

Лариса Бетту

Родилась в 1963 году в посёлке Кресты Хатангского района. Закончила Якутский ордена Дружбы народов государственный университет. По образованию филолог. Занимается изучением фольклора, работает в Таймырском Доме народного творчества. В альманахе публикуется впервые.

Фольклорные традиции в творчестве Огдо Аксеновой

В зарождении и становлении любой национальной литературы устному поэтическому творчеству принадлежит доминирующее место. У ранее бесписьменных народов Севера единственной сокровищницей духовной культуры являлся фольклор. Именно он, обогащаясь из поколения в поколение, впитал многовековую народную мудрость и опыт северян, их жизнестойкость в борьбе с суровой природой.

Одно из примечательных явлений нашего времени – рождение литературы у малочисленных народов Севера, которую нельзя представить без самобытных произведений, созданных талантливыми представителями эвенского, юкагирского, чукотского, мансийского и других народов. Процесс рождения новой литературы продолжается и по сей день. Свидетельством этого является рождение долганской литературы, у истоков которой стоит Огдо Аксенова – первая поэтесса, представительница этой малочисленной народности, не имевшей ранее письменности. Евдокия Егоровна Аксенова является не только основоположником родной литературы, но и создателем долганской письменности.

Творческим источником в становлении Огдо Аксеновой являлся фольклор родного народа, который представлял собой естественную почву для развития таланта поэтессы.

Поэзия Огдо Аксеновой самобытна, как и один из вскормивших ее родников – устное народное творчество долган. Еще в раннем детстве Огдо познает чарующую прелесть

долганских сказок, преданий, олонхо. Фольклорный материал имеет разное назначение в художественном творчестве Огдо Аксеновой. Все зависит от идейно-тематической направленности литературного произведения, которую, естественно, определяет сам автор.

Огдо сумела сохранить и донести до читателей, своих современников, своеобразный, богатый фольклор своего народа. В своем творчестве она использует традиционные художественно-выразительные средства: эпитеты, сравнения, олицетворения, метафоры, повторы, образы, гиперболы, фразеологизмы, которые представляют собой целую историю поэтического вкуса народа, его понятия прекрасного и его общественного миросозерцания.

Развивая систему образов, Огдо создает в своих стихах новый поэтический прием – олицетворение. Одухотворенность придается не только конкретным вещам, но и абстрактным понятиям – детству, жизни, смерти, радости. В итоге рождаются свежие по образам, истинно – поэтические, рисующие мир стихи. Вот, например, в стихотворении «Свою родину вспомнила я»... поэтесса вспоминает своё детство:

Свое детство здесь вспомнила я,
Что промчалось на легких санях...

В стихотворении «Невольные советы» такое понятие, как жизнь, Огдо наделяет человеческой речью. Жизнь дает советы:

А она: «Карабкайся, держись!»
Ты же знаешь, я не вся такая.
Я богаче: добрая и злая.

Полюби несладкую меня,
доживешь и до иного дня.

Автор вкладывает в уста жизни свои определенные жизненные выводы:

Кто нужду, обиду превозмог,
Будет крепок как олений рог.
Я тебя спасаю, может быть.
Научись за всё благодарить.

В поэме «Бахыргас» мы встречаемся с образом смерти.

Семью за семью
Как веником, смерть подмела
Почти подчистую...
Еще в уголке поскрести...
Что ей заклинанья
и жженные перья орла!
Под корень смахнула весь род,
подчистую почти...

Образ смерти – это воплощение того голода, эпидемий, которые при царизме являлись настоящим бичом для северян, уничтожали целые стойбища, родовые сословия.

Прием олицетворения видим и в отношении такого традиционного образа, как «тундра». С тундрой автор ведет разговор как с человеком, называет ее тундрой-матерью. В стихотворении «Вновь я в тундре» автор говорит о том, что «тундра – мать длинноворотных, пушистых песцов мне дарила». Обращаясь к птицам, Огдо говорит им:

Тундра в белом сакуе
Вас, соскучившись, ждет.

Образ тундры наделяется человеческими чувствами, поведением. У Огдо, такие природные явления, как солнце, ветер, тучи, снег, льдины, сугроб, трава, одухотворяются; автор относится к ним, как к живым, сознательным существам:

И вот уж входит
В каждый дом.
Окошек створки раскрывает
И новорожденных теплом,
Словно целует, согревает.

К ветру, умному следопыту обращается она с любовью:

Быстрый ветер, мой каюр,
Знает свое дело,
Ветер северный мой,

Следопыт умелый.

Мир природы очеловечивается с поэтическим своеобразием. В её стихах и «Всхлипывает за сугробом сугроб»; «Льдины в салочки играют, удирают друг за дружкой в океан»; «Ручьи помчались и запели песни чистые свои». Или такое олицетворение – «Первый снег на все, сверкая, с недоумением глядит»; «Гряда туч дышит». Одухотворяются даже травинки, которые «бегут по дорожке, ловят солнечных зайчиков в свои ладошки». Этот прием мы увидим в описании предметов домашней утвари. Если в олонхо все предметы говорят, поют человеческими голосами, то у Огдо этого нет. Здесь Огдо прибегает к сравнению – олицетворению: «посуда пляшет, будто хмельная», «мясо в котлах клокочет, прыгает как шаман», «чайник пузатый пышет и фыркает на огонь».

Поэзии Огдо Аксеновой присуще обилие красок, яркость и выразительность, достигнутые в результате активного обогащения ее художественно – выразительными средствами устного народного творчества.

В своих стихах Огдо использует эпитеты с лексическим и смысловым разнообразием. Часть эпитетов традиционна, имеет фольклорную основу, часть несет отпечаток нового времени. О лексическом и смысловом разнообразии говорит то, что, например, к слову *дойду* (страна, земля, мир) относится восемь различных эпитетов на долганском языке: радостная, родная, промерзшая, долганская, чистая, белоснежная, тихая, суровая.

В ее поэзии бытуют обновленные традиционные эпитеты. Прежнее их содержание при этом не меняется, но расширяется круг сопоставляемых предметов: радостная, родная земля, чистая, белоснежная страна, промерзшая земля, долганская земля. Авторские эпитеты, являясь результатом творческих находок, усиливают выразительность образов, придают им эмоциональную окраску. В ее стихах присутствуют эпитеты, характеризующие новую действительность: доблестный труд, стремительный век, дни светоносные, большие, тундры миролюбивая дочь, мой светлый Север, радостная, родная страна.

Но в её поэзии можно отметить и присутствие традиционных эпитетов, которые, создавая красочную, колоритную картину, помогают не

только изобразить конкретные качества предметов, но и усилить эмоциональность стиха.

Сравнения в поэзии Огдо выполняют роль одного из художественных основных средств, обеспечивающих образность и красочность. В ее стихах присутствуют, в основном, простые сравнения, создаваемые словесно с помощью союзов «кёрдюк» (как, подобно, словно): «холод, словно дым костров, выжимает бисер слез», «как поэмка мчит старик», «и пот ледяной выступал, словно иней», «и трава надо мной, как роскошный толбон»; «как ребенка, стихи я под сердцем ношу»; «я ловлю их, как ловит оленя аркан, я люблю их, как музыку любит барган»; «как олень, я бродил по студенной воде»; «как два месяца юных сережки блестят»; «было небо как в шкурах, в густых облаках» и т. д. Можно привести достаточное количество сравнений, которые в изобилии и мастерски представлены поэтессой. Часто объектом сравнения выступают орудия труда, предметы домашней утвари: «месяц над озером как бака, свесился после утихнувшей бури» (бака – серпообразный инструмент у долган для обработки меха). Каждое сравнение в ее стихах представляет колоритный образ:

Моя шея, как чимка давно
Притомилась, а жду все равно.

(Чимка – поперечная жердь в чуме над очагом, на которую крепится крючок для чайника). Как и в фольклорных произведениях, поэтесса для сравнения привлекает образы реальных явлений родной природы и жизненного уклада своего народа. В результате ее поэтические сравнения просты и непосредственны, рождаются новые формы и изобразительные средства, появляются новые сравнения, совершенствуется их структура. Таким образом, традиционные сравнения живут полнокровно в поэзии Огдо, выполняют роль одного из художественных средств, обеспечивающих образность и красочность.

Огдо Аксенова в своих стихах обращается к традиционным образам. Рассмотрим трактовки таких традиционных образов и понятий, как образы огня, солнца, духа и т. д. В поэме «Бахыргас» Огдо обращается к культуре огня. Здесь звучит мотив «кормления огня». Герой поэмы, мальчик Бахыргас, обращается к огню с просьбой:

Дедушка, добрый огонь,
Разгорайся жарчей,

Сала поешь и отца моего отогрей,
Если он где-то в глубоком сугробе
застыл...

Сало, бросая в огонь, Бахыргас говорил.

Огдо через монолог героя сумела донести до нас, передать истинно-традиционное, почтенное отношение долган к огню. В долганском олонхо огонь несет в себе олицетворение домашнего очага, который мыслится в образе старой почтенной женщины или старика, дедушки. Огонь у долган считается, прежде всего, покровителем и оберегом семейного очага, счастья и благополучия. И до настоящего времени огонь пользуется у долган глубоким почитанием и уважением.

Обращаясь к традиционным образам, Огдо наполняет их новым содержанием, т. е. через переосмысление этих образов поэтесса воссоздает картины новых явлений современной жизни. Огдо с радостью и гордостью повествует о новой жизни своей земли, родного народа.

Земля моя, из года в год
Богаче, радостней, сильней.
Жизнь, украшая мой народ
Живет под солнцем новых дней.

В стихотворении «Родина» традиционный образ матери-земли представлен в ином контексте:

Родина – мать. Её трав и рек
Раздолье жить помогает.
На родине даже холодный снег
Не студит, а согревает.

Здесь присутствует важная тема – любовь к Родине, тундре. В каждой строке слышится любовь поэтессы к своей земле. Как же нужно любить суровую красоту родной земли, что:

Травы на родине всегда приласкают.
Не накормят, так хоть напоят водой.
А если в белое безмолвие канешь –
снега согреют...

В своих стихах Огдо изредка обращается к образу реки. Она использует традиционную форму обращения. Введение этого образа наблюдается в основном в лирических стихах, в песнях автора. Например, в песне «Чернобровый» девушка в ожидании любимого в своем монологе обращается к этому образу:

Жду тебя на берегу я,
Бабушки – Хеты суровой,
По тебе я здесь тоскую,

Мой любимый, чернобровый.

В следующей песне «Моя родная Волочанка» поэтесса говорит о своей родине и вспоминает образ реки – Хеты:

Я в Волочанке родилась...
Как прозрачны воды
Бабушки – Хеты.

Как в России говорят «Матушка-река», так и у долган существует такое традиционное название как «Бабушка-река». В долганском фольклоре традиционное обращение мы встречаем в песнях лирического характера. Характерным является то, что образ бабушки-реки нашел свое отражение в лирических песнях Огдо. Своеобразная напевная лирика долганской поэтессы по образному и метафорическому строю близка к истокам ее поэзии – устному народному творчеству. Поэтому, очевидно, многие ее стихи стали популярными народными песнями. Отталкиваясь от традиционных форм, образов, поэтесса создает лирическую песню на профессиональном уровне.

В поэме «Бахыргас» довольно ярко представлен образ духа болезни:

Дух болезни кочует,
Качаясь на красных ногах.
Шаг шагнет – пролетит
Расстоянье в четыре луны.

Этот образ представлен в несколько олицетворенном виде. Он и «кочует», как человек. «Шаг шагнет, пролетит расстоянье в четыре луны».

С помощью олицетворяющих метафор, создается образ духа:

Злой дух вездесущ
Он объявится здесь,
Как только несытое
Брюхо набьет...

По ходу всей поэмы раскрывается эмоционально-отрицательная характеристика образа духа.

Пусть злой дух оленя сожрёт,
Насытившись, уползает пускай!

Присутствие образа духа в поэзии Огдо не случайно. По представлениям долган вся природа, всё, что их окружает, имеют своих духов – иччи. Иччи – бестелесные, невидимые существа, которые, вселяясь в любой объект,

делали его живым. Айыы – духи, доброжелательные к людям; абаасы – духи, недоброжелательные, причиняющие людям различные болезни и несчастья, обитающие на земле и в подземном мире.

В поэме «Бахыргас» крупным планом представлен традиционный образ шамана. Автор обращает внимание читателя на такие детали атрибутики шамана, как:

Копыто из бивня на правой ноге.
На левой – медвежьих когти,
Чтоб был, как мамонт могуч,
И свиреп, как медведь,
Крепки, как бивни у шамана рога.
Со многими злыми духами он сразился,
Землю копытом втоптал.

Здесь шаман предстает перед нами в образе защитника долганского рода.

Ярко и подробно описывает Огдо ритуал камлания шамана, живописен его портрет.

Вот яростно метнулся шаман,
Будто матёрый бык закружил.

Камлание шамана носит в себе элементы драматизации. На протяжении всего ритуального действия шаман перевоплощается в разных зверей и птиц:

Мышь серой оборотясь,
Всех обнюхивает, ищет болезнь.
Громко гагара отозвалась,
Раздался ее горловой ку-кар-лик.
По чуму гагарой заметался он.

Таким образом, обращение поэтессы к традиционным образам во всем ее творчестве неоднозначно. Большинство образов переосмыслены автором и содержат новое звучание, но при всем этом поэтесса вплетает их в ткань своих стихов для создания общей картины жизни своего народа, как в прошлом, так и в настоящем. Несмотря на то, что происходит обогащение новым содержанием и смыслом, традиционные образы, сохраняют свои основные специфические черты, создают присутствие духа фольклора во всем произведении.

Влияние традиций, эстетики фольклора, особенно прослеживается в стихах Огдо, в ее очеловеченном, одухотворённом изображении природы, окружающей среды. Как известно, это типичное для всех народов образное восприятие мира, ведущее к самым древним истокам наших мифических представлений.

Поэтический сборник «Бараксан» ознаменовал начало творческого пути Огдо. Именно эта первая книга принесла Огдо Аксеновой известность, признание широкого круга читателей.

Какие же жанры устного народного творчества долган отражены в сборнике «Бараксан»? Это, прежде всего загадки, пословицы и поговорки. Весь этот фольклорный материал был собран поэтессой и предстает перед нами в творческой литературной обработке.

Особо хочется выделить в этом сборнике жанр загадок. Тематика загадок разнообразна. Это и загадки о природе, окружающем мире долганина, потомственного охотника и рыбака:

На снегу лежит бревно,
Очень странное оно:
Даже ночью тёмно – синей
На него не ляжет иней
(Бивень мамонта)

Даже самый большой грамотей,
Столько книжек и длинных статей,
На своём не напишет веку,
Сколько строк на таймырском снегу.
(Следы оленьего стада)

В сборник включены загадки о хозяйственной деятельности, о быте долган:

На рыбалку до зари одевают постоянно
Каменные бокари, шапки деревянные.
(Сети с грузилами и поплавками)

Основное содержание загадок, отображает повседневную жизнь долган, истинных охотников и оленеводов. Поэтессой собраны загадки об орудиях труда, домашней утвари:

На льду озёрном пляшет,
Головой железной машет
(Пешня)

Молчалив во время стужи,
Жар ему для песни нужен,
Но в огне кричит и плачет
И скорей на холод скачет
(Чайник)

Чайник наделяется чертами живого существа. С помощью звукоподражательных слов «ычча» и «атай» автор сумела передать, создать живой образ. Своеобразно введен утверждающий компонент «дьи-дьи» в ткань загадки. Такие выражения на долганском языке как «атай», «ычча» непереводимы на русский

язык. Они выражают определенную реакцию на горячий предмет, жару и холод.

В сборник вошли загадки об одежде долган:

В ней, хотя и нет огня,
Греет, как костер меня.
(Парка)

В народе бытовало большое количество загадок о животных: о куропатках, зайце, гусях. В сборнике Огдо Аксеновой мы встречаем загадку о горностае:

Мчится чёрное за белым
По снегам заиндевелым.
Только сколько им не мчаться,
Друг за дружкой не угнаться.
(Чёрный кончик на хвосте горностая)

Огдо Аксенова сумела донести до читателя язык долганских загадок, их выразительность, своеобразный национальный колорит.

Следующим жанром, представленным в сборнике «Бараксан» являются пословицы и поговорки. Читая пословицы и поговорки, мы не перестаем удивляться живости, своеобразию, поэтичности языка Огдо.

Муж с женой, что чашка с ложкой:
Станешь чаем угощать,
Сам увидишь, невозможно
Дребезжанья избежать.

Поэтессой собран и обработан такой фольклорный материал, как народные приметы долган. Веками складывавшиеся у долган народные приметы Огдо Аксенова сумела облечь в форму изящных и остроумных четверостиший. Они содержат воззрения долган на природу, их представления, связанные с традиционными видами промысла – охотой и рыболовством.

Если сеть свою густую
Весело плетет паук,
Значит, невод не впустую
Будешь выбирать, мой друг.

Если пуночка к полету
Собралась с птенцом вчера,
Значит, начинать охоту
На линных гусей пора.

В народных приметах отражены мудрость народа, знание жизни, его мировоззрение. Всё поэтическое творчество Огдо тесно соприкасается с фольклором долган. Она

сама живой носитель народно – поэтической традиции, хранящая в своей памяти множество сказок, преданий, олонхо. Ее связи с фольклором постоянны и многосторонни. Это и использование в стихах поэтики устного народного творчества, ритмической организации речи, обращение к фольклорно-этнографическому контексту, к традициям и обычаям своего народа.

Рассмотренные нами примеры показывают, что идейно-эстетическое содержание поэзии Огдо Аксеновой самобытно, тесно связано

с устным поэтическим творчеством долганского народа.

Поэтесса черпает в устном творчестве не только образы и изобразительные средства, но и мудрость народную. Близость к фольклору по содержанию и поэтике, простота и народность – причины широкой популярности произведений долганской поэтессы. Творчество Огдо Аксеновой представляет собой уникальное явление: в нем представлены почти все возможные формы взаимодействия фольклора и литературы.

Литературно-художественный альманах
«ПОЛЯРНОЕ СИЯНИЕ 2006»
Выпуск 11

Верстка М.Л. Гукайло

Подписано в печать 05.07.07 . Формат 60x84 1/8.
Печ. л. 20,0. Бумага офсетная.
Тираж 150 экз. Заказ 106. Цена договорная

Отпечатано ООО Изд-во «Красноярский писатель»
660049, г. Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89
т. 23-48-60